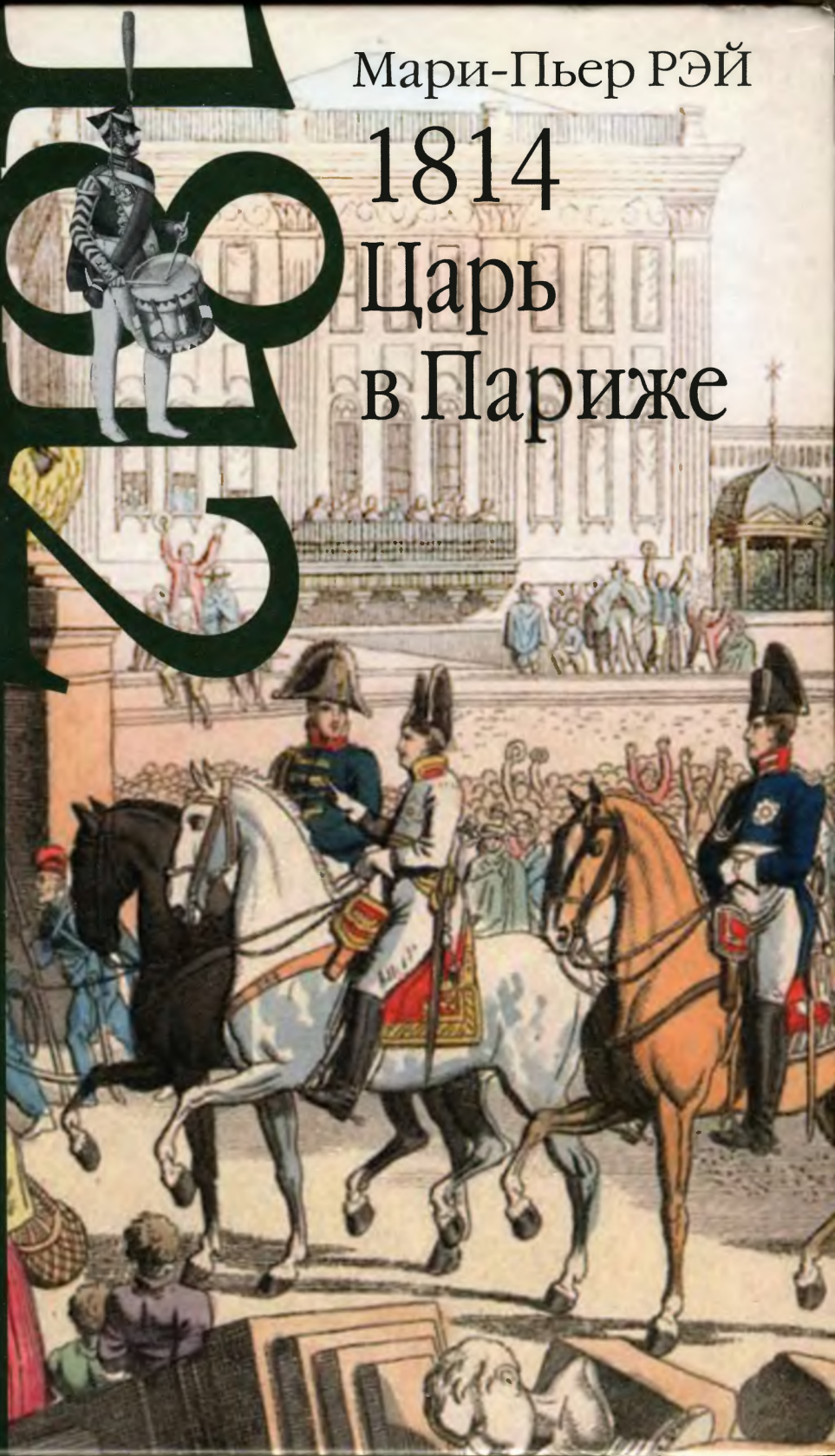

в х о ш е

Мари-Пьер РЭЙ

1814

Царь
в Париже

Marie-Pierre
Rey

1814
Un Tsar
à Paris

Мари-Пьер
Рэй

1814
Царь
в Париже

Рэй М.-П.

Р96 1814. Царь в Париже / Мари-Пьер Рэй ; [пер. с франц. А. Ю. Терещенко]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 247 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-2152-4

Книга Мари-Пьер Рэй «Царь в Париже» рассказывает о французской кампании Александра I и о пребывании русской армии в Париже в 1814 году. Она является логическим продолжением книги «Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год», опубликованной в издательстве РОССПЭН в 2015 году. Эти две книги позволяют сопоставить поведение французской и русской армий на неприятельской территории и восприятие двух народов, долго находившихся в противостоянии, иноземного вторжения. Как и в истории войны 1812 года, Рэй обращает внимание главным образом на человеческое измерение войны – тяготы, которые выпадали равно на долю солдат и мирных жителей. Автор цитирует множество самых разных свидетельств: высокообразованных русских офицеров и простых солдат, Гортензии Богарне и восторженной шестнадцатилетней девушки, выдающихся представителей французской культуры и язвительного учителя, всей душой ненавидящего русских захватчиков. Еще одно достоинство новой книги заключается в том, что, в отличие от войны 1812 года, заграничные походы русской армии и тем более пребывание русской армии в Париже в 1814 году практически не привлекали к себе особого внимания отечественных исследователей. Другими словами, перед нами совершенно уникальное произведение, которое вызовет огромный интерес у всех, кто увлекается историей.

Исследование выполнено М.-П. Рей, профессором университета Париж-1 (Пантеон-Сорбонна), научным руководителем Лаборатории эдиционной археографии УрФУ при поддержке гранта Правительства РФ, договор № 14.А12.310004 от 26.06.2013 г.

УДК 94(4+47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-8243-2152-4

© Éditions Flammarion, 2014
© Терещенко А. Ю., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия», 2017

Кто не ужаснется
Злодеяниям этих варваров?
Всюду гремит их ярость,
Нет ничего священного для этих татар.
Их ведут бешенство,
Насилие, убийство и пожары,
Чего ждать от этих волков,
Разоряющих нашу родину?

*«Злодеяния казаков».
На мотив «Бурного вечера» (1814 год)*

Казаки нисколько не походили на свои изображения; они не носили на шее ожерелий из человеческих ушей; они не воровали часы и не поджигали дома; они были мягки и вежливы; они глубоко уважали Париж, считая его святым городом.

*«Виктор Гюго в рассказах очевидца
его жизни» (1863)*

И видел, что коня степного
На Сену пить водил калмык,
И в Тюильри у часового
Сиял, как дома, русский штык!

Федор Глинка. «Ура!» (1854)

К ЧИТАТЕЛЮ

В эпоху царей Российская империя жила по юлианскому календарю, отставая в XIX веке на двенадцать дней от остальной части Европы, где пользовались григорианским календарем. Даты, относящиеся к международным событиям (битвы, дипломатические встречи, подписание мирных договоров...), знакомые многим читателям, приводятся в книге по григорианскому календарю; даты, отражающие события, происходившие в России или приводящиеся в русском источнике, приводятся в двойной датировке: первая дата, в скобках, соответствует юлианскому календарю, вторая, без скобок – григорианскому.

ВВЕДЕНИЕ

В 1945 году, когда американский посол Аверелл Гарриман поздравил Сталина с вступлением советских войск в Берлин, у Сталина вырвалось, как будто с сожалением: «Царь Александр дошел до Парижа»¹.

Удивительно, что хозяин Кремля, всегда столь сдержанный в проявлении своих чувств, мог в таком контексте вспомнить о том, кого он же сам называл реакционным монархом. К чему это упоминание о вхождении Александра I в Париж в 1814 году, если только что закончилась Великая Отечественная война против нацистской Германии, и вступление в Берлин должно было увенчать советскую победу?

Дело в том, что с самого XIX века ни Россия, ни Советский Союз ни на минуту не забывали о пребывании Александра I во французской столице – этот момент запомнился особенно и продолжал играть огромную роль как в российской внешней политике, так и в воображении русских. Это событие удостоилось особого внимания властей – уже весной 1814 года были отчеканены медали в честь взятия Парижа – и быстро нашло отражение в литературе². Русские офицеры, образованные и уверенные в своих писательских дарованиях, оставили воспоминания, корреспонденцию, а также личные дневники, которые вначале относились только к частной сфере, но впоследствии были опубликованы в литературной обработке, также став их вкладом в увековечении памяти о французском походе. Наверное, самые знаменитые воспоминания – «Письма русского офицера» Федора Глинки³. Но память о 1814-м жила и в народе: уже в конце года этот сюжет стал центральной темой *лубков* – гравюр на бересте, украшавших наиболее скромные русские жилища, – с подписями «Освободители Европы» или «Торжественное вшествие всеавгустейшаго государя Александра Перваго в Париж»⁴. Эта память оказалась вписана и в российское пространство: в 1842 году два крупных поселения на Урале, основанные оренбургскими казаками, чьи полки отличились в ходе французской кампании, получили названия «Париж» и «Фершампенуаз»⁵. Это показывает, что 1814 год очень быстро занял особое место в русском воображении. В этой игре задачи были разнообразны, а ставки – очень высоки.

В XVIII веке в годы царствований Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II Россия фактически стала главенствовать в Европе⁶, однако ее всячески сдерживали и ограничивали другие государства⁷, отказывавшиеся считать восточного колосса полноценным европейским государством. Победа, одержанная над Великой армией Наполеона в 1812 году, никак не повлияла на это враждебное восприятие, и ответственность за это в первую очередь лежала на самом Наполеоне. В декабре 1812 года сидя в санях, стремительно мчавших его обратно в Париж, в тот самый момент, когда Великая армия мучительно умирала в ходе отступления из России⁸, французский император заявил своему обер-шталмейстеру Арману де Коленкуру:

«Русские должны казаться бедствием для всех других народов (...); война против России – это война, преследующая хорошо продуманный интерес, интерес старой Европы и цивилизации. (...) Мы должны видеть лишь одного врага в Европе. Этот враг – русский колосс»⁹.

В последующие месяцы этот взгляд продолжал господствовать: русскую победу приписывали то легендарной жестокости казаков, этих «полулюдей-полузверей»¹⁰, варваров, «пожирателей свечей»¹¹ и пожирателей маленьких детей, то нагрывшему так удачно для русских «генералу Зиме»¹², но ни в коем случае не достоинствам царской армии. Рассказы тех, кто вернулся из похода 1812 года, только подкрепили образ русского азиатского варварства, и «когда русские вошли во Францию, у них уже была устойчивая репутация варваров»¹³. А ведь высшие чины этой армии прекрасно говорили по-французски, а среди их фамилий было почти столько же европейских (Барклай де Толли, Ланжерон, Сен-При...), сколько и типично русских (Кутузов, Аракчеев, Платов...) Можно представить всю глубину враждебных предрассудков и негативных образов, влиявших на русско-французские отношения в тот момент, 31 марта 1814 года, когда Александр I готовился вступить в Париж во главе войск коалиции – русских, австрийцев и пруссаков.

Напротив, когда в 1825 году Александр I умер и на русский трон вошел «Николай Палкин», принадлежность России к Европе у большинства западных наблюдателей уже не вызывала сомнений; и если какой-нибудь маркиз де Кюстин мог взбунтоваться и заявить, что европейский характер России – лишь иллюзия, обман и лицемерие¹⁴, европейские лидеры и зарождающееся общественное мнение видели в Российском государстве «жандарма Европы», то есть государство, чья европейская природа, какой бы она ни была консервативной, сомнению не подлежит. Как объяснить эту резкую перемену? Можно предположить, что решающую роль сыграло пребывание Александра I в Париже.

Победив в безжалостном бою своего врага, внук Екатерины II оставался во французской столице с 31 марта по 2 июня 1814 года, до своего отъезда в Лондон, откуда он несколькими неделями позднее направился в Петербург.

Александр был первым русским царем*, вступившим на французскую землю после Петра I, посетившего Францию в мае-июне 1717 года – одно это уже указывало на всю важность происходящего. Но этот краткий визит царя, казаки которого прошли маршем по площади Согласия и встали лагерем на Елисейских полях, совпал с важнейшими датами в истории Франции и Европы: 6 апреля Наполеон отрекся от престола, 11 апреля был подписан договор в Фонтенбло, 12 апреля в Париж вернулся брат Людовика XVIII граф д'Артуа, 23 апреля была подписана конвенция о перемирии, 3 мая в свою столицу вступил монарх Франции, 30 мая был подписан первый Парижский договор, а 4 июня обнародована конституционная Хартия¹⁵. Таким образом, пребывание царя в Париже было временем, когда события развивались со стремительной быстротой, а жизнь бурлила: всего за несколько недель пал наполеоновский режим, уничтожена значительная часть политических нововведений Наполеона, во Франции установилась новая власть, а ее территория заметно уменьшилась не только по сравнению с большой империей, состоявшей из 134 департаментов, но и по сравнению с французскими границами 1795 года.

Какова была роль Александра I в этом водовороте важнейших событий? Был ли он отстраненным и безразличным свидетелем или, напротив, страстным их участником? Какая роль в этом политическом и геополитическом перевороте выпала на долю того, кто в июне 1812 года видел, как наполеоновская Великая армия, численностью более 400 тысяч человек, переправляется через Неман, чтобы сеять опустошение в его империи? Каковы были мотивы и цели царя и его военных и политических советников в момент вступления в Париж? Удалось ли достичь этих целей? Наконец, смогло ли пребывание русских в «столице мира»¹⁶ внести вклад в изменение образа России или русских в Европе, Франции и французов в России?

Чтобы ответить на эти вопросы, мне представляется необходимым описать пребывание царя в более широком контексте: французской кампании в целом, то есть похода армий шестой коалиции про-

* Автор книги называет императора Александра I царем, чтобы различать Александра и Наполеона и не пояснять, о каком из двух императоров – российском или французском – идет речь. (Примеч. ред.)

тив Наполеона, который продолжался с января по апрель 1814 года и начался с вторжения на территорию Франции.

Подобно русской кампании 1812 года, в которой она поставила финальный аккорд¹⁷, французская кампания 1814 года стала предметом обширной библиографии¹⁸, вполне соответствующей масштабам происходивших событий.

Уже в XIX веке эта тема вызывала интерес у русских как с военной, так и с геополитической и дипломатической точки зрения.

Как следствие, в многочисленных трудах¹⁹ подробнейшим образом прослеживалось разворачивание военных действий и анализировались причины победы союзников. Во главу угла историки Российской империи обычно ставили решимость царя и отвагу русских солдат, превращая эти два элемента в альфу и омегу победы коалиции над Наполеоном. Куда меньше внимания они придавали национальному антифранцузскому движению, которое развернулось в немецких землях годом раньше и существенно облегчило наступление войск коалиции.

Кроме того, дореволюционные историки часто подчеркивали, что поход на Францию принес больше пользы России, повысив ее международный престиж и значение. Единственную диссонирующую ноту в этот стройный хор голосов, господствовавший среди русских историков французской кампании до самого 1917 года, внес в начале XX века великий князь Николай Михайлович. В биографии Александра I, написанной им в 1912 году²⁰, он указал на огромные потери, материальные и людские, понесенные в той войне, и выразил сомнение в ее оправданности с геополитической точки зрения, начав таким образом дискуссию, которая с тех пор уже не прекращалась.

В советское время взгляд на французский поход изменился. Историки, писавшие в период между двумя мировыми войнами, уже не видели в победе коалиции никакой личной роли Александра I: теперь истинными творцами победы стали русская армия и немецкий народ, массово поднявшийся против французских оккупантов. В то же время, проанализировав конфликт с точки зрения марксистско-ленинской теории – здесь можно упомянуть работы Евгения Викторовича Тарле²¹, а также последовавших за ним Альберта Захаровича Манфреда и Любомира Григорьевича Бескровного²², – советские историки оценили русскую победу 1814 года негативно: в их глазах, она сводилась к восстановлению старого порядка и «возврату к феодализму», а «Священный Союз», политический и дипломатический альянс между австрийским, прусским и русским монархами, который царь сумел заключить в сентябре 1815 года, выглядел ретроградным

и репрессивным. Лишь после победы 1945 года отношение к царю Александру I вновь стало более доброжелательным.

После распада Советского Союза французской кампанией несколько лет не занимались; лишь недавно за ее изучение взялось новое поколение русских историков²³. Анализируя военное и геополитическое измерение войны, эти исследователи уделили внимание личности и делам Александра I, а также целям войны, которую Россия вела в 1814 году, тем самым вернувшись к дискуссии, начатой великим князем Николаем Михайловичем в 1912 году: была ли обожжена французская кампания? Отвечала ли она геополитическим и дипломатическим интересам империи? Что являлось целью: повысить личный престиж Александра I? Увеличить международное значение имперской России? Гарантировать безопасность империи, обеспечив полный контроль над Польшей? Или, может быть, цели кампании были политическими: заменить наполеоновскую модель на какой-то иной режим? На все эти вопросы, отнюдь не потерявшие своего значения, пока нет однозначного ответа. Дискуссия продолжается. Мы, в свою очередь, попытаемся внести свой вклад в это коллективное размышление.

Среди массы работ, посвященных кампании 1814 года на Западе, в особенности во Франции, в число которых входят основополагающие труды Адольфа Тьера («История Консульства и Империи»), Альбера Сореля («Европа и Французская революция»), а также Анри Уссея («1814»)²⁴, львиная доля посвящена военным аспектам: какой бы ни была точка зрения отдельных авторов, большинство французских историков стремились доказать, что французская кампания представляла собой блистательнейший шедевр наполеоновской тактики. По их мнению, император французов, вновь обретая свою прежнюю живость и свой военный гений – качества, которых ему столь недоставало в кампании 1812 года, – теперь в полной мере смог проявить свои таланты, одержав несколько прекраснейших своих побед. Что же до союзников, то после катастрофического начала кампании, вызванного их разногласиями, на последнем ее этапе они проявили большие тактические дарования. Отсюда и желание историков сделать упор именно на военные аспекты французской кампании²⁵.

Вместе с тем, каким бы важным ни был чисто военный аспект, сам по себе он не позволяет осознать всю сложность кампании 1814 года, и поэтому многие авторы, и в первую очередь Доминик Ливен и Тьерри Ленц²⁶ сделали выбор в пользу более глобального подхода. Дело в том, что, несмотря на свои стратегические таланты, Наполеон быстро

оказался в трудном положении, и кампания продлилась недолго: она началась в последние дни 1813 года, а завершилась уже весной 1814-го: в конце марта капитулировал Париж, а 6 апреля император отрекся от престола. На протяжении этих трех месяцев Наполеон сражался изобретательно, а его войска показали потрясающую храбрость в бою, но слишком многое играло против него. Франция была опустошена, а после страшных потерь 1812 года Наполеону пришлось использовать молодых новобранцев, не имевших боевого опыта. Тем временем коалиция задействовала все более крупные силы, упрямый русский император хотел раз и навсегда избавиться от «корсиканского людоеда», а Великобритания не переставала финансировать коалицию. Таким образом, все сложилось в пользу союзников, обеспечив им численное, логистическое и финансовое превосходство. Следовательно, чтобы понять французскую кампанию, необходимо принимать во внимание не только военное измерение конфликта, но и политические, геополитические и дипломатические его аспекты.

Тем не менее даже если сложить военное, геополитическое и дипломатическое измерения французской кампании, этого будет недостаточно, чтобы в полной мере ее отразить. Дело в том, что есть еще один аспект, который долгое время недооценивали как русские, так и французские историки. Война 1814 года была еще и войной слов и образов, в которой важную роль сыграли идеологические послы, понятия и особенности взаимного восприятия сторон. Чтобы удостовериться в этом, достаточно упомянуть, с французской стороны, наполеоновскую пропаганду, изобличавшую при помощи карикатур, памфлетов и бюллетеней Великой армии дикость и варварство русских, а с русской стороны – упорное желание развеять эти враждебные стереотипы. Поэтому для понимания кампании необходимо привлекать эти изображения, изучать представление сторон друг о друге, взаимное коллективное восприятие весной 1814 года. Если смотреть с этой точки зрения, то образ действий русских, прибывших во Францию вслед за своим царем, дает интересную точку для обзора того, что там происходило.

В самом деле, все началось с того, что во Францию с востока вторглись враги – тысячи подданных Российской империи. Они оставались здесь на протяжении долгих месяцев, передвигаясь по стране и соприкасаясь с местным населением. Эта иностранная оккупация, так напугавшая французов, не обошлась без бесчинств и насилия, о чем широко свидетельствуют как публичные архивы, так и личная переписка. Но она привела и к возникновению связей между русскими и французами – человеческих, интеллектуальных, культурных и артистических, к взаимовлиянию²⁷ – как философскому, так и поли-

тическому, а также к миграциям: немалое число российских вояк, нередко простых солдат и унтер-офицеров, предпочли не возвращаться в Россию и обосновались в деревнях северной и восточной Франции, став свободными крестьянами и ремесленниками.

Что касается офицеров, которые прибыли во Францию в 1814 году, проникнутые духом Просвещения и восхищенные французскими свободами, многие из них вернулись на родину спустя несколько месяцев, а иногда спустя несколько лет²⁸ с протестом в душе. Стремясь к масштабным реформам, которых правительство не хотело, они основали либеральные и конституционные тайные общества, а часть этих офицеров, самые радикальные и активные из них, стали республиканцами²⁹ и составили в декабре 1825 года, после смерти Александра, заговор, целью которого было избавиться от его наследника. Вот такую роль сыграло для них пребывание на французской земле.

Французы тоже переменялись в результате встречи с русскими. Начиная с весны 1814 года как французская элита, так и французское общественное мнение начали избавляться от антирусских стереотипов, глубоко укоренившихся в их сознании, а парижанами и парижанками завладела русофильская мода. На улицах столицы появились очень широкие штаны и круглые шляпы с узкими полями, подобные тем, что носили казаки, расположившиеся лагерем на Елисейских полях³⁰. Когда пришла зима, женщины надели головные уборы, похожие на кокошники, мужчины облачились в рединготы, по краям отделанные каракулем, а во французский язык вошло слово *бистро*, происходящее от русского «быстро». В 1816 году в предместье Терн вызвали фурор первые *русские горки* – аттракцион с кучей спусков и подъемов, который посетители преодолевали на маленьких тележках.

Таким образом, что для русских, что для французов, начало кампании 1814 года, ее ход и ее последствия стали ярким событием не только в военном и дипломатическом плане, но и в общественном, и в культурном. Чтобы показать всю оригинальность этой кампании, я опиралась на самые разнообразные документы: военные, дипломатические и политические архивы, памфлеты, газетные статьи, карикатуры, переписку, дневники и мемуары позволили мне увидеть происходившее со многих точек зрения. Сопоставленные друг с другом, эти источники, французские и русские, общественные и частные, гражданские и военные, должны, как я надеюсь, помочь лучше понять природу кампании 1814 года и всю исключительность этой «франко-Русской встречи».

ПРОЛОГ

31 МАРТА 1814 ГОДА: В ПАРИЖЕ!

В среду 31 марта 1814 года к 8 часам утра Александр I выступил из Бонди, где находился его штаб, и направился к Парижу. На пути он встретил прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Два монарха в сопровождении австрийского князя Шварценберга, фельдмаршала и главнокомандующего, во главе шестидесяти тысяч человек (из двухсот тысяч, имевшихся в распоряжении шестой коалиции, объединявшей Россию, Австрию, Пруссию, Великобританию и Швецию), двинулись к заставе Пантен. На заставе было неспокойно. За несколько дней до этого множество семей, по большей части крестьянских, напуганных наступлением вражеских армий, попытались найти убежище в Париже. Поскольку они были слишком бедны, чтобы заплатить пошлину за вход в город, они не получили дозволения войти и загроздили подступы к Парижу, собравшись вместе со своим скотом, телегами и скарбом напротив городских ворот, лавочек и папертей. Но сразу же после двух часов ночи, как только Париж подписал капитуляцию, все заставы были переданы в ведение войск коалиции, начавших их занимать, и на следующий день после кровавого боя, в котором были убиты и ранены более восемнадцати тысяч человек, общее настроение, похоже, склонялось к миру. Впрочем, в русской армии по-прежнему следили за тем, чтобы солдаты не утратили бдительности и дисциплины: «Наши люди получили строжайший приказ не покидать расположение армии и в особенности не идти за заставы. Повсюду стояли жандармы и казаки, и все ждали развития событий»¹. В 11 часов царь и король проскакали верхом через заставу Пантен. Впереди всех шагала отряд трубачей, по восемь человек в ряд, царская гвардия² была представлена облаченной в алые мундиры казачьей дивизией, скакавшей по пятнадцать человек в ряд³. За ними следовали «гренадеры, потом пешие гвардейцы, кирасиры и несколько австрийских, прусских и баденских батальонов»⁴. Пехота шагала по тридцать человек в ряд, следуя за Барклаем де Толли, свежее испеченным фельдмаршалом, и направлялась к Елисейским полям, двигаясь по внешним бульварам. Вначале небо было серым и затянуто облаками, а потом понемногу проглянуло солнце⁵.

Только на рассвете Шварценберг выбрал те подразделения, которым предстояло войти в Париж вместе с монархами. Этим «избранным» он приказал собраться утром в 9 часов 30 минут между Пантеном и предместьем Сен-Мартен. Выбор был не случайным, фельдмаршал замыслил идеальное зрелище: показать парижанам «лишь те войска, чья выправка была достаточно хорошей, а мундиры не слишком рваными»⁶. По свидетельству Евгения Вюртембергского, это было не так уж легко, поскольку к концу марта и его войска, и войска Раевского были облачены в «киверы уставного образца, в поношенные шинели», в деревянные башмаки, поскольку сапоги не выдержали пути, «и на всех были французские мундиры, подобранные на полях битв при Арси-сюр-Об и Фер-Шампенуаз»⁷.

По приказу Александра I каждый солдат русской и прусской армий, пеший и конный, нацепил на левый рукав белую повязку, а на кивер – зеленую ветку. И если белая повязка не несла в себе никакого политического содержания – вопреки тому, что написал в своих «Мемуарах» Паскье⁸, союзники использовали ее не для того, чтобы продемонстрировать свой монархизм, а лишь для того, чтобы безошибочно узнавать друг друга – то послание, содержащееся в зеленых ветках, было однозначным: войска коалиции хотели вступить в Париж с миром. Царь был одет в мундир конных гвардейцев⁹, а именно темно-зеленый жилет с золотыми эполетами и серые штаны; на его голове была шляпа, «украшенная пучком петушиных перьев»¹⁰, и он восседал на великолепной кобыле, светло-серой, почти белой, которую шестью годами ранее ему подарила Франция. Царю было 37 лет. Он был, как и всегда, чрезвычайно опрятен и обладал большим очарованием, несмотря на свою близорукость и легкую полноту. Его портрет, написанный в Вильне юной графиней Софией фон Тизенгаузен, будущей графиней де Шуазель-Гуфье, ничуть не утратил своей актуальности за миновавшие с тех пор пятнадцать месяцев:

«Хотя черты его были правильны и изящны, не столько удивляли его лоск, свежесть его чела, его прекрасный лик, сколько доброжелательный взгляд, который покорял все сердца и с первым его движением внушал доверие. Его благородный стан, высокий и величественный, часто изящно склоненный, как у античных статуй, в то время, казалось, угрожал исполнить, но был до совершенства красив. Его очи, живые, наполненные умом, были цвета безоблачного неба; он был слегка близорук, но глаза его улыбались, если можно назвать так благосклонное и мягкое выражение его взгляда. Его нос был прямым, хорошей формы, его рот – маленьким и очень приятного вида; его лицо и его профиль округлостью форм очень напоминали его прекрасную августейшую мать»¹¹.

Александр ехал впереди. По левую руку от него был прусский король Фридрих-Вильгельм III, а по правую – князь Шварценберг,

представлявший австрийского императора. За ним следовали – и в этом порядке не было ничего случайного – его брат, великий князь Константин, британский посол лорд Кэткерт, князь Лихтенштейнский и корсиканец Поццо ди Борго, дипломатический советник царя: в их лице в Париж, следуя за русским царем, вступала вся Европа в своем разнообразии. Бросалось в глаза отсутствие в шествии прусского фельдмаршала Блюхера: страдая от тяжелой глазной болезни, он остался на Монмартре и въехал в Париж лишь на следующий день.

Прусский король смотрел хмуро и неприветливо, представляя собой контраст доброжелательно улыбавшемуся царю. В отличие от Фридриха-Вильгельма III, сыгравшего лишь скромную роль в недавней военной кампании, царь следил за ее развертыванием пристально, день за днем. Он сам хотел этого въезда в Париж, он не переставал его желать в годину тяжелых испытаний, в худшие часы кампаний 1812 и 1813 годов, «взывая к Всевышнему»; и вот весной 1814-го он добился своего.

Этот въезд в Париж был призван завершить триумф Александра I, отмстить за перенесенные им страдания и изгладить из памяти другой въезд государя в покоренную столицу: за восемнадцать месяцев до этого, во второй половине дня 14 сентября 1812 года Наполеон после трех месяцев похода¹² вступил в Москву, а вечером, когда он разместился в Кремле, священный город, подожженный по тайному приказу генерал-губернатора Ростопчина, обратился в пепел, а его развалины подверглись жадному грабежу со стороны ста тридцати тысяч солдат Великой армии.

Александр не скрывал того, что победа досталась ему дорогой ценой. В конце 1812 года, когда император французов, побежденный, вновь пересек Неман, царь, тяжело потрясенный войной, не мог насладиться своим успехом: «Я много страдал, много беспокоился (...) эта злосчастная кампания отняла у меня десять лет жизни»¹³, – признался он в разговоре с Софией фон Тизенгаузен. На заре 31 марта 1814 года, когда к царю в Бонди явились префекты Паскье и Шаброль, умоляя его пощадить Париж, он напомнил о бесчинствах французской армии и с гневом высказался о «человеке, который меня обманул самым недостойным образом, злоупотребил моим доверием, предал все клятвы и принес в мои владения гнуснейшую и несправедливейшую войну»¹⁴. Но примечательно, что в ходе этого же разговора он подчеркнул, что парижане не несут за это никакой ответственности, и заплатить за все должен один Наполеон:

«Превратности войны привели меня сюда; ваш император, бывший моим союзником, трижды обманывал меня. Он явился в самое сердце моего государства, чтобы принести туда зло, следы которого изгладятся нескоро. Справедливая оборона привела сюда, но я далек от желания воз-

дать Франции злом за то зло, что претерпел. (...) Французы – мои друзья, и я хочу доказать им, что пришел воздать добром за зло. Наполеон – мой единственный враг»¹⁵.

И он изложил свое кредо, то, что ему предстояло еще не раз повторить в ходе своего пребывания в Париже:

«Какое-либо примирение между мною и им отныне невозможно; но, я повторяю, у меня во Франции нет других врагов. (...) Я уважаю отвагу и славу всех храбрецов, против которых я сражаюсь вот уже два года, и которых я научился уважать во всех положениях, в которых они оказывались. Я всегда готов отдать им должное и воздать ту честь, которой они достойны. Итак, господа, скажите парижанам, что я вступаю меж их стен не как враг, и только от них зависит, чтобы я стал им другом»¹⁶.

Миновав заставу Ла-Виллет, шествие двинулось к югу. Посреди гробовой тишины оно прошло через ворота Сен-Мартен, двинулось по Итальянскому бульвару, затем по бульвару Мадлен, пересекло площадь Согласия и направилось к Елисейским полям. Повсюду на его пути собиралась плотная толпа мужчин, женщин и детей; бульвары, проспекты и улицы были переполнены¹⁷, а окна и крыши почернели от множества людей.

Жители предместий молчаливо встречали вражескую армию. Они испытывали беспокойство, недоверие и враждебность – испытание было тяжелым для этих пылких патриотов, все еще преданных фигуре отца-императора. Что же до солдат коалиции, они колебались от восторга до недоверия. Двумя днями раньше, 29 марта, когда они увидели вдалеке башни города, ими завладел самый настоящий «восторг»¹⁸, которое описал Александр Михайловский-Данилевский, один из царских адъютантов:

«Париж! Париж! Вот он!.. Забыты трудности, усталость, болезни, раны; забыты падшие друзья и братья, и мы стояли как вновь оживленные на высотах, с коих обозревали Париж с окрестностями»¹⁹.

30 марта в штабе все сидели допоздна. Не спалось:

«Армия провела вечер и ночь в веселости, все приготавливались к торжественному шествию, солдаты чистили свое оружие и конскую сбрую, офицеры примеривали лучшие мундиры свои»²⁰.

Утром 31 марта, подходя к столице, «порываемые любопытством» солдаты все с большим трудом заставляли себя держаться в строю. Им не терпелось своими глазами увидеть город, в котором они уже знали каждый дом, каждый музей, театр и кафе, хотя еще ни разу не бывали там. Для тысяч молодых офицеров, таких, как Александр Михайловский-Данилевский, воспитанных гувернерами-французами в любви к Франции и ее столице, Париж воплощал удивительно знакомую реальность: «Будучи с детства образованы иностранцами, мы

привыкли слышать от них, что Париж есть столица вселенной,местилище всего прекрасного и изящного»²¹. Русские офицеры были взволнованы, готовясь вступить в этот город, который «в течение веков давал уставы во вкусе, в модах и просвещении, в котором хранились сокровища наук и художеств и который вмещал в себя все утонченные наслаждения жизни»²². Некоторые, самые отважные, даже нарушали запреты, чтобы отправиться на поиски парижских значных мест: «Я помню, что 31 марта 1814 года я стоял на страже у заставы Сен-Мартен; первые слова, с которыми ко мне обратился молодой калмыцкий офицер, едва говоривший по-французски, были просьбой указать, где находятся Пале-Рояль и театр Брюне»²³. Но таких было немного. Большинство не осмеливалось нарушить приказ, тем более что их впечатляла молчаливая толпа местных жителей, собравшихся у них на пути, вселяя в солдат даже некоторое беспокойство:

«Мы опасались, с каждым шагом наблюдая движение ужасающей массы людей, толпившихся с обеих сторон от бульваров; им достаточно было приблизиться к нам, чтобы задавить нас; наши солдаты не смогли бы пустить в ход оружие. Только прибыв на Елисейские поля, мы вздохнули свободно; и даже тогда мы не были вполне спокойны»²⁴.

Парижане вначале встречали армию боязливо и с молчанием. «Радостные крики их не были общими»²⁵, – сдержанно отмечал Александр Михайловский-Данилевский. Растерянная толпа не могла поверить в то, что происходит, и смотрела на шествие, как громом пораженная. Послушаем, к примеру, писателя-монархиста Франсуа-Рене де Шатобриана, непосредственного свидетеля событий:

«Я увидел, как они (русские) проходили торжественным маршем по бульварам. Я был поражен и морально уничтожен, как если бы у меня вырвали самое имя француза, чтобы заменить его номером, под которым меня отныне будут знать в рудниках Сибири...»²⁶

Простые люди и знаменитости, сторонники Наполеона и убежденные монархисты – все ожидали страшного мщения со стороны вражеских армий. Но к изумлению парижан монархи приветствовали их и милостиво им улыбались. К тому моменту, когда шествие достигло площади Мадлен, парижане почувствовали облегчение, такое же сильное, как и прежние тревоги. Оно мгновенно переросло во всеобщий энтузиазм. Вскоре языки заработали, и лед тронулся:

«Они [парижане] теснились между нами, смотрели на нас, прикасались к нам и окружали каждого находившегося в свите Государя. Они воображали найти в нас людей необразованных, изнуренных походами, говорящих языком для них непонятным, в странных одеждах, с зверскою улыбкою, предающихся грабежу, и не могли поверить глазам своим, видя красоту русских мундиров, блеск оружия, веселую наружность воинов,

здоровый цвет лица их, ласковое обращение офицеров и слыша остроумные ответы их на французском языке. “Вы не русские, – говорили они нам, – вы, верно, эмигранты”. И когда они удостоверились в противном, то в скором времени известие о невероятных свойствах их победителей перелетало из уст в уста, похвалы русским гремели повсюду, женщины из окон и с балконов махали белыми платками, приветствовали нас движением рук, и мгновенно раздалось от одного конца Парижа до других: “Да здравствует Александр! Да здравствуют русские!” – произносимое миллионом уст»²⁷.

В своем дневнике Пьер-Франсуа-Леон Фонтен, один из архитекторов Наполеона, тоже поражался мирной и даже доброжелательной атмосфере, воцарившейся на улицах города:

«Я был далек от мысли, что столица империи, всего два года назад заставлявшей трепетать всю Европу, будет сдана таким удивительным образом, после неравного боя, когда в строй хотели поставить гвардию из горожан и школьников. Я был далек от мысли, что армия победителей, состоящая из двадцати народов и огромного количества диких орд, которым был обещан грабеж, завладеет Парижем без насилия, без малейшего эксцесса. Кто мог бы подумать, что столь великое событие будет выглядеть как праздник и почти не нарушит общественный порядок?»²⁸

На площади Мадлен Александр и прусский король остановились, а из толпы прозвучали первые возгласы монархистов. Несколько человек закричало: «Да здравствуют Бурбоны!» «Да здравствует король!» – но эти крики были редкими и разрозненными. Время торжества монархистов еще не пришло.

Всеобщая радость, окружавшая российского императора, скоро достигла такого масштаба, что мужчины и женщины толкались, чтобы разглядеть его, а некоторые изящные дамы, включая графиню де Перигор²⁹, пренебрегая условностями и какой-либо сдержанностью, потребовали от русских офицеров посадить их к себе в седло, чтобы лучше насладиться зрелищем³⁰. В этот момент уже не было ни победителей, ни побежденных, была лишь поистине удивительная общность мирных и празднично настроенных людей:

«Все без исключения не переставали кричать: “Да здравствует Александр!” Многие из них, теснясь около государя, просили, чтобы Его Величество остался царствовать во Франции: “Управляйте нами, – говорили они, – или дайте нам государя, который был бы на вас похож!” Шествие продолжалось более четырех часов: радость народа возрастала беспрестанно, на глазах каждого из нас навертывались несколько раз слезы чистейшего наслаждения»³¹.

В этой веселой и непринужденной атмосфере звучали чудесные диалоги, подобные тем, что описал поэт Константин Батюшков:

«Окна, заборы, кровли, деревья бульвара [Итальянцев], все, все покрыто людьми обоих полов. (...) Все кричит: “Да здравствует Александр, да здравствуют русские!” (...)»

– Покажите его нам, прекрасного, великодушного Александра!

– Господа, вот он в зеленом мундире, рядом с прусским королем.

И держа меня за стремя, кричит: “Да здравствует Александр, долой тирана!”

– Ах, какие же красавцы эти русские! Но сударь, вас можно принять за француза.

– Много чести, милостивый государь, я право этого не стою!

– Но у вас нет акцента»³².

Тем не менее те, для кого Наполеон оставался легитимным монархом, были возмущены этим внезапным увлечением захватчиками. К примеру, Арман де Коленкур, с 1807 по 1811 года бывший послом императора при российском дворе, осудил реакцию соотечественников 31 марта:

«Некоторые французы не постыдились тогда нарядиться в цвета, в которых красовались враги-татары, и более того – воздух огласился их приветственными криками. Они приветствовали чужеземцев, в сей печальный и траурный день осквернивших самую землю, на которой выстроен город храбрецов»³³.

Подобным же образом реагировали и некоторые французские эмигранты, перешедшие на службу к царю. Граф де Ланжерон вспоминал с оттенком неодобрения:

«Заняв заставы, (...) я послал полковых музыкантов развлекать дам на Шоссе д’Антен; через час они уже танцевали с моими гвардейцами, как будто был национальный праздник. Таковы французы»³⁴.

Но большинству офицеров русской армии не было дела до этого неодобрения – успокоенные приемом, который им оказали парижане, они спешили праздновать победу и прославлять своего императора. Некоторые с этой целью отправились в самые шикарные уголки французской столицы. К примеру, именно так поступил генерал-майор Владимир Иванович Лёвенштерн:

«Мой брат Жорж, прусский майор Штейнекер и я сам, желая как следует поужинать, решили, прежде, чем возвращаться в лагерь, заказать хороший ужин в “Скале Канкаль”»³⁵.

«Молодой всадник, которому я добыл хорошее место во время смотра, был так любезен, что предложил нас проводить туда. Это был один из тех молодых людей, что надели белую кокарду по нашем вступлении в Париж. Мы быстро пересекли площадь Людовика XV или Революции, просакали вдоль сада Тюильри и миновали Вандомскую площадь. Хотя мы спешили, мне хватило времени полюбоваться прекрасной колонной, которую там воздвиг Наполеон.

Прибыв в более удаленный квартал города, я увидел, что наш проводник снял белую кокарду и положил ее в карман. Когда я спросил его о причинах, подвигнувших его к сему, он мне отвечал, что в этой части города будет неблагоразумно носить белую кокарду, что здесь едва знают о нашем вступлении в город и кокарда может принести нам неприятности.

Я позволил ему действовать, как он считал нужным, и мы прибыли к столь желанной "Скале Канкаль". Я потребовал самый лучший ужин: мы не щадили "Кло-Воже" и шампанского Аи. Сравнение дня вчерашнего, когда мы были в военном лагере и в грязи, и этой минуты, когда нам предлагались все эпикурейские наслаждения, почти заставило нас поверить, что мы видим прекрасный сон. (...)

Мой брат, Штейнекер и я ели и пили, как только могли. Мы не пощадил устриц и прекрасной морской рыбы, и поскольку я единственный из троих располагал туго набитым кошельком, я был вынужден заплатить за всех. Ужин обошелся мне в 150 франков. Первый ужин в Париже стал достойным началом нашего пребывания в этом городе»³⁶.

Другие устремились в Пале-Рояль, средоточие удовольствий, о котором русские были очень наслышаны. Так поступил Батюшков, оставивший вдохновенное воспоминание о своем первом вечере в Париже:

«Мимо Французского театра пробрался я к Пале-рояль, в средоточие шума, бегания, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видел Пале-рояль, тот не может иметь о нем понятия. В лучшем кофейном доме или, вернее, ресторации, у славного Very, мы ели устрицы и запивали их шампанским за здоровье нашего государя, доброго царя нашего. Отдохнув немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштанов и проч. Ночь меня застала посреди Пале-рояля»³⁷.

Александр I, по окончании шествия, примерно в 5–6 часов вечера, прибыл к князю Талейрану на улицу Сен-Флорантен. Бывший наполеоновский министр иностранных дел сам убедил русского царя поселиться у него: Александр «получил»³⁸ анонимную записку, сообщавшую, что Елисейский дворец заминирован, и если он там остановится, ему угрожает опасность.

На улице Сен-Флорантен, где Александр I оставался до 12 апреля, прежде чем переехать в Елисейский дворец, где он пробудет вплоть до своего отъезда 2 июня, царь встретился с графом Нессельроде, своим статс-секретарем иностранных дел: он поселился в том же особняке, на втором этаже. Нессельроде, прибывший на место утром, был уже весь в работе. Подобно Александру и Талейрану, он предпочитал не терять ни минуты: хотя капитуляция была уже подписана, а союзники вошли в Париж с победой, Наполеон, укрывшийся в Фонтенбло, еще не сложил оружия, и политическое будущее Франции оставалось неопределенным.

Как были разрешены эти вопросы, игравшие принципиальную роль как для Франции, так и для всей Европы? И какое стечение обстоятельств привело к тому, что император всея Руси, этот «византиец»³⁹, этот «северный варвар»⁴⁰, явившийся с берегов Невы на берега Сены, оказался призван сыграть огромную роль в их разрешении? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется окунуться в потрясения войны 1812 года и вернуться к истокам французской кампании.

I

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ

ПОБЕДИТЬ НАПОЛЕОНА

13 декабря 1812 года, окончив катастрофический, разорительный и унесший многие жизни поход, Великая армия вновь форсировала Неман. Прошло всего шесть месяцев с момента вторжения на территорию российской державы¹. Итак, Российская империя одержала победу над Наполеоном и его Великой армией, но она потеряла около двухсот пятидесяти тысяч человек убитыми и пропавшими без вести, ее экономика была разрушена, тысячи городов и деревень опустошены, а столица обращена в пепел. Россия дорого заплатила за свою победу и мечтала об отдыхе и восстановлении. Многие офицеры царского штаба считали, что отступление и возвращение во Францию поредевшей и достойной жалости Великой армии – уже достаточная победа, и нет нужды продолжать борьбу по ту сторону Немана. Но Александр I совсем иначе оценивал сложившееся положение, и подругому видел стоявшие перед Россией задачи.

Александр I и европейское равновесие

В декабре 1812 года Александр I был совершенно другим человеком, чем прежде – его преобразили перенесенные испытания. Молодой человек, воспитанный в преклонении перед Просвещением, 23-летним вззошедший на престол (в 1801 году, на следующий день после убийства его отца Павла I заговорщиками), и прошедший в 1801–1802 годах масонское посвящение, спустя десять лет стал истовым верующим². Пережив вторжение в русские земли и пожар Москвы, священного города царей³, российский император на протяжении всего этого периода был подвержен острым мистическим кризисам, которые спустя несколько месяцев, в 1813 году, привели к самому настоящему духовному перерождению. Позднее, в разговоре с аббатом Эйлером, он признается:

«В конце концов московский пожар озарил мою душу, и суд Божий на обледенелых полях сражений наполнил мое сердце огнем веры, которого я не ощущал ранее. С тех пор я научился познавать Бога, как об этом

сказано в Святом Писании; с этого момента я пытался – и по-прежнему пытаюсь – понимать Его волю и Его закон (...) С того времени я стал другим человеком: избавлению Европы от разрушения я был обязан собственным спасением и избавлением»⁴.

Но царь от этого не перестал быть государственным деятелем и самодержавным властелином. Он решил продолжить свою борьбу с французским императором за пределами Российской империи. К этому выбору его подтолкнул целый ряд военных и геополитических соображений.

Александр считал, что Наполеон, упав на одно колено, никогда не согласится остаться в этом положении; рано или поздно он постарается восстановить свою армию, вновь перейдет в наступление и вновь будет угрожать Российской империи, поскольку французские интересы совершенно расходятся с российскими. Двусторонний союз, заключенный в Тильзите в июне 1807 года, действительно не смог сдерживать соперничества между двумя империями в Польше, в Германии и на Балканах, а шок 1812 года убедил Александра, что поединок может закончиться только окончательным разгромом одного из двух главных противников. Осенью 1812 года он заявит: «Наполеон и я больше не можем править одновременно».

К соображениям безопасности добавились и геополитические: в конце 1812 года многое оставалось неясным, в особенности судьба Польши. Великое герцогство Варшавское, объект вождения Европы и предмет франко-русского соперничества с момента заключения Тильзитского мира притягивало к себе внимание русских дипломатов⁵. По их мнению, Российская империя должна была заполучить герцогство и сделать его частью империи в уплату за кровь, пролитую ради победы над Наполеоном. Александр колебался: он был склонен к восстановлению независимого польского королевства, но не хотел возрождения старинного польско-литовского содружества, которое поставило бы под угрозу российские территориальные приобретения. В начале 1813 года он изложил свои мысли в письме польскому князю Адаму Чарторыйскому, другу молодости, который с 1805 по 1807 год был его дипломатическим советником и министром иностранных дел:

«Буду с вами полностью откровенен: чтобы осуществились излюбленные мои замыслы в отношении Польши, я должен преодолеть некоторые трудности, невзирая на всю блистательность нынешнего моего положения. Прежде всего, общественное мнение России. То, как польская армия вела себя у нас, разграбление Смоленска и Москвы, разорение всей страны – все это не могло не пробудить старинной ненависти! Во-вторых, если в нынешний момент мои намерения касательно Польши станут известны, это толкнет Австрию и Пруссию в объятия Франции, и

этому необходимо помешать, тем более что эти державы проявляют ко мне полнейшее расположение».

И вот эти слова, имеющие первостепенное значение:

«Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь по-прежнему считают себя русскими землями и никакая логика на этом свете не может убедить Россию, чтобы они находились под властью другого суверена, кроме как правителя России»⁶.

Таким образом, Александр считал, что надо ковать железо, пока оно горячо, то есть продолжать наступление, оккупировать великое герцогство Варшавское и стать главной силой в Польше, освободить Германию от власти французского «тирана» и нанести Наполеону решительное поражение, которое вернет Францию «в ее естественные границы», что является необходимым условием покоя всей Европы.

Этим планом царь поделился со своим дипломатическим советником, а теперь и государственным секретарем иностранных дел, вестфальцем Карлом Нессельроде⁷. В начале февраля 1813 года Нессельроде утверждал, что для обеспечения продолжительного мира в Европе нужно «без сомнения, вернуть Францию к ее естественным границам таким образом, чтобы все, что не расположено между Рейном, Шельдой, Пиренеями и Альпами, перестало не только входить в состав Французской империи, но и быть от нее в зависимости»⁸. Другими словами, «Империя 134 департаментов», это творение Наполеона, которым он так гордился, должна исчезнуть, поскольку она превращает Францию в господствующую державу, нарушая равновесие европейских государств, основной принцип дипломатии Александра с самого начала его правления в 1801 году. Кроме того, война с Францией должна быть не двусторонней, а общеевропейской. Этому царь добивался с конца 1812 года. 11 (23) ноября 1812 года, в рескрипте на имя московского генерал-губернатора графа Ростопчина, Александр I отдает должное самопожертвованию москвичей и решительно заявляет, что «Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницей Европы»⁹. А месяцем позже, 12 (24) декабря, в Вильне Александр сообщает своим генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу!»¹⁰ Война 1812 года с его точки зрения вписывается в общеевропейскую парадигму, которая должна его привести, если потребуется, и на самые берега Сены: еще до того, как война 1812 года закончилась, он заявил своему окружению: «...если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже, в этом я глубоко уверен»¹¹.

К этим геополитическим целям добавляются цели собственно политические, если не мессианские: Александр I стремится к обновлению европейского континента на основе новых принципов, проник-

нутых религиозным духом, который его теперь не оставляет. С одной стороны, новая Европа должна быть умиротворенной и хранящей мир: в декабре 1812 года он заявил юной графине Тизенгаузен, будущей графине де Шуазель-Гуфье:

«Почему бы всем государям и нациям Европы не найти друг с другом взаимопонимание? Почему бы им не любить друг друга и не жить в братском единстве, помогая друг другу в нужде? Торговля стала бы общим благом этого большого сообщества, некоторые члены которого, вероятно, отличались бы друг от друга религией, но дух взаимной терпимости объединил бы всех»¹².

С другой стороны, эта новая Европа будет основана не на применении силы, а на скрупулезном соблюдении международных мирных договоров, чтобы гарантировать равновесие между государствами. Эту идею он уже сформулировал несколькими годами ранее, осенью 1804 года, когда готовился вступить в новую коалицию, складывающуюся против Наполеона. Он даже высказывался за создание лиги европейских государств, опирающейся на договор о коллективной безопасности¹³. Эта «утопическая идея», отклоненная британской дипломатией, не осуществилась, но царь вновь обратился к ней в конце 1812 года.

Чтобы добиться успеха в этом масштабном проекте и выйти с оружием в руках за границы своей империи, своих сил Александру I было недостаточно. После победоносной борьбы с Наполеоном его собственная армия была истощена и заметно сократилась: в докладе царю от 7 (19) декабря 1812 года фельдмаршал Кутузов признал, что из 98 тысяч солдат, с которыми он за шесть недель до этого покинул Тарутино, лишь 42 тысячи еще могут сражаться¹⁴. Кроме того, царь хорошо понимал, что он сможет настоять на своем решении касательно Польши и получить герцогство Варшавское лишь в результате переговоров с Пруссией и Австрией. Таким образом, создание новой коалиции союзников было необходимо как по военным, так и по дипломатическим причинам.

По мнению Нессельроде, основой этой коалиции должен был стать русско-австрийский союз с финансовой поддержкой Англии¹⁵. Александр, сомневавшийся в возможности союза с Австрией после 1810 года, когда Наполеон женился на эрцгерцогине Марии-Луизе, предпочитал союз с Пруссией. Но чтобы привлечь на свою сторону Пруссию и другие германские государства, в том числе союзную Наполеону Рейнскую конфедерацию, он нуждался если не в конкретной программе, то хотя бы в дискурсе, который мог бы мобилизовать немцев и склонить их на его сторону. Поэтому в конце 1812 и начале 1813 года он призвал к «освобождению» Германии, к ее независимости, опираясь на записку, которую ему в ноябре 1812 года подал ба-

рон Карл Генрих фон Штейн. В этом тексте бывший министр короля Пруссии, ставший советником царя с того момента, когда Фридрих-Вильгельм III заключил союз с Наполеоном, выдвигал обширную политическую программу, ставившую целью не только избавить Германию от французского владычества, но и освободить ее от «тирании ее собственных князей, предававших и продававших ее», «ликвидировать ненавистное наследие Вестфальских мирных договоров, униживших ее и отдавших в рабство»¹⁶, и создать унитарное объединение – конфедерацию или империю. Последнее предложение Александр не поддержал, поскольку германская империя могла нарушить принцип равновесия, который он ставил превыше всего. Но все остальные тезисы, выдвинутые Штейном, нашли его понимание. Он увидел в них способ сплотить русско-прусский союз вокруг общего дела, освобождения немецких государств от подчинения Франции с целью ослабления Наполеона в геополитическом плане.

Тем не менее, несмотря на логичность замыслов Александра I, многие отнеслись к ним сдержанно и даже враждебно, в том числе в его непосредственном окружении. Среди тех, кому проект пришелся не по нраву, были его мать, императрица Мария Федоровна, сестра Екатерина, брат Константин и генерал Аракчеев, член Государственного совета, отвечавший за военные вопросы¹⁷.

Их возражения основывались на политических аргументах: новые походы приведут к новому пролитию русской крови, что вызовет непонимание людей, поскольку опасность для страны уже миновала, и союз царя и его народа, выкованный общими испытаниями, окажется под угрозой. Кроме того, как считал адмирал Александр Шишков, который, несмотря на всю свою нелюбовь к французам, тоже выступал против планов царя, новая война будет рискованным предприятием и дорого обойдется как с финансовой, так и с точки зрения человеческих потерь, а приоритетом должно стать восстановление страны после французского нашествия. Другие, подобно Николаю Румянцеву, канцлеру и министру иностранных дел, считали, что война с Францией не соответствует истинным интересам России, которые находятся в Османской империи и в Азии, но не в Европе. Другие оспаривали и оправданность союза с Пруссией, за который ратовал царь, предлагая вместо этого найти *modus vivendi* с императором французов. Отношение же фельдмаршала Кутузова, главнокомандующего армиями царя, было двойственным¹⁸. Представляется, что он по меньшей мере сдержанно отнесся к идее разгромить Наполеона. В ноябре 1812 года он заявил британскому генералу Вильсону, советнику Александра I:

«Я нисколько не уверен, что полное уничтожение империи Наполеона было бы уже таким благодеянием для света. Его наследство досталось

бы не России и не какой-либо иной континентальной державе, но той державе, которая уже и теперь владычествует на морях и чье господство сделалось бы тогда невыносимым»¹⁹.

А в частном разговоре с адмиралом Шишковым, о котором последний рассказал в своих мемуарах²⁰, Кутузов заявил, что не желает никакого возобновления военных действий, но признался, что не может убедить царя: «Он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно; и, другое, скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня, поцелует, тут я заплачу и соглашусь с ним»²¹. Впрочем, ни один источник не позволяет уверенно подтвердить правдивость этого свидетельства, которое не соответствует ни сдержанному характеру Александра I, ни холодно-отстраненным отношениям царя и Кутузова²². Кроме того, как недавно заметил историк Виктор Безотосный²³, ему противоречит и выступление Кутузова перед войсками 15 (27) декабря 1812 года:

«Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины»²⁴.

Но никакие сомнения Кутузова, никакие колебания окружения царя не могли ослабить решимость Александра продолжить наступление. С этой целью он реорганизовал армию и увеличил ее: в конце декабря она насчитывала 100 тысяч солдат и 533 артиллерийских орудия²⁵; двумя месяцами позже, в феврале 1813 года, была создана резервная армия во главе с генералом от инфантерии Дмитрием Лобановым-Ростовским, в состав которой входили четыре пехотных и два кавалерийских полка. Параллельно с этим царь трудился над созданием новой коалиции, которая была бы как военной, так и дипломатической. Но работа продвигалась медленно, поскольку связи, налаженные Наполеоном с поляками, немцами и австрийцами, оставались еще очень прочными.

Переговоры и сделки

В начале декабря 1812 года Наполеон покинул разгромленную Великую армию и устремился в Париж. Он спешил во Францию, чтобы занять свой трон и укрепить национальное единство, несколько пострадавшее в результате дела Мале²⁶, а также с целью как можно быстрее реорганизовать свою армию. В этой программе не было места миру; с этой точки зрения опасения царя были вполне оправданны.

На сессии Законодательного корпуса, начавшейся 14 февраля 1813 года, Наполеон прежде всего снял с себя какую-либо ответственность, обвинив в своей неудаче «татарское» варварство и суровость русской зимы²⁷. Затем, стремясь успокоить имперских сановников, он заявил, что хочет мира, но сразу же уточнил, что в полной мере верит в своих союзников и «никогда не заключит другой мир, кроме как почетный, соответствующий интересам империи и достойный ее величия»²⁸, формулировка, которая неумолимо вела дело к возобновлению военных действий.

Чтобы финансировать новую войну, государство начало продажу общенациональной собственности, прибегло к займу²⁹ и к новым рекрутским наборам с целью восстановить армию. Нужно было восполнить те потери, которые армия понесла в 1812 году:

«Сенатус-консулт от одиннадцатого января предоставил в распоряжение военного министра 350 тысяч человек: под знамена встали 100 тысяч национальных гвардейцев (солдат «первого призыва», то есть самых молодых), 100 тысяч новобранцев 1809, 1810, 1811 и 1812 годов, ранее избежавших призыва, а также 150 тысяч новобранцев 1814 года. Третьего апреля к ним добавили еще 180 тысяч человек – в это число входило 10 тысяч солдат почетного караула, 80 тысяч национальных гвардейцев и 90 тысяч рекрутов 1814 года»³⁰.

Этот рекрутский набор проходил спокойно, и дезертирств пока было мало, хотя, как сообщают некоторые полицейские бюллетени, население относилось к грядущей войне с усталостью и отвращением. Но Наполеону до этого не было дела. 15 апреля он покинул Сен-Клу; 17-го он был в Майнце, а 25-го в Эрфурте. В его распоряжении было около 500 тысяч солдат³¹.

В конце 1812 года, когда первые русские войска готовились форсировать Неман, коалиция против Наполеона еще не сложилась, и бескомпромиссно сражавшаяся с ним империя Александра, казалось, находилась в абсолютной изоляции: по крайней мере на бумаге Пруссия, государства Рейнского союза и Австрия оставались союзниками Наполеона. Таким образом, важнейшей задачей Александра I было привлечь к России Пруссию, а также добиться нейтралитета, а при возможности и союзных отношений с государствами Рейнского союза. Но этот план оказалось трудно реализовать³².

Несмотря на полный крах вторжения в Россию, в конце 1812 года Фридрих-Вильгельм III еще боялся открыто выступить против императора французов: часть прусской территории была по-прежнему оккупирована французскими войсками, а в Берлине, во главе 10-го корпуса Великой армии, насчитывавшего 12 тысяч человек, находился маршал Ожеро. Но часть прусских элит, а также общественное мнение, все больше проникавшиеся национализмом и же-

давшие, чтобы Пруссия вновь обрела свою независимость, подталкивали короля к сближению с Россией. В этой ситуации ему было сложно по-прежнему отказываться от союза с Петербургом, но он стремился как можно дороже продать свое согласие. От Александра I ему нужна была гарантия, что в случае победы над Наполеоном будут восстановлены прежние границы Пруссии, то есть он вернет земли, отобранные у него для создания Великого герцогства Варшавского, а также подтверждено его влияние в Северной Германии. Но царь отказывался идти на такие уступки: он соглашался на восстановление статуса Пруссии, ее целостности и влияния в Северной Германии, но не хотел давать никаких обещаний по польскому вопросу, не желая подвергать опасности собственные замыслы. Таким образом, двусторонние переговоры оставались бесплодными и только укрепляли Фридриха-Вильгельма III в его склонности к выжидательной политике.

Тем временем, пока прусский король колебался, события на поле боя разворачивались с головокружительной быстротой.

В конце декабря войска империи перешли границу. Вся третья армия царя, с 1812 года находившаяся под руководством адмирала Чичагова, а также первый пехотный корпус генерала Витгенштейна и корпус атамана донских казаков генерала Платова – в общей сложности 60 тысяч человек – были брошены в Восточную Пруссию, против корпуса маршала Макдональда. В это же время часть первой армии царя (20 тысяч человек), во главе которой находился Кутузов со своим штабом, двинулась в путь от крепости Мереч на границе Великого герцогства Варшавского в направлении Плоцка. Наконец, в самом Великом герцогстве 30 тысяч человек под командованием генерала от инфантерии Милорадовича выдвинулись вслед за корпусом дивизионного генерала Ренье, князя фон Шварценберга и маршала князя Понятовского, наступая на Варшаву³³.

Русские войска продвигались вперед. 30 декабря 1812 года в Таурогене³⁴ прусский генерал Иоганн Йорк, стоявший во главе вспомогательного корпуса в 15 тысяч человек, находившегося под верховным командованием маршала Макдональда и составлявшего арьергард его войск, самовольно решил заключить соглашение о нейтралитете с генералом Дибичем³⁵, который командовал авангардом русской армии. Текст соглашения гласил, что все прусские войска, находящиеся между Мемелем и Тильзитом, сохранят нейтралитет при вступлении армии царя на территорию Пруссии³⁶. Таким образом, соглашение открыло дорогу русским войскам в тот самый момент, когда Наполеон мог противопоставить им не более 75 тысяч человек, из которых 10 тысяч находились около Познани, 25 тысяч в Данциге и 30 тысяч в

окрестностях Берлина³⁷ под командованием Евгения Богарне. Таким образом, решение генерала Йорка сыграло важнейшую роль.

На первых порах, не желая портить отношений с Наполеоном, Фридрих-Вильгельм для видимости дезавуировал действия своего непокорного генерала, но уже 27 января он писал Александру I, уверяя его в своей лояльности:

«Для меня невозможно выразить Вашему Величеству в полной мере мою признательность за те чувства, что Вы сохранили ко мне, а также то счастье, которое я испытываю, вновь объединяясь с Вами, с Вашей державой и Вашим образом действий. Лишь самые крайние обстоятельства могли разъединить меня с Вами на несколько мгновений»³⁸.

Однако в обмен на присоединение к Александру он продолжал требовать возвращения Пруссии территорий, переданных Великому герцогству Варшавскому, а также других территориальных приращений; и поскольку царь отказывался идти ему навстречу в этих вопросах, прусско-российские переговоры не могли привести ни к каким конкретным результатам.

В то время, как русская дипломатия топталась на месте, русские войска продвигались вперед. 30 января 1813 года в городе Зейче Шварценберг подписал перемирие с Милорадовичем и вернулся в Австрию со всем своим корпусом, без боя отдав Варшаву, куда русские вошли 9 февраля. 13 февраля генерал-лейтенант Винцингероде разбил под Калишем корпус Ренье. В середине февраля французские войска под командованием Евгения Богарне вновь перешли Одер. 14 марта в Варшаве начал действовать Верховный временный совет, созданный царем для управления Великим герцогством³⁹.

Параллельно русские развернули искусную пропаганду, нацеленную на немецкое общественное мнение. 22 февраля Александр I адресовал прусскому народу, «как и другим народам, сражающимся на стороне Наполеона», прокламацию, которая уверяла: «мы пользуемся нашей победой, чтобы протянуть руку помощи угнетенным народам»⁴⁰. Русская армия двигалась по Пруссии, встречая восторженный прием у населения, и через некоторое время Александр поставил барона Штейна во главе новой администрации «освобожденных» провинций.

Продвижение русских войск в Пруссии и оказанный им прием ставили короля во все более неудобное положение. Наконец, когда Франция отказалась выплатить Пруссии компенсацию в 94 миллиона франков за припасы, поставленные Великой армии в 1812 году, Фридрих-Вильгельм III под давлением Штейна решил возобновить переговоры, на этот раз на более выгодных для России условиях. Союзный договор был заключен 16 (28) февраля 1813 года в Калише.

где находился царь, и ратифицирован несколькими днями позже, 27 февраля (1 марта), в Бреслау, где обосновался прусский король.

Долгая преамбула украшает текст договора, первый дипломатический текст, вдохновленный российским двором. В нем слышны мистические нотки, тон которых хорошо отражает духовный настрой Александра:

«Полное уничтожение неприятельских сил, проникнувших в сердце России, приуготовило великую эпоху независимости всех государств, кои пожелают ею воспользоваться для своего освобождения от ига, столь много лет тяготевшего над ними от Франции. Первое чувство, коим был одушевлен его величество император всероссийский, ведя свои победоносные войска за границу, было желание присоединить к справедливому делу, столь явно покровительствуемому провидением, своих древних и любезнейших союзников, дабы вместе с ними исполнить предназначения, с коими связаны спокойствие и благосостояние народов, изуренных столь многими потрясениями и жертвами. Наступает время, когда договоры не будут уже более перемириями, когда они снова могут быть соблюдаемы с тою религиозною верою, с тою священною ненарушимостью, от коих проистекают уважение, сила и сохранение государств»⁴¹.

Искренность духовных порывов царя нельзя ставить под сомнение. Они опирались на ежедневное чтение Библии. «С самого Петербурга не было ни дня, чтобы я не читал Священное Писание. Это чтение все больше и больше завладевает мною»⁴², – писал император своему другу Александру Голицыну. Но договор «о мире, дружбе и союзе» включал в себя не только вступительную часть, но и оборонительный и наступательный союз, цель которого была указана в статье 2:

«Его [союза] ближайшая цель вновь устроить Пруссию в таких границах, которые обеспечивали бы спокойствие обоих государств и служили бы ему гарантиями. Так как сия двоякая задача не может быть разрешена, пока военные силы Франции занимают позиции или укрепления на севере Германии, равным образом, пока держава эта будет там иметь какое-нибудь влияние, то главные военные действия будут обращены прежде всего на этот существенный пункт».

Сто пятьдесят тысяч русских и восемьдесят тысяч пруссаков будут мобилизованы против Франции (статья 3); договор запрещает заключать сепаратное перемирие или сепаратный мир (статья 6) и призывает другие европейские государства присоединиться к двум державам, подписавшим его. Наконец, в отдельной, секретной статье договора уточняется:

«Так как полная безопасность и независимость Пруссии могут быть утверждены на прочном основании не иначе, как с возвращением оной материальной силы, какую она имела до войны 1806 г., то его величество император всероссийский, шедший в этом отношении в своих официаль-

ных заявлениях навстречу желаниям его величества прусского короля, обязуется сею секретною и отдельною статьею не полагать оружия, пока Пруссия не будет восстановлена *в статистическом, географическом и финансовом отношении*⁴³ в размерах, соответствующих ее положению до вышеупомянутого времени».

Это важнейшее условие, как справедливо подчеркнул Тьерри Ленц, «оставило возможность для российских проектов в Польше, если Пруссия получит компенсацию за счет других немецких государств, которые слишком долго будут оставаться союзниками Наполеона»⁴⁴. Калишский мирный договор, таким образом, стал важным успехом России. Сразу же по его заключении Пруссия объявила войну Франции.

Тем не менее этого первого удара, нанесенного по наполеоновской системе, было недостаточно, чтобы гарантировать успех Александра. Теперь он должен был добиться присоединения других немецких государств к русско-прусскому союзу. С этой целью полководцы царской армии разворачивали все более мощную пропаганду. Витгенштейн призвал саксонцев к национальному восстанию:

«Вас поддержат бесчисленные армии России и Пруссии. (...) Тот, кто не за свободу, тот против нее! Выбирайте – или мой братский поцелуй, или острие моей шпаги. (...) К оружию! Саксонцы! Если вам не хватает ружей, вооружитесь косами и дубинами»⁴⁵.

Со своей стороны, Кутузов 25 марта подписал в Калише подсказанный Штейном манифест, в котором сообщалось о роспуске Рейнского союза и «возрождении» Германии:

«Их величества император российский и король прусский пришли с единственной целью помочь князьям и народам Германии вновь обрести наследственные права народов, кои были у них похищены, будучи неотъемлемыми: свободу и независимость. Честь и Родину! (...) Нельзя более терпеть Рейнский союз, эту цепь лжи, при помощи коей узурпаторский дух вновь сковал разъединенную Германию».

Ниже в том же документе Кутузов говорит и о будущей участи Франции:

«Пусть Франция, прекрасная и сильная, в будущем займется собственным процветанием. Ни одна иностранная держава не побеспокоит ее, и ни одно враждебное предприятие не будет направлено против ее законных границ»⁴⁶.

Послание было в высшей степени ясным: если Франция вернется в свои естественные границы и перестанет вмешиваться в европейские дела, ей нечего бояться со стороны союзников...

Русская пропаганда в немецких землях не замедлила принести свои плоды: враждебность по отношению к французам становилась все более открытой. Об этом свидетельствует донесение шпиона от

2 апреля, адресованное вице-королю Евгению Богарне: шпион подчеркнул, что «общественный дух одинаково плох на обоих берегах Эльбы, (...) крестьяне говорят только о том, как убивать французов»⁴⁷. По мере продвижения русских войск – 18 марта они вступили в Берлин, 26-го они добрались до Дрездена – число тех, кто поддерживал Наполеона, убывало. Некоторые немецкие государства присоединились к союзникам – Мекленбург-Шверин сделал это в конце марта. Другие выбрали нейтралитет – Саксония заявила об этом 20 апреля. А город Дрезден с распростертыми объятиями встретил короля Пруссии и императора России, которого называли «освободителем».

Таким образом, в конце марта русские скрепили свой союз с Пруссией и продолжали ослаблять наполеоновские силы в Германии; параллельно с этим они начали устанавливать связи со Швецией Бернадота и начали сближение с Англией, от которой в апреле получили ощутимую поддержку: два миллиона фунтов стерлингов. Таким образом, удалось добиться довольно многого. Но на этот момент Австрия еще не участвовала в коалиции, что, естественно, затрудняло будущее мирное урегулирование. Поэтому Александр I стремился побудить Австрию вступить в коалицию.

Уже в 1810 году, когда начала вырисовываться угроза войны между Россией и Францией, австрийское правительство заявило, что не хочет принимать участия в военных действиях. Еще более ясно эта позиция была выражена после окончания войны 1812 года. Дело в том, что император Франц I не мог воевать против своего зятя, ставя под вопрос будущее Марии-Луизы, но вместе с тем он не желал⁴⁸ и связывать себя тесным союзом с Францией: его министр иностранных дел и канцлер с 1809 года, князь Клеменс фон Меттерних, всей душой приверженный сохранению прежнего порядка в Европе, не прекращал сетовать по поводу поползновений Франции, ее стремления к господству и к дестабилизации. Тем не менее, несмотря на амбивалентные чувства по отношению к Франции, австрийская дипломатия еще не была готова к сближению с Россией, тоже внушавшей Меттерниху опасения: канцлер считал, что еще с царствования Петра I интересы России непрестанно противоречили интересам Австрии. В докладе императору Францу от 28 декабря 1811 года он высказался со всей откровенностью⁴⁹:

«Со времен Петра Великого, (...) все завоевания России осуществлялись за счет друзей или союзников Австрии; именно русское влияние поддержало быстрый рост Пруссии, когда явившееся могущество этого государства создало нам угрозу; и именно Россия помогла уничтожить эту державу, когда она могла стать нам полезной. Именно Россия разрушила Польшу; стерев это королевство с карты, она уничтожила все прин-

ципы истинной европейской политики; взамен им она создала систему разрушений и грабежа, нашедшую себе верных подражателей!»⁵⁰

Эти многочисленные сомнения объясняют сложные маневры австрийской дипломатии. С января по март 1813 года она начала отдаляться от французского союзника; в марте она потребовала статуса «вооруженного посредника», который позволил бы ей установить особые связи с обеими сторонами. Именно с таких позиций весной к Александру I и Наполеону были отправлены австрийские эмиссары. В начале мая дипломат и бывший министр Иоганн-Филипп-Карл-Йозеф, граф фон Штадион, встретился с Нессельроде; в ходе переговоров с ним, взамен на присоединение Австрии к принципу общего мира, он потребовал восстановления бывших границ империи, роспуска Рейнского союза и уничтожения Великого герцогства Варшавского⁵¹. Нессельроде дал положительный ответ на эти требования. А миссия генерала Фердинанда фон Бубны, отправленная в это же время к Наполеону, потерпела неудачу. Наступил последний час франко-австрийского союза.

Если весной 1813 года русская дипломатия достигла заметных успехов, то на поле боя все выглядело иначе. Хотя часть Великой армии была скована в Испании, а для компенсации гигантских потерь в ходе российской кампании Наполеон был вынужден прибегнуть к мобилизации ветеранов и торопливо набранных молодых солдат, 2 мая император французов одержал блестящую победу под Лютценом. 85-тысячное французское войско отважно сражалось против ста сорока тысяч русских и пруссаков, находившихся под командованием соответственно Витгенштейна и Блюхера. Не может быть сомнений, что в русско-прусской неудаче большую роль сыграла смерть Кутузова (он умер 28 апреля) и его замена генералом Витгенштейном, который оказался неспособен воодушевить русских солдат, тяжело потрясенных смертью любимого фельдмаршала.

Французская победа имела важное значение. Затормозив наступление союзников, она позволила наполеоновским войскам занять королевство Саксонию, и 9 мая состоялся торжественный въезд Наполеона в Дрезден. Но она дорого обошлась (обе стороны потеряли убитыми и ранеными примерно по 30 тысяч человек), при этом не став решающей. Не добившись однозначной победы, Наполеон решил отправить к царю Армана де Коленкура, своего прежнего посла при российском дворе⁵², которого очень уважал Александр I, чтобы предложить перемирие. 18 мая Коленкур прибыл на французские аванпосты и при посредничестве генерала Макдональда попросил у царя аудиенции. Но Александр, не желавший поддерживать идею возрождения Тильзитского союза, отказался принимать его, сообщив

французскому посланнику, что отныне любое общение возможно только через посредничество австрийской дипломатии. Взбешенный этим отказом Наполеон немедленно возобновил военные действия; 20 мая под Бауценом он возглавил 100 тысяч французов, итальянцев, неаполитанцев и вюртембергцев, сражавшихся против 92-тысячной русско-прусской армии. В результате битвы, длившейся два дня и стоившей жизни маршалу Дюроку, император вновь одержал верх. Но это сражение, вновь очень кровопролитное (обе стороны потеряли убитыми и ранеными от 10 до 15 тысяч человек), снова не принесло ему решающей победы.

Масштаб потерь заставил русских и пруссаков предложить Наполеону перемирие через посредничество Австрии. Французский император, сам желавший дать отдохнуть своим солдатам, согласился. Он поступил опрометчиво: именно в эти несколько решающих недель Барклай де Толли укрепил русскую армию, Великобритания увеличила финансовую и дипломатическую помощь союзникам, а Австрия решила вступить в коалицию.

Укрепление коалиции

Срок перемирия, заключенного 4 июня в Плейшвице Коленкурот от лица Франции, Фридрихом Генрихом Клейстом от лица Пруссии и графом Павлом Шуваловым от лица России – без участия нейтральной Австрии, – истекал 20 июля. В эти шесть недель все бросились завязывать контакты и вести переговоры. 12 июня пруссак Гарденберг и австриец Штадион встретились с Нессельроде; вместе с ним они зафиксировали необходимые предварительные условия мирного договора: отказ от Великого герцогства Варшавского, возвращение Иллирии под власть Австрии, восстановление независимости ганзейских городов и возвращение Данцига Пруссии. Они прекрасно знали, что Наполеон на такие условия не согласится, но для союзников было не так важно договориться с ним, как объединиться, показать свою решимость и взвалить на Наполеона ответственность за продолжение войны. Двумя днями позже, 14 июня, Англия и Пруссия подписали Рейхенбахскую конвенцию: обе страны обязались не заключать секретный мир, Пруссия согласилась выставить еще 80 тысяч солдат в обмен на британскую субсидию в 666 660 фунтов стерлингов; на следующий день Россия тоже присоединилась к конвенции, обязавшись, как и Пруссия, «не иначе вступать в какие-либо соглашения или переговоры относительно заключения мира или ведения войны, как только по общему согласию»⁵³. И она, в свою очередь, получила

щедрую субсидию в более чем миллион фунтов стерлингов⁵⁴, важность которой подчеркнул Доминик Ливен:

«Англичане собирались предложить России в качестве субсидии 1,33 млн ф. ст., и еще 3,3 млн будут выданы в обмен на долю участия англичан в проекте “союзных бумаг”. В сравнении с общим объемом заграничных выплат и субсидий Великобритании указанные суммы были относительно скромными. Война на Пиренейском полуострове в 1811 г. обошлась англичанам в 11 млн ф. ст., а общий размер субсидий составлял менее 8 % стоимости собственных вооруженных сил Великобритании. Однако при пересчете на бумажные рубли 4,6 млн ф. ст. являлись внушительной суммой, которая в принципе должна была покрыть почти все намеченные Россией расходы на ведение кампании в Германии в оставшиеся семь месяцев 1813 года»⁵⁵.

Англия более чем когда-либо выступала в роли главного казначея коалиции.

Со своей стороны, через неделю после подписания перемирия Меттерних попросил об аудиенции у Наполеона. Официально речь шла о переговорах с целью избежать вступления Австрии в войну и позволить ей использовать свой нейтралитет для продвижения идеи мирного конгресса. По-прежнему опасаясь русских амбиций в Польше и на Балканах, он искал решения, которое позволило бы наполеоновской династии сохранить власть, а его собственному монарху извлечь пользу из роли Австрии в качестве посредника, вернув Иллирию. Но параллельно с этим он разыграл и русскую карту, 17 июня повидавшись с царем в Опочно. Это была их первая встреча с 1805 года. Царь и канцлер общались со всей сердечностью. По ходу беседы Меттерних заявил, что он совершенно убежден: Наполеон отвергнет предложенные ему условия мира, а значит, война неизбежна. Воинственно настроенному Александру было приятно услышать это мнение. Но с Наполеоном, принявшим его 26 июня в своем генеральном штабе в Дрездене, во дворце Марколини, князь говорил совсем иначе. Он попытался убедить его согласиться на переговоры. Тем не менее атмосфера, в которой проходили бесконечные разговоры Меттерниха с Наполеоном, была очень напряженной, что Меттерних хорошо описал в своем письме австрийскому императору:

«Наша беседа продолжалась без перерыва с без четверти двенадцати до половины девятого. Этот долгий разговор был странной смесью разных частей – проявления дружбы чередовались в нем с яростными вспышками гнева»⁵⁶.

Канцлер подчеркнул ту неуступчивость Наполеона, с которой он столкнулся, особенно в иллирийском вопросе:

«От Вашего Величества зависит, сказал я ему, подарить мир всему миру, основать Ваше правление на прочнейшей из основ – чувств

всеобщей признательности; если Ваше Величество упустит этот момент, каковы будут границы и пределы потрясений?” Император ответил мне, что готов заключить мир, но он предпочтет погибнуть, нежели заключить постыдный мир. Я ответил ему, что императору Францу никогда не придет в голову сделать ему постыдные предложения. “Ну, что вы имеете в виду, когда говорите о мире? – спросил император. Каковы ваши условия? Хотите меня ограбить? Хотите Италию, Брабант, Лотарингию? Я не уступлю и дюйма земли; я готов заключить мир на условиях *statu quo ante bellum*. Я даже готов отдать часть герцогства Варшавского России; а вам я не отдам ничего, поскольку вы меня не разбили; и Пруссии я не дам ничего, поскольку она меня предала. Если вы хотите Западную Галицию, если Пруссия хочет часть своих прежних владений, это возможно, но взамен на компенсации. Вам придется как-то вознаградить моих союзников. Завоевание Иллирии обошлось мне в триста тысяч человек; если вы хотите ее получить, вы должны потратить не меньше”⁵⁷.

Не может быть сомнений, что этот откровенный разговор укрепил уверенность Меттерниха в том, что Наполеон по-прежнему будет придерживаться воинственной логики; но не стоит переоценивать негативное воздействие этой встречи, поскольку на этот момент русско-австрийское сближение уже шло полным ходом. Уже 27 июня 1813 года в Рейхенбахе, в генеральном штабе Александра I представители Австрии, Пруссии и России подписали союзный договор, целью которого провозглашалось возратить Пруссии и Австрии их владения, вернуть германским государствам независимость и ликвидировать герцогство Варшавское.

Через четыре дня, 30 июня, Наполеон вновь встретился с Меттернихом и на сей раз показал себя более склонным к уступкам: он согласился на посредничество Австрии, на продление перемирия до 10 августа и, как следствие, на организацию конгресса с целью заключения мира. Но эти уступки, вызвавшие раздражение русских и пруссаков (идея мирного конгресса была чисто австрийской инициативой и не встретила у них одобрения), никак не изменили решения союзников начать военные действия как можно быстрее. Таким образом, конгресс, начавшийся в Праге 29 июля⁵⁸, был бесполезным и даже, по мнению Нессельроде, «смехотворным»⁵⁹.

Своим представителем на конгресс Александр I назначил не Нессельроде, а барона фон Анстедта, француза родом из Эльзаса; это было провокацией по отношению к Наполеону, как писал барон Фен: «Он неправ, что участвует в ведении переговоров против родной страны (...) Подобный выбор не означает особого уважения и не показывает большого желания к примирению. И Наполеон немедленно почувствовал себя оскорбленным»⁶⁰. Что касается Фридриха-Вильгельма III, он выбрал своим послом не министра Гарденберга, а Вильгельма фон Гумбольдта⁶¹, знаменитого философа и лингвиста, но по-

средственного дипломата, бывшего в тот момент его послом в Вене. Напротив, император Франц I направил на конгресс князя Меттерниха, Англия – лорда Кэткарта, а Наполеон – Армана де Коленкура, герцога Виченцкого. Столь разный статус представителей пяти держав сам по себе уже говорит о том, как мало значения придавали конгрессу русские и пруссаки. Несмотря на это, Коленкур, всецело преданный императору и горячий сторонник мира, который он хотел спасти любой ценой, не жалел ни усилий, ни трудов.

Перед ним стояла нелегкая задача: времени было мало, поскольку конгресс должен был прийти к решению не позднее 10 августа, а французский представитель получил первые инструкции от Наполеона лишь 26 июля, и они отнюдь не внушали оптимизма. В то время как Коленкур надеялся, что император согласится вернуть Австрии Иллирию, Наполеон отказался это делать и заявил о желании сблизиться с Россией. Наполеон вновь протягивал руку царю, не понимая, что Александр решил оставаться глухим к его призывам.

6 августа Наполеон, находившийся в Майнце (он покинул Дрезден 25 июля) отправил Коленкуру новые инструкции: он был готов отказаться от Великого герцогства Варшавского, вернуть Австрии Иллирию, но по-прежнему не был согласен на возвращение Пруссии в ее прежние границы и тем более не желал отказываться от титула покровителя Рейнского союза, а также от владения ганзейскими городами Любеком, Бременом и Гамбургом⁶². Через два дня, 8 августа, Меттерних сообщил Коленкуру, что союзники продолжают придерживаться своих требований в отношении Рейнского союза, который должен быть распушен, ганзейских городов, которые должны вернуть свою независимость, и Пруссии, которая должна вновь обрести свои прежние границы. В этот же день эти предложения были переданы Наполеону, но он ответил на них лишь 10 августа. В своем ответе, как подчеркивает Тьерри Ленц, «Наполеон согласился на большинство требований посредника. Но он желал, чтобы король Саксонии получил компенсацию за потерю герцогства Варшавского, чтобы Триест не был уступлен Австрии, чтобы продолжилось обсуждение по ганзейским городам, а территория Дании была гарантирована от вторжения⁶³». Его курьер прибыл в Прагу лишь 11 августа, на следующий день после истечения срока конгресса. 10 августа в полночь Меттерних объявил конгресс закрытым, а 12 августа объявил войну Франции.

Был ли Пражский конгресс упущенной возможностью? На самом деле позиции обеих сторон были тверды уже до открытия конгресса, поэтому он представлял собой всего лишь лицемерный фарс, что

в полной мере отразила депеша министра Каслри, адресованная 7 августа 1813 года британскому посланнику лорду Кэткуарту:

«Великие державы совершили бы роковую для себя и для целого мира ошибку, если бы они хоть на миг подумали найти убежище в том, что называют континентальным миром. (...) Мы сейчас окружили быка и крепко сжимаем его. Если один из нас вытустит его до того, как мы его обезвредим, тем хуже для нас»⁶⁴.

После закрытия конгресса Наполеон оказался лицом к лицу с коалицией, включавшей теперь и Австрию. Положение казалось трудным. Впрочем, несмотря на то, что теперь коалиция насчитывала 484 тысячи солдат в противовес наполеоновским 280 тысячам, ее первые шаги снова оказались неудачными: 26 и 27 августа союзники потеряли 6 тысяч солдат под стенами Дрездена, и в их рядах началось серьезное беспокойство. Фридрих-Вильгельм III и император Франц I, в смятении от масштаба поражений, начали подумывать о прекращении войны; лишь Александр, хотя и был обескуражен бесконечными неудачами, оставался стойким. Фортуна вознаградила его упорство: 18 августа в битве при Кульме 54 тысячи союзников под командованием Баркляя-де-Толли одержали первую победу над 32 тысячами наполеоновских солдат под командованием маршала Вандамма, причем сам маршал был взят в плен. Александр решил двигаться дальше. 9 сентября державы подписали Теплицкий договор, вновь обязавшись предоставить по 150 тысяч солдат и отказаться от заключения сепаратного мира. Их политическая программа включала восстановление независимости оккупированных Наполеоном европейских государств, роспуск Рейнского союза, возвращение Пруссии и Австрии к границам 1805 года и к «дружескому» соглашению⁶⁵ касательно будущего Великого герцогства Варшавского. Это упоминание стоит подчеркнуть: впервые с момента формирования новой коалиции в международном соглашении упоминалась судьба Польши. 3 октября Великобритания, в свою очередь, подписала Теплицкий договор, а в скором времени к коалиции присоединился и Карл Йохан Бернадот, опасавшийся потерять шведский трон, он обещал предоставить войска. Это был решающий поворот: теперь у коалиции, по крайней мере на бумаге, было почти 500 тысяч человек.

Решающая битва, которой ждали обе стороны, развернулась под Лейпцигом с 16 по 19 октября 1813 года.

В начале сражения столкнулись 220 тысяч солдат коалиции и 175 тысяч наполеоновских, и первый же день ознаменовался страшными жертвами: коалиция потеряла убитыми и ранеными 40 тысяч человек, Великая армия – 30 тысяч. В ночь на 17 октября прибыли подкрепления, призванные компенсировать эти потери: 15 тысяч

присоединились к армии Наполеона и 110 тысяч – к войскам коалиции. Цифры говорят сами за себя: с этого момента баланс сил изменился в пользу союзников. Кроме того, символический момент: в самый разгар наступления саксонцы покинули ряды французской армии и «повернули свое оружие против вчерашних союзников, а вюртембержцы покинули свои позиции. Вечером 18 октября французская армия, истощенная, оголодавшая и практически не имевшая больше боеприпасов, была вынуждена отступить к Лютцену»⁶⁶. В ходе «битвы народов», которую со стороны коалиции вел князь Шварценберг, наполеоновская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными 65 тысяч человек⁶⁷, а союзники – 54 тысячи⁶⁸. Это было решающее поражение императора французов: теперь он был вынужден отступать. Боевой дух его солдат упал. Ветеран наполеоновской армии писал: «Мы пустились в путь с печалью. До этого момента мы двигались навстречу врагу, а теперь мы отступали, и воспоминание о нашем прошлогоднем отступлении вызывало болезненные размышления о новом отступлении, которое мы начали»⁶⁹.

5 декабря 1813 года французский арьергард ушел за Рейн. С Рейнским союзом теперь было покончено, как и вообще с французским присутствием на территории Германии. В это время Наполеон был вынужден отступить и на других фронтах: 21 июня его армия потерпела поражение от Веллингтона при Виттории, что означало конец французского владычества в Испании; в Италии его владениям угрожали австро-баварские войска, а Мюрат, желавший спасти свой неаполитанский престол, уже был близок к тому, чтобы предать императора.

Нужно ли ограничиться победой при Лейпциге? Австрийцы и пруссаки желали именно этого – они боялись сталкиваться с Наполеоном на французской территории, будучи убеждены, что его военный гений удесятерится, когда выяснится, что «Отечество в опасности» и что император французов, будучи достойным сыном Французской революции, сможет мобилизовать военных и штатских, воскресив дух Вальми. Несколько человек в окружении Александра I тоже возражали против какого-либо нового наступления: в частности, адмирал Шишков, который, в докладе от 6 (18) ноября 1813 года, считая вторжение на территорию Франции слишком рискованным, предлагал остановиться на Рейне и создать там преграду из немецких и австрийских войск⁷⁰. Но Александр I придерживался другого мнения: он хотел принести войну на французскую территорию, чтобы добиться полной победы над Наполеоном.

Последняя попытка диалога между союзниками и императором французов состоялась в ноябре-декабре, вновь при посредничестве

Меттерниха, который надеялся убедить побежденного Наполеона заключить мир. 9 ноября Меттерних отправил Наполеону свои предложения, составленные во Франкфурте и получившие потому название «франкфуртских предложений». Нота, получившая устное одобрение союзников, но не подписанная ими, была доставлена императору бароном де Сент-Эньяном⁷¹, французским послом в Саксонии, попавшим в плен после битвы при Лейпциге. Нота предусматривала, что Франция сможет сохранить в своем владении Савойю, Бельгию и левобережье Рейна, но обязана отказаться от всех приобретений в Германии, Испании и Голландии, а судьба ее колоний будет предметом дальнейшего обсуждения. Прибыв в Париж 14 ноября, на следующий день Сент-Эньян уже встретился с Наполеоном. Вначале император колебался, но 2 декабря он согласился на франкфуртские предложения, считая их не окончательными условиями, но основой для будущих переговоров. Увы, за это время под влиянием Англии и Пруссии союзники ужесточили свои претензии: прусский министр иностранных дел, отсутствовавший при составлении франкфуртских предложений, счел их «абсурдными»⁷², а лорд Абердин, получивший выговор от лорда Каслри за «неблагоразумие», теперь отказывался уступать французам Антверпен, требуя возвращения Франции «к ее прежним границам». 4 декабря союзники под влиянием Меттерниха собрались для подписания длинной декларации⁷³, которую они поместили задним числом, 1 декабря, и которая отразила ужесточение их позиций. В вопросе о границах в этой декларации было заявлено, что «державы гарантируют Французской империи столь обширные территории, какие никогда не принадлежали Франции при ее королях». Эта формулировка, при всей своей расплывчатости, ставила под вопрос территориальные приобретения революции и империи, на что Наполеон решиться не мог.

Теперь столкновение стало неизбежным. 21 декабря 1813 года первые союзные войска (250 тысяч солдат) форсировали Рейн на протяжении от Кобленца до Базеля.

Началась французская кампания.

«ВРАГ ВСТУПИЛ НА ЗЕМЛЮ ВОГЕЗОВ, КАК НА ПОРОГ ГОСТИНОЙ»

3 января 1814 года, оказавшись на территории Франции – во Фрайбурге-им-Брайсгау, городе, который Франция приобрела в эпоху Людовика XIV, – и готовясь форсировать Рейн, Александр I написал своему бывшему наставнику, швейцарцу-республиканцу Лагарпу, растившему его более десяти лет, письмо, позволяющее понять волновавшие его чувства:

«Позвольте мне сказать Вам, что, если, помимо деяний Провидения, делу независимости Европы оказали какую-то услугу мои упорство и энергия, проявленные в последние два года, я обязан ими Вам и Вашим наставлениям. В трудные минуты ко мне всегда являлась память о Вас, и меня поддерживало желание быть достойным Ваших забот, заслужить Ваше уважение. И вот мы с берегов Москва-реки¹ добрались до берегов Рейна – и собираемся в ближайшие дни его форсировать. Будучи столь близко к Вам, я испытываю сладостное утешение, осознавая, что я смогу сжать Вас в моих объятиях и вновь выразить уже вслух всю благодарность к Вам, которая будет теплиться в моем сердце до самой могилы. Это будет один из самых счастливых дней моей жизни. Через четыре или пять дней я увижу свою сестру² в Шаффхаузене, где я рассчитываю задержаться до (29 декабря) 10 января; вслед за тем я проведу несколько дней в Базеле, прежде чем продолжить наш путь вглубь Франции. Я Вам буду рад всюду, где Вы сможете ко мне присоединиться. Имейте в виду, что Вас ждут с живейшим нетерпением.

Прощайте, мой драгоценный, мой истинный друг; я Ваш сердцем и душой на всю жизнь»³.

Итак, в январе 1814 года, когда французская кампания только начиналась, царь думал о Провидении, о просветительском образовании, полученном от старого учителя и о «борьбе за независимость Европы». Как можно увидеть из письма, он был спокоен и уверен, что войска коалиции вполне способны двинуться на французскую землю. И первые недели кампании показали его правоту.

Люди и планы: соотношение сил и разные стратегии

В декабре 1813 года, накануне вторжения, у союзников на руках было много козырей, в том числе точный план кампании и колоссальные людские ресурсы.

План союзников, разработанный в ноябре, был закончен в ходе военных переговоров (19 ноября) 1 декабря во Франкфурте в присутствии союзных монархов и Меттерниха: все считали, что надо действовать быстро и не дать Наполеону времени восстановить свои войска⁴. Тем не менее окончательное оформление плана, в котором Александр I участвовал лично⁵, не обошлось без споров и трений: в то время как австрийцы предлагали двинуться по территории Швейцарии, Александр I, желавший уберечь от войны родину своего дорогого Лагарпа, требовал, чтобы все армии переправлялись во Францию только через Рейн. Но его план не был принят всеми, и, хотя швейцарцы в начале декабря провозгласили нейтралитет, двумя неделями позже австрийцы вторглись на территорию Швейцарии, не преминув вызвать гнев царя⁶. Считая, что Меттерних его одурачил, Александр долго держался с ним холодно.

План кампании предусматривал, что большинство солдат коалиции (русские, пруссаки, австрийцы, шведы, баварцы, вюртембергцы, голландцы, немцы) вторгнутся на французскую территорию с севера и востока; тем временем уступающие им численностью англичане, испанцы и португальцы под руководством герцога Веллингтона (72 тысячи человек) и генерала Уильяма Генри Клинтона (50 тысяч человек), уже преодолевшие Пиренеи и вступившие на французскую территорию (7 октября 1813 года они форсировали пограничную реку Бидассоа, а в декабре Веллингтон уже был в Сен-Жан-де-Люсе), – будут двигаться к Тулузе. В письме от 10 ноября 1813 года к Бернадоту, ставшему наследным принцем Швеции, Александр I объяснил общую логику плана: четыре армии, Богемская, Силезская, Итальянская, а также армия Веллингтона, будут расположены так, что составят большой круг, который по мере их одновременного продвижения будет сокращаться, и войска будут понемногу приближаться «к центру круга, то есть к Парижу или к генеральному штабу Наполеона»⁷.

В начале января все три армии, находившиеся вдоль Рейна, были переданы под верховное командование австрийского фельдмаршала и генералиссимуса Карла Филиппа фон Шварценберга.

43-летний князь хорошо был знаком с главными действующими лицами этой войны: с Наполеоном он встретился на полях сражений под Ульмом и Аустерлицем, был австрийским послом в Петербурге в 1808–1809 годах, где часто видел Александра I, а затем был назна-

чен послом к Наполеону и вел в этом качестве переговоры о браке императора французов и Марии-Луизы. В ходе войны 1812 года он командовал австрийским корпусом, предоставленным Наполеону императором Францем, а в 1813 году стал сражаться против Наполеона и возглавил армию союзников в Лейпцигской битве. Мы видим, насколько активно Шварценберг участвовал в великих событиях 1805–1813 годов, как военных, так и дипломатических.

Первая из трех союзных армий, созданных в 1814 году, носившая имя «Большой армии» или «Богемской армии», была самой важной из трех – ее сопровождали союзные монархи. Она была и самой многочисленной. Находясь под прямым командованием Шварценберга, она располагала 200 тысячами солдат и 690 орудиями, в том числе 61 тысячей русских солдат⁸ и 210 русскими орудиями. В ее состав входили легкие австрийские дивизии Бубны, австрийские армейские корпуса Коллоредо, Вимпфена, Дьюлаи, Бианки, Морица и Людвиг фон Лихтенштейнов, кавалерийские корпуса (казаки и гусары) Витгенштейна, кавалерийские казачьи корпуса атамана Платова, состоявшие из множества полков, происходящих из разных регионов (черноморские казаки, оренбургские казаки...), три баварских кавалерийских дивизии под командованием графа фон Вреде и подразделения вюртембергской пехоты под командованием князя Вюртембергского⁹. Кроме того, армия включала резервные войска под командованием великого князя Константина Павловича и Барклая де Толли – австрийскую пехоту, корпус русских гренадеров, прусскую и российскую гвардию, а также кавалергардов. Наконец, стоит заметить, что кроме этих регулярных войск, в кампании приняли участие и нерегулярные кавалерийские полки, нерусские по составу: двадцать башкирских полков, четыре полка крымских татар и три полка калмыков¹⁰, – что придавало русской армии многонациональное и многоконфессиональное измерение.

В то время как три баварских дивизии (36 тысяч человек), вторгшись в Эльзас, 24 декабря атаковали и осадили Юнинг и Бельфор, остаток Богемской армии (164 тысячи человек) вступил во Францию через Швейцарию 21 декабря; двигаясь по северу и по югу области Юра, Богемская армия собиралась держать курс на Лангр, Шомон и Труа, а также левый берег Сены.

Вторая армия, «Силезская», отправившаяся из Франкфурта, находилась под командованием прусского маршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера.

Блюхер начал воевать уже в Семилетнюю войну, а впоследствии служил в армии Фридриха II. В 1814 году ему исполнилось 72 года. Он воплощал собой славную память прусской армии, и его назначе-

ние на пост командующего Силезской армией отнюдь не было случайным.

Эта армия насчитывала 96 тысяч солдат¹¹ и 448 орудий, из которых 56 тысяч солдат и 232 орудия были русскими. Она состояла из трех дивизий корпуса генерала Йорка, трех дивизий корпуса генерала Клейста, четырех дивизий генерала фон Бюлова, корпуса генерала Ланжерона (в него входили шесть русских пехотных дивизий под командованием Сен-При, Олсуфьева и Капсевича, а также три дивизии кавалерийского корпуса Корфа), корпуса генерала Остен-Сакен, состоявшего из трех пехотных дивизий, из которых две были под началом князя Щербатова, а одна под командованием графа Ливена, и трех кавалерийских дивизий под командованием Васильчикова. Наконец, в Силезскую армию входили саксонцы, находившиеся под началом своего князя¹². Силезская армия форсировала Рейн в Майнце 1 января 1814 года. Корпуса генералов Остен-Сакена, Йорка и Клейста держали курс на Тьонвиль, Понт-а-Муссон и Мец, а Ланжерон задержался у Майнца. Эта армия должна была двигаться по Лотарингии, а затем направляться к Реймсу.

Третья армия, «Северная», поддерживавшая две главных, находилась под командованием наследного принца Швеции. Кроме шведского корпуса, она включала в себя пять русских корпусов под командованием генералов Беннигсена, Теттенборна, Дёрнберга, Бенкендорфа и Чернышева, а также англо-немецкий корпус, включавший в себя войска ганзейских городов и воинские контингенты из государств, ранее состоявших в Рейнском союзе¹³. Северная армия должна была перебраться через Рейн в Голландии, пересечь Бельгию и двигаться на Париж через Лан, по левому берегу Уазы. На бумаге в шведской армии было 180 тысяч солдат и 442 орудия, в том числе 36 тысяч русских солдат и 132 русских орудий, находившихся под командованием генерала Фердинанда фон Винцингероде, но в реальности лишь небольшая часть шведской армии вступила во Францию со стороны Голландии – а именно подразделения генерал-лейтенанта Фридриха фон Бюлова (40 тысяч человек) и Винцингероде. Бернадот не горел желанием участвовать в военных действиях: он все еще мечтал занять место Наполеона на французском троне и поэтому заботился о том, как будет выглядеть в глазах своих бывших соотечественников.

Кроме англо-испанско-португальской армии под командованием лорда Веллингтона и англо-батавской армии под началом его главнокомандующего Томаса Грэма союзники могли еще рассчитывать на резервную русско-прусскую армию под началом князя Лобанова-Ростовского (60 тысяч человек)¹⁴, на австрийскую Итальянскую

армию под началом генерала Генриха Иоганна де Беллегарда¹⁵, располагавшего 74 тысячами солдат и угрожавшего Ломбардии, и на неаполитанскую армию под командованием неаполитанского короля Иоахима Мюрата, который, надеясь спасти свой трон, вступил в коалицию в декабре и подписал 11 января 1814 года договор с Австрией. В целом в январе 1814 года 628 тысяч человек вторглись на территорию Франции или собирались это сделать.

Как и в ходе германской кампании, русские не возглавляли ни одну из коалиционных армий, и многие их корпуса находились под командованием Шварценберга или Блюхера.

Эти двое разительно отличались друг от друга. Оба были отважны в бою, оба имели большой военный опыт, но по манере действовать и темпераменту они очень разнились. Австрийскому князю, который был придворным не в меньшей степени, чем солдатом, недоставало харизмы; часто действовавший благоразумно, он в глазах современников не был блестящим военным, несмотря на то, что отважно сражался под Ульмом и Аустерлицем; об этом свидетельствует суровое описание, которое оставил в своих «Мемуарах» канцлер Паскье:

«Князь Шварценберг был порядочный человек, очень хорошего нрава, но отличался посредственным умом и еще более посредственными военными способностями. Его назначили главнокомандующим коалиционными силами из уважения к Австрии и с целью как можно крепче привязать ее к общему делу. Бремя было столь тяжелым, что можно было не опасаться, что он будет слишком ревностно выполнять свои обязанности (...). Он всегда следовал прямым указаниям своего хозяина и господина Меттерниха»¹⁶.

А Жомини, в ту пору адъютант царя, высказался о назначении Шварценберга главнокомандующим коалиции с присущей ему безжалостностью: «Этот храбрый вояка не был способен руководить столь сложной машиной и придавать ей импульс; но он отличался мягкостью, обходительностью, скромностью, одним словом, он был нужен, чтобы им руководить»¹⁷. Напротив, прусский коллега Шварценберга показал себя очень горячим человеком. Об этом свидетельствует его сочный портрет, нарисованный генералом Ланжероном, французским эмигрантом на русской службе, который в 1814 году находился как раз под командой Блюхера:

«Это был старый гусар во всех смыслах этого слова, любитель выпить, игрок, распутник; у него были все недостатки, которые едва можно было бы простить молодому человеку. Но он их искупал многочисленными положительными качествами: неустрашимый солдат, пылкий патриот, честный, верный, с воинственной внешностью и речью grenадера, он мог внушить своим войскам абсолютное доверие и заслужить любовь всех солдат: его вскоре обожали как пруссаки, так и русские.

Его активность была удивительной, он был всегда на коне; на поле боя он проявлял опыт и находчивость старого солдата; его умение оценить обстановку было превосходно, его героическая отвага увлекала его солдат, но на этом и заканчивался его талант полководца. Всех его достоинств было бы недостаточно, если бы у него не было помощников; он мало что знал про стратегию, не мог сориентироваться на карте и был неспособен составить план кампании или спланировать диспозицию войск. Он оставлял все военные и политические подробности троим помощникам, которых ему придали, чтобы направлять его; эти трое¹⁸ пользовались его полнейшим доверием и во многих отношениях заслуживали его»¹⁹.

В структуре коалиционных армий 1814 года генерал Михаил Барклай де Толли, бывший военный министр, главнокомандующий первой армией царя в войне 1812 года, носивший официальное и почетное звание главнокомандующего русской армией, не занимал видного места. От него напрямую зависели только резервные русско-прусские войска Богемской армии; его власть над десятками тысяч русских солдат, находившихся в коалиционных армиях, ограничивалась вопросами снаряжения и интендантской службы²⁰.

Так пожелал Александр I: предоставив своим союзникам играть главную роль в военных действиях, он надеялся добиться их полноценного участия в кампании. Но это решение не помешало царю наблюдать вблизи за тем, как разворачивались операции, и быть душой и предводителем коалиции, как в политическом, так и в стратегическом плане²¹. Все стратегические решения Богемской армии обсуждались и принимались советом трех монархов, главную роль в котором играл царь; а Силезская армия, над которой у Шварценберга не было никакой власти, фактически находилась под влиянием царя: русские солдаты преобладали в ней численно, прусский король не интересовался военными вопросами, а Блюхер испытывал глубокое уважение к Александру I²². Царь окружил себя надежными помощниками: рядом с ним были генерал Алексей Аракчеев, член Государственного совета, ответственный за административное руководство русской армией, князь Петр Волконский, глава его штаба, служивший ему связующим звеном с верховным командованием коалиции, граф Нессельроде, ответственный за дипломатию и, наконец, генерал-квартирмейстер Карл Вильгельм фон Толь, представитель царя при князе Шварценберге. Толь, принимавший активное участие в войне 1812 года, находившийся почти всегда при царе, теперь должен был информировать Волконского обо всем, что происходило в штабе коалиции; в частности, передавать приказы Шварценберга летучим подразделениям, а порой и русским корпусам Большой армии²³.

Если в политическом плане стратегия наделения австрийцев и пруссаков руководящими ролями вполне сработала, в военном плане все оказалось сложнее.

Во-первых, быстро выяснилось, что сложность процесса принятия решений снижает его эффективность, что нашло хорошее отражение в воспоминаниях Жомини:

«Император Александр, король Пруссии; посол Англии лорд Кэварт; посол Швеции Левенхельм; князь Волконский; генералы Моро, Барклай, Дибич, Толь, Жомини, Кнезбек обсуждали планируемые операции. Поскольку они должны были выступить по поводу плохо подготовленных планов, происходили бесконечные дискуссии. То ли Шварценберг желал освободиться от этого контроля, то ли ему не хватало времени на то, чтобы составить диспозиции, утвердить их, зафиксировать, предоставить монархам и затем отправить в разные корпуса, но он часто отправлял их, не подав на утверждение; и быстро стало заметно, что эта важнейшая работа, от которой зависело правильное управление армией, оставлена людям, которые в ней ничего не понимают»²⁴.

Во-вторых, когда возникли первые расхождения во мнениях среди союзников, и в особенности, когда начались первые неудачи, это положение стало нестерпимым для верховного командования русскими войсками, недовольного, что оно лишено какой-либо ответственности и возможности действовать.

К тому же эта стратегия оказалась пагубной и для логистики, и для интендантской службы. План союзников предусматривал снабжение едой и боеприпасами с походных складов и вместе с тем реквизиции, не выходящие за рамки строгой необходимости. Например, русские солдаты должны были ежедневно получать полфунта мяса и два фунта хлеба на солдата, а также семь литров овса и тридцать килограммов сена на лошадь. Но на деле, несмотря на рвение, проявленное генерал-интендантом графом Георгием Канкрином, отправка припасов изолированным подразделениям и летучим отрядам была затруднена; кроме того, попав под командование иностранных генералов, часто безразличных к их судьбе, русские солдаты порой оказывались обойденными при распределении припасов²⁵. Это стало причиной многочисленных случаев мародерства и насилия в отношении местного населения – мы еще вернемся к этому важнейшему вопросу.

Располагая точным планом кампании, мобилизовав колоссальные силы, союзники решили прибегнуть к пропаганде – под влиянием Александра I, которого подталкивал к этому генерал-адъютант Александр Чернышев. Знарок французского общества и французской ментальности, в свое время создавший эффективную шпионскую сеть, внедренную в 1811–1812 годы в самое сердце французского военного министерства²⁶, он оставался ближайшим сотрудником своего

государя. В ноябре 1813 года²⁷ он направил ему записку, в которой, отдав должное храбрости и упорству царя по отношению к своему противнику, он призвал его обнародовать воззвание, которое могло бы успокоить французский народ. Соединяя геополитические аргументы с психологическими, Чернышев подчеркивал необходимость во что бы то ни стало вести пацифистские речи:

«Во время пражских переговоров Наполеон сумел заставить поверить Париж и всю Францию (...) что мир, предложенный союзниками, в высшей степени пятнал национальную честь, стремясь разделить Францию и довести до крайнего унижения и нищеты; к несчастью, легкомыслие и доверчивость французов позволили их правительству одурачить их, тем более, что с нашей стороны не прозвучало ничего такого, что могло бы опозорить заявления Наполеона. (...)

Мне кажется, что в этих обстоятельствах, для того, чтобы достичь как можно быстрее мира, о котором вздыхают все народы, необходимо, чтобы Ваше Величество, будучи душою священной лиги и ее предводителем, как можно быстрее взяли особый курс (...) приказав составить текст, в котором Вы бы от лица всех союзников заявили всей Европе и в особенности французам, какие чувства заставили Вас вести эту войну, какие чувства Вы испытываете к французскому народу, насколько противна Вашим принципам идея унижить эту нацию и сделать ее несчастной, и что единственной Вашей целью всегда было лишь освобождение народов Европы от владычества узурпатора, не только враждебного счастью Франции, но и до крайности обременительного, поскольку существование подобного порядка вещей постоянно требовало все новых жертв»²⁸.

Эта точка зрения была услышана в полной мере: по большому счету, Франкфуртская декларация в большой степени вторила записке Чернышева. Объясняя французскому народу мотивы вмешательства, она стремилась успокоить французов по поводу их будущей судьбы, стремясь добиться если не их поддержки, то хотя бы их нейтралитета. Союзники стремились любой ценой избежать всеобщего восстания в стране:

«Французское правительство недавно определило вновь набрать 300 000 конскриптов. Побудительные причины, изложенные в определении Сената, суть: пригласить Союзные державы еще раз перед лицом вселенной, к объявлению намерений, которыми они руководствуются в настоящей войне, правил, на коих они основывают свое поведение, желаний и решений своих.

Союзные державы воюют не против Франции, а против известной всем, превосходной силы, которую Император Наполеон, к несчастью Европы и Франции, слишком долго пользовался вне пределов своего Государства.

Победа привела Союзные войска к Рейну. Первое употребление сих побед было то, что Их Императорские и Королевские Величества предложили Императору Наполеону заключение мира. Новая и усугуб-

ленная сила, приобретенная приступлением к союзу всех государей и князей Германии, не имела влияния на мирные условия. Сии основаны на независимости Французского государства, и прочих европейских государств. Намерения Союзных монархов имеют цель справедливую, исполняются благородно и великодушно, успокаивают всех, обеспечивают честь всякого.

Союзные Монархи желают, чтоб Франция была велика, сильна и счастлива, ибо Французская держава, сильная и великая, есть одна из главнейших подпор здания европейских государств. Они желают, чтоб Франция была счастлива, чтоб торговля французская ожила вновь, чтоб расцвели искусства и науки, сии благодетельныя мира; ибо спокойствие великого народа неразлучно с его благоденствием. Союзные державы утверждают границы Французского государства, каковых оно никогда под правлением королей своих не имело, ибо храбрая нация не унижается бедствиями, претерпенными ею в войне упорной и кровопролитной, в которой она сражалась с обыкновенным своим мужеством.

Но Союзные державы также хотят наслаждаться свободою, счастьем и покоем. Они хотят утвердить мир, который благоразумным разделом силы по справедливому равновесию, впредь предохранит бы народы их от страданий, которые в течение 20 лет отягощали Европу.

Союзные державы не положат оружия прежде достижения сего великого и благодетельного предмета, сей благородной цели их усилий. Они не положат оружия, доколе не утвердят вновь политического состояния Европы, доколе твердые правила не восторжествуют над тщеславными требованиями, доколе наконец священные договоры не обеспечат в Европе истинного мира!»²⁹

Хотя этот текст был составлен под руководством Меттерниха, он, тем не менее, как в стилистическом, так и в политическом плане несет на себе отпечаток влияния царя. Указание на необходимость «благородного» и «великодушного» мира, построенного на «справедливом равновесии», почти мистическая идея «святости договоров» и проявленная в тексте решимость не складывать оружие «доколе не утвердят вновь политического состояния Европы» – все здесь указывает на личное влияние Александра I.

Уже 6 декабря декларация была помещена в «Gazette de Francfort». Союзники не жалели усилий для ее широкого распространения. «Враги раскидывали экземпляры газеты по нашим границам и по нашим берегам; они даже послали ее великому множеству людей по базельской почте»³⁰, – жаловался в начале января «Le Journal de l'Empire». Мы видим, что перед своим вторжением на французскую территорию союзники использовали любые средства. Однако желание царя свести к минимуму насилие по отношению к мирному населению во Франции не было исключительно пропагандистским жестом. Накануне вторжения он произнес речь в этом же духе перед

собственными солдатами, пытаясь убедить их вести себя «мирно» и используя удивительные формулировки:

«Воины! Мужество и храбрость ваши привели вас от Оки на Рейн. Они ведут вас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которой ведем кровопролитную, жестокую войну. (...) Неприятели, вступая в середину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь. (...) Воины! Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим, сколько оружием...»³¹

А в каком положении находились Наполеон и его армия?

Если смотреть с чисто военной точки зрения, то кроме 70 тысяч человек, которым было поручено укрепить и оборонять Париж (в том числе 15 тысяч солдат регулярной армии и многочисленных полков Национальной гвардии, мобилизованных декретом начиная с января 1814 года), в распоряжении Наполеона были войска, хотя и довольно значительные, все же сильно уступавшие по численности войскам коалиции.

Северной армии он мог противопоставить 15 тысяч солдат 1-го пехотного корпуса, находившегося под командованием генерала Мэзона. Против Блюхера он мог выдвинуть 13 тысяч солдат маршала Макдональда, а именно 11-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса³², а также 16 тысяч человек маршала Мармона, а именно 6-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса. Сдерживать Шварценберга он мог при помощи 10600 солдат маршала Виктора (а именно 2-го пехотного и 5-го кавалерийского корпусов) и гвардии под командованием Мортье – 15 тысяч человек, состоявших из старой гвардии под командованием самого Мортье, молодой гвардии под началом маршала Нея и гвардейской кавалерии генерала Нансути.

На юго-востоке находился маршал Ожеро с войском в 20 тысяч человек, имевший задачей защищать Лион, а на юго-западе против Веллингтона могли действовать войска маршала Сульта (60 тысяч бойцов) и маршала Сюше (37 тысяч бойцов). Таким образом, в целом в распоряжении Наполеона находилось около 186 тысяч солдат, как максимум 200 тысяч, если включить в эту цифру подразделения Национальной гвардии, то есть не больше трети численности войск коалиции. Конечно, в ноябре 1813 года Наполеон объявил новый набор – 300 тысяч солдат, а указ 4 января 1814 года предусматривал сбор народного ополчения; но эти мобилизации еще не были проведены, и в январе, когда началась кампания, в рядах армии из 300 тысяч находилось лишь 63 тысячи.

Наполеоновская армия страдала не только от недостаточной численности. Новые солдаты по большей части были совсем молодыми

парнями, «мария-луизами», обученными в спешке и не имевшими никакого опыта³³; во французской армии свирепствовал тиф, ей не доставало оружия и снаряжения³⁴, и, что, вероятно, было еще важнее, она испытывала серьезнейшую нехватку в лошадях, что создавало неразрешимые трудности для кавалерии и артиллерии.

Эти военные проблемы дополнялись политическими. С одной стороны, элиты, поддерживавшие режим, начали противиться ему. Примером может послужить Законодательный корпус, 29 декабря 1813 года принявший 223 голосами против 51 доклад Жозефа Лене, выступавшего против продолжения войны и требовавшего мирных переговоров³⁵. С другой стороны, роялистская партия, долгое время пребывавшая в молчании или изгнании, начала поднимать голову: граф Прованский, нашедший убежище в Хартвелле, маленькой деревне графства Бэкингемшир, полный надежд, даже выпустил прокламацию, призывавшую французов поддержать союзников, и подписался как «король Франции». Его аргумент был прост: «монархия – это мир»:

«Французы, не ждите от своего короля никаких упреков, никаких жалоб, никаких воспоминаний о прошлом. Он не хочет испытывать к вам иных чувств, кроме как мир, великодушие и прощение. (...) Все французы имеют право на почести и достоинство; король может править лишь совместно с нацией и ее представителями. (...) Примите великодушных союзников по-дружески, откройте им ворота ваших городов, избежите тех ударов, которые вы навлекете на себя преступным и бесполезным сопротивлением, и да будет их вшествие во Францию принято с радостью»³⁶.

В этом критическом положении Наполеону приходилось действовать сразу на нескольких фронтах.

Чтобы справиться с самыми насущными военными задачами, было предпринято множество действий: Национальная гвардия получила приказ защищать крепости и охранять прибрежные города от возможной высадки английских войск³⁷, были призваны в армию мужчины старше 40 лет, а также женатые и кормильцы семей, а подготовка и снаряжение молодых рекрутов ускорились. Чтобы справиться с нехваткой оружия, «император увеличил мобилизацию, удвоил налоги, отдал свою личную казну разным военным учреждениям, ускорил производство оружия, укрепление крепостей, выплавку снарядов»³⁸.

Наряду с этим Наполеон пытался ответить и на пропаганду союзников. Газета «Le Journal de l'Empire» очень рано и регулярно стала информировать о насилиях и страшных бесчинствах казаков и «немецкой солдатни». В выпуске от 8 января сообщалось, что Кольмар стал жертвой грабежей и пожаров; 20 января было опубликовано письмо частного лица, датированное 16-м числом, рассказывающее

о страшном бедствии, постигшем Шалон-сюр-Марн (в наше время Шалон-ан-Шампань). Выпуск от 31 января описывал насилия, жертвой которых тремя днями раньше стало население Сен-Дизье. А 19 февраля 1814 года газета рассказывала об изнасилованиях казачками 60-летних женщин и 12-летних девочек, а также об истреблении жителей небольшого городка Вошан. Можно привести и много других примеров – подобные публикации не прекращались вплоть до падения империи, когда газета была закрыта. Их цель заключалась в том, чтобы показать на конкретных примерах, что, несмотря на пропагандистские заявления в пацифистском духе, союзники ведут себя жестоко, и побудить население к сопротивлению и национальному восстанию. Призывы к вооруженной борьбе, висевшие в мэриях и префектурах, регулярно транслировались и в официальной прессе. Характерно заявление «Le Journal de l'Empire» от 18 января: «Пусть же все французы объединятся, пусть они прибегнут к оружию по зову главы государства. Забыть о своем долге в годину бедствий всегда было бесчестьем, а сегодня это преступление». Номер от 26 января, стремившийся воспламенить общественное мнение, дошел до того, что привел речь Карла Мартелла, произнесенную накануне битвы при Пуатье, в которой тот сражался с «варварами».

Но, несмотря на все эти призывы, в январе ничто не помешало наступлению войск коалиции.

Стремительное наступление союзников

Между 21 декабря 1813 года и 2 января 1814 года Богемская и Силезская армии форсировали Рейн двенадцатью-пятнадцатью колоннами, растянувшимися от Кобленца до Базеля, подавляя «небольшие французские корпуса, отступавшие перед огромными союзными армиями»³⁹, проникая в Эльзас, в Лотарингию, во Франш-Конте. Вторжение, впечатлившее своим масштабом всех французов – как военных, так и штатских, – обернулось в первые четыре недели медленным, но неуклонным наступлением вражеских армий. Как войска Виктора, защищавшие Вогезы, так и войска Мармона, сторожившие Саар, отступали под натиском Силезской армии, в то время, как Богемская армия без особого труда двигалась из Бельфора на Везуль, а затем на Лангр.

3 января Богемская армия была в Монбельяре, а спустя шесть дней заняла Безансон. 14 января Силезская армия взяла Нанси, после того, как Ней покинул город без боя. «Враг вступил на землю Вогезов, как на порог гостиной, с уверенностью, что не встретит на своем пути ни одного препятствия», – сообщал сенатор и чрезвычай-

ный комиссар Кольшан министру Монталиве⁴⁰. 16 января союзники прибыли в Лангр. Тремя днями позже в руках союзников были уже не только Безансон, Мец и Нанси, но и Эпиналь, Шомон и Дижон. 25 января вся территория к востоку от линии Шарлевиль-Мезьер-Сен-Дизье-Шомон-Лангр-Дижон была занята войсками коалиции, а французы отступали к Шалону-сюр-Марн. «У Франции больше нет энергии»⁴¹, – сетовал в начале февраля Коленкур, полный горечи свидетель этого краха.

Русские бойцы тоже подчеркивали ту легкость, с которой они вошли на территорию Франции:

«Мы заняли в три недели без боя значную часть Франции, неприятельские войска при приближении нашем повсюду отступали, и города, коих жителей префекты возбуждали пышными воззваниями к обороне, отворяли перед нами ворота свои»⁴².

А поэт Константин Батюшков подчеркивал не только миролюбивое отношение жителей по отношению к русским войскам, но и их недооценку «северных варваров». В конце января, находясь в деревне Фонтен в десятке километров к востоку от Бельфора, он писал своему другу Николаю Гнедичу:

«Они думали, по невежеству – разумеется, что русские их будут жечь, грабить, резать, а русские, напротив того, соблюдают строгий порядок и обращаются с ними ласково и дружелюбно. За то и они угощают нас, как можно лучше. Мой хозяин, жена его, дети потчевают вином, салатом, яблоками и часто говорят, трепля по плечу: “Вы хорошие люди, господа!” Хозяйка, старуха лет шестидесяти, спрашивала меня в день моего прибытия: “Сударь, а русские – они тоже христиане, как и мы?”»⁴³

Хотя наступление союзников оказалось легким, оно не было быстрым: на расстояние от Базеля до Лангра, то есть примерно 220 километров, армия Шварценберга потратила почти три недели, в среднем продвигаясь на 10–11 км в день. Эта медлительность была обусловлена климатическими причинами. Адьютант Александра I Александр Михайловский-Данилевский рассказывал в своих мемуарах: «Первого генваря мы перешли парадом Рейн в Базеле (...) Погода нам не благоприятствовала: шел дождь, смешанный со снегом, и дул пронзительный ветер. (...) Дожди, снег, оттепели и морозы, соделывая переходы затруднительными, не останавливали однакоже следования войск»⁴⁴.

Кроме непредвиденных трудностей с климатом, эта относительная медлительность объясняется еще и расчетами Шварценберга. В первую очередь эти расчеты были военными: опасаясь всеобщего восстания и желая уберечь свои войска, главнокомандующий коалиционными войсками выступал за осторожное продвижение вперед с обезвреживанием оккупированной территории. Но были у него и

политические мотивы, подсказанные Меттернихом и императором Францем: австрийцы все еще надеялись договориться с Наполеоном, что он передаст власть Марии-Луизе, чтобы она правила от лица юного короля Рима, и не желали торопить события. Напротив, пруссаки и русские, полагавшие, что начать следует с военных действий, желали быстрого марша на Париж. Пруссак считали, что пришло время для мести. 9 января 1814 года граф Август Нейдхардт фон Гнейзенау, начальник штаба Блюхера, написал Штейну, что «если Силезская армия войдет в Париж первой, я немедленно прикажу взорвать Аустерлицкий и Йенский мосты, а также Вандомскую колонну»⁴⁵.

Несмотря на непогоду, в первые недели кампании, когда армия довольно легко продвигалась вперед, очень многие русские офицеры были в приподнятом настроении, а некоторые были взволнованы. Для многих из них, питомцев Просвещения, пересекать Францию означало вновь встретиться с чем-то давно знакомым, а то и с частью себя самих и собственной истории. Некоторые в ходе «Большого тура по Европе», который в целях полноценного интеллектуального развития должен был совершить каждый хорошо образованный молодой аристократ⁴⁶, уже побывали во Франции. Другие, никогда здесь не бывавшие, были всей душой привязаны к Франции. Удивительное свидетельство Александра Михайловского-Данилевского хорошо показывает, сколь амбивалентные чувства, вплоть до шизофрении, испытывали русские элиты, вовлеченные во французскую кампанию. Александр I счел необходимым остановиться вместе со своими войсками в Монбельяре, городе, где его мать, императрица Мария Федоровна, урожденная София-Доротея Вюртембергская, провела свое детство. Пока царь гулял по городу и присутствовал на приеме у мэра⁴⁷, его адъютант воспользовался свободной минуткой, чтобы навестить одного из своих старых французских учителей и выразить ему свое почтение:

«На третьем ночлеге, назначенном в Монбелиаре, меня ожидала большая радость, потому что в этом городке поселился некто г. Морель, у которого, находясь в Петровском училище⁴⁸, я несколько лет жил в пансионе. Он первый научил меня рассуждать, дал мне понятия о высшем существе, о добродетели, о пороке, о правительстве и развил дремавшие до того умственные способности мои. Образовавшись в школе новейших философов, живши в то время, когда процветали Вольтер и Рейналь, Руссо и Даламбер, он был их ревностным почитателем. (...) Что касается до меня, то я последовал правилам, внушенным мне Морелем как человеком, который первый говорил мне о началах, на коих основывается нравственное и политическое бытие наше, и если я не превосходил, то по крайней мере никогда не уступал на стезе долга и чести тем, которые воспитаны в противных со мною правилах. Можно легко посудить, с каким восторгом я обнял моего почтенного Мореля и семейство его; в доме

его была назначена мне квартира, и вечер, или лучше сказать ночь, проведенная нами в воспоминаниях и разговорах о тысяче разных предметов, будет для меня незабвенна»⁴⁹.

Несмотря на ледяной холод, союзников не покидал оптимизм. 26 января, находясь в Лангре, всего в 270 километрах от Парижа, рядом с царем и Шварценбергом, Нессельроде написал своей супруге нежное письмо, в котором дипломатические соображения переплетаются с кулинарными:

«Вот мы и в сердце Франции, мой добрый друг, и мерзнем больше, чем в Петербурге или Твери. Случилось то, что зима возобновилась с новой силой, и наша слава слегка простыла. (...) Но все это можно перенести, когда думаешь о счастливом и спокойном будущем, которое нам готовят нынешние наши лишения.

Граф фон Витгенштейн только что осуществил соединение с большой армией. Я не могу тебе сказать, что будет дальше, но я предполагаю, что мы будем наступать. (...) Этим утром я имел счастье вновь увидеться с Лагарпом, который прибыл прямо из Парижа. Народ здесь весьма равнодушен и убог. Если его не мучить, он оставит нас в покое. (...) Мы едим вволю трюфелей, но вино довольно плохое. (...) Наши аванпосты находятся за Бар-сюр-Об, а Платов наступает в направлении Парижа. А я хотел бы наступать в направлении твоего сердца. Прощай, милый мой друг, нежно тебя целую»⁵⁰.

Что касается Александра I, то тремя днями позже, готовясь покинуть Лангр и направиться в Шомон, он написал своей сестре Екатерине, рассказывая о своем глубочайшем удовлетворении и изъясняясь куда менее буднично, чем его государственный секретарь:

«Тысячу рад благодарю тебя, милый друг. (...) Вот мы и на полпути между Базелем и Парижем, прямо посреди этой столь грозной Франции: а Франция не только не угрожает, но и принимает нас с распростертыми объятиями и считает друзьями.

Надежда и абсолютная вера в Бога, и Он решит все»⁵¹.

Вера в Провидение дарила царю оптимизм; полный спокойствия в окружении своих людей, он, казалось, был абсолютно уверен в грядущем успехе.

«Он и в сем походе был столь же весел, столь же любезен, как и в предыдущем, и таковым, как я после редко видал его в путешествиях и в дворцах его. Приучив себя с молодых лет переносить непостоянство стихий, он всегда был верхом в одном мундире, лучше всех одет; казалось, что он был не на войне, но поспешал на какой-нибудь веселый праздник»⁵², – напишет Михайловский-Данилевский.

Тем не менее по мере своего продвижения русские офицеры испытывали все более смешанные чувства.

Некоторые превратили свое «посещение» Франции в самое настоящее интеллектуальное и литературное паломничество. В начале февраля, когда русские войска оккупировали департамент Верхняя Марна, поэт Батюшков отправился в замок Сире, где Вольтер неоднократно останавливался у своей возлюбленной мадам дю Шатле. Его пригласили туда два близких друга: барон Роже де Дамас и Александр Писарев, получившие ордера на расквартирование в замке. Трое друзей ужинали «в столовой, украшенной знаменами русских гренадеров»⁵³, и в знак почтения к философу и его подруге вместе декламировали стихи из «Альзиры», трагедии Вольтера, написанной именно в замке Сире...

Другие, более многочисленные, были разочарованы, поскольку образ родины Просвещения, представлявшийся им в самых пышных красках, не сочетался с реальностью, которую они обнаружили. Конечно, Глинка хвалил качество французских дорог:

«Чудесные дороги! Проезжаем несколько станций, не спускаясь, не возвышаясь, все по ровной глади, как по натянутому холсту; ничто не остановит повозки, нигде не получишь толчка. Дорога чиста, как ток: на ней, как говорится, ни сучка ни задоринки. Я в первый раз отроду по такой прекрасной еде»⁵⁴.

Но многие обращали внимание на убогость домов, на множество оборванцев и нищих, которых они встречали на своем пути, и даже, как это ни удивительно для французской национальной гордости, жаловались... на плохое качество хлеба!

«Несмотря на слова французов, приезжающих в Россию, несмотря на их кажущееся отвращение к черному хлебу русских крестьян, мы нигде во Франции не могли найти белого хлеба, даже в самых больших городах, как Труа, Лангр... Нам потребовались бесконечные усилия, чтобы добыть несколько хлебов, и то они оказались совершенно кислыми. А в Лангре вообще был всего один булочник, выпекавший белый хлеб», – жаловался А. Чертков»⁵⁵.

Со своей стороны, Наполеон, до той поры остававшийся в Париже, руководивший военными операциями и логистикой издалека, забеспокоился о том, как развивается ситуация. Через месяц после начала вторжения он решил сам возглавить свои войска. 23 января, в снегопад, он принял в дворце Тюильри представителей Национальной гвардии, чтобы сообщить им свое решение. В этот торжественный момент, как вспоминала первая фрейлина императрицы, он не сдержал душивших его бурных чувств:

«23-го числа того же месяца, в воскресенье, офицеры парижской Национальной гвардии получили приказ прибыть в Тюильри, в Маршалский зал. Этот салон квадратной формы и очень обширный; он занимает первый этаж Часового павильона. Офицеры не знали причин этого созы-

ва; их было 700-800 и все они были в мундирах. Их выстроили по кругу, по всему салону. В полдень прибыл Наполеон. (...)

Через десять минут вошла Мария-Луиза, в сопровождении мадам де Монтескью, державшей на руках римского короля. Когда она подошла к императору, он громко сказал национальным гвардейцам, в кругу которых стоял: “Господа, часть территории Франции занята врагами; я встану во главе своей армии и, с Божьей помощью и опираясь на храбрость моих солдат, я надеюсь изгнать врага из наших пределов”.

Затем, одной рукой обняв императрицу, а другой – римского короля, он добавил взволнованно: “Если же случится так, что неприятель приблизится к столице, я доверяю Национальной гвардии императрицу и римского короля... мою жену и моего сына!”⁵⁶.

На следующий день Наполеон официально передал регентскую власть Марии-Луизе. Ее помощником по гражданской части стал архиканцлер Камбасерес, а по военной – Жозеф, генеральный наместник империи. Этот выбор может показаться странным, поскольку Жозеф никогда не блистал организаторскими талантами и политическим чутьем, но в минуту опасности император, по всей видимости, предпочитал всем прочим соображениям семейную верность и солидарность. 25 января в три часа ночи⁵⁷ Наполеон покинул Тюильри – свою семью он видел в последний раз – и на следующий день, 26 января, расположился со штабом в Шалоне-сюр-Марн, где тем временем собрались все войска, кроме корпуса маршала Макдональда, который, отправившись из Кёльна, еще не прибыл. В тот же день он выступил к Витриле-Франсуа, где встретился с маршалами Неем и Виктором. Всего за несколько часов император все взял под контроль.

Правое крыло его армии, под командованием маршала Мортье, находилось около Труа. Центр, под началом Мармона и Виктора, располагался в Витри-ле-Франсуа. Левое крыло, которое предстояло возглавить Макдональду, находилось в Мезьере. Наконец, резерв, состоявший из гвардии и поставленный под командование маршалов Нея и Никола-Шарля Удино, растянулся от Шалона до Витри.

Общая численность снаряженных и боеспособных солдат не превосходила 70 тысяч человек. Но император, встреченный войсками с энтузиазмом, решил перейти в наступление: он желал любой ценой перерезать дорогу войскам Блюхера до того, как они смогут соединиться с армией Шварценберга, наступавшей с юго-востока. Поэтому 27 января в Сен-Дизье он с 40-тысячным войском атаковал арьергард Блюхера, состоявший из двух тысяч всадников генерала Ланского. Потерпев поражение, они были вынуждены отступить к Жуанвиллю, а оттуда к Шомону. Впрочем, успех Наполеона был относительным, поскольку, как он не замедлил узнать, войдя в Сен-Дизье, он столкнулся лишь с небольшой частью Силезской армии:

«Маршал Блюхер и корпус генерала Сакена провели предыдущие дни у Бриена, и должны быть в той стороне и сейчас, двигаясь на Труа, чтобы помочь австрийцам. Корпус генерала Ланского, с которым мы только что сражались, шел за корпусом Сакена; наконец, войска генерала Йорка, на какое-то время оставшиеся позади для сдерживания гарнизона Меца, ожидают в Сен-Дизье после войск генерала Ланского»⁵⁸.

Вместо генерального сражения Блюхер предпочел отступить в Бриен, собрав подкрепления, постепенно прибывавшие из Майнца, и соединиться с Богемской армией, находившейся в это время в окрестностях Бар-сюр-Об. Таким образом, первый маневр Наполеона не оправдал возлагавшихся на него надежд. Желая любой ценой помешать соединению войск Блюхера и Шварценберга, Наполеон решил вернуться к Труа. Через два дня, 29 января, желая воспользоваться тем, что Блюхер открыл свой правый фланг, он направился к Бриену. Он хорошо знал этот город – именно в Бриенский военный коллеж он поступил в десятилетнем возрасте⁵⁹. Блюхер и его штаб заняли замок в верхней части города, а генерал Олсуфьев и его русские подразделения находились в нижней части. Наполеон намеревался застать вражескую армию врасплох; увы, русская кавалерия взяла в плен офицера французского штаба с депешами, адресованными маршалу Мортье, которые раскрывали планы императора, и у Блюхера было время подготовиться к обороне. Он приказал находившемуся поблизости генерал-майору графу Палену задержать наступление французов; вместе с тем он вызвал в помощь Олсуфьеву русские корпуса Остен-Сакена и князя Алексея Щербатова, составлявшие в сумме 30 тысяч человек.

Начавшаяся в два часа дня атака на Бриен сначала шла удачно для французов, но союзники сопротивлялись, и началась жесточайшая схватка, которая с переменным успехом продолжалась допоздна. Обе стороны понесли тяжелые потери (по 3000 убитых и раненых с каждой стороны), а от артиллерийского обстрела загорелся город и сильно пострадал замок. Утром 30 января Наполеон с победой вошел в Бриен. Но ночью Блюхер приказал отступить на юг, в направлении Бар-сюр-Об. Таким образом, эта победа оказалась безрезультатной. Она не помешала вражеским армиям объединиться: Шварценберг и Блюхер встретились в Баре, а Йорк расположился в Сен-Дизье.

Продолжая преследовать Блюхера, Наполеон, еще не знавший, что вражеские армии соединились, расположил свой генеральный штаб в деревне Ла-Ротьер к югу от Бриена, чтобы начать новое наступление, но 100-тысячной союзной армии Блюхера и Шварценберга он смог противопоставить всего 40 тысяч солдат. Битва, развернувшаяся 1 февраля в снежную бурю, была героической и ожесточенной. В течение десяти часов четыре солдата сражались против десяти. Не-

смотря на храбрость французов, битва закончилась для них неудачей. Хотя потери коалиции при Ла-Ротьер превосходили наполеоновские (союзники потеряли убитыми и ранеными восемь тысяч человек, французы – четыре тысячи человек, а в плен попало две тысяч французов⁶⁰), французы, столкнувшись с превосходством союзной кавалерии, были вынуждены отступить. Наполеон и основная часть его армии форсировали Об в направлении Труа, прибыв в город 3 февраля, а Мармон направился в Роне-Л'Опиталь.

Битва при Ла-Ротьер, обернувшаяся отступлением наполеоновской армии на ее собственной территории, вызвала бурный прилив оптимизма у союзников, которым уже казалось, что победа совсем рядом. Русские офицеры начали назначать «встречи в Париже, в Пале-Рояле, в следующее воскресенье»⁶¹; еще более откровенный Блюхер заявил своему окружению, что не позднее 20 февраля будет ужинать вместе с ними «в компании мамзелей»⁶² в Пале-Рояле; царь, рассуждавший более добродетельно, сказал генералу Ренье, освобожденному в результате обмена пленными: «Блюхер будет в Париже раньше, чем Вы»⁶³.

Во Франции поражение вызвало панические настроения, охватившие и самую верхушку. Мария-Луиза, до крайности обеспокоенная, приказала молиться о сохранении Парижа, вызвав тем самым гнев Наполеона. В письме к Камбасересу император негодовал: «Зачем так терять голову? Зачем эти *Miserere* и сорокачасовые молитвы в часовне? В Париже что, с ума сошли?»⁶⁴ А в другом письме, адресованном Жозефу, он приказал: «Прекратите эти сорокачасовые молитвы, эти *Miserere*; от подобного обезьянничанья мы все начнем бояться смерти. Уже давно сказано, что священники и врачи делают смерть болезненной»⁶⁵. На следующий день после победы при Ла-Ротьер союзники вновь заняли Бриен, город и замок, чтобы посоветоваться и решить, какую стратегию избрать. Но никто не знал, где Блюхер. Среди тех, кто искал его в полуразрушенном замке, был Михайловский-Данилевский. Он оставил живописное и захватывающее описание замка и ситуации в целом:

«Бриенский замок... предан был на разграбление. Открыли заваленный погреб, в котором лежало несколько тысяч бутылок вина и множество ящиков шампанского. Это обстоятельство, разгорячившее еще больше победителей, послужило к довершению гибели злополучного замка. Между прочим мы нашли отборнейшую библиотеку и кабинет почти естественной истории, на потолке которого повешен был крокодил. Кому-то пришла странная мысль перерубить веревки, на которых он был прикреплен, и огромный африканский зверь с ужасным треском обрушился на шкафы и комоды, в которых за стеклом сохранялись раковины, ископаемые и разные животные. Хохот, сопровождавший сие падение,

сокрушившее собою собрание редкостей, требовавшее многих лет и больших издержек, был истинно каннибальский, но явления сего рода неразлучны с войной. Так как было очень холодно, то начали топить камины книгами и даже рукописями из прекрасной Бриенской библиотеки, а я, видя ее разрушение, не сочел грехом взять почти из пламени два сочинения: одно – “Dictionnaire d’histoire universelle”, а другое – “Dictionnaire d’histoire naturelle”, и выходя, чтобы отдать их находившемуся при мне казаку, я встретил в длинной галерее замка фельдмаршала Блюхера, который был так пьян, что едва мог ходить»⁶⁶.

Отыскавшийся Блюхер протрезвел и смог принять участие в военном совете 2 февраля, на котором принимались судьбоносные решения. В частности, было решено, что поскольку две армии, находящиеся в одном месте, прокормить сложно – снабжение становилось все более затруднительным и, несмотря на насильственные реквизиции, еды солдатам начинало недоставать – они вновь разделятся и будут наступать на Париж по двум разным дорогам, согласно первоначальному плану. Богемская армия должна была достигнуть Труа, а затем двигаться по обоим берегам Сены, а Силезская, получив в окрестностях Шалона прибывшие с берегов Рейна подкрепления – корпуса Йорка, Клейста и Капцевича, – должна была следовать вдоль Марны⁶⁷. Теперь союзники были убеждены, что кампания скоро закончится. 7 февраля Александр I и Блюхер начали обсуждать, как будет организовано размещение войск в Париже⁶⁸.

Этот оптимизм представлял собой разительный контраст с глубокой тревогой и апатией, в которую погрузилось французское общество после начала вторжения.

Некоторые города, например, Доль или Шалон, попытались сопротивляться захватчикам, но другие, более многочисленные, сдались без боя или почти без боя: такое решение приняли Эпиналь, Макон, Реймс, Нанси, Шомон, Лангр и Дижон. Казалось, что французское общество, впечатленное быстротой вторжения, потрясенное поражениями французской армии, не способно как-либо отреагировать и тем более начать защищаться, тем более что во многих городах муниципальные власти вместо того, чтобы служить примером, сами бежали перед наступлением врага. Коленкур, ездивший по провинции, был свидетелем этой всеобщей сдачи позиций и привел несколько примеров императору:

«Я встретил здесь префекта Эпиналя и заместителей префектов Сен-Дье и Ремиремона. Заместитель префекта Сен-Дье бежал задолго до того, как неприятель вступил на территорию его округа. Эти трое взяли с собой жандармерию, тем самым уничтожив все средства поднять жителей на оборону; их прибытие в Нанси ночью во главе жандармерии вызвало всеобщую тревогу; многие спасаются бегством»⁶⁹.

Восточная Франция пребывала в смятении. Ей казалось, что Париж бросил ее на произвол судьбы.

Уже с середины января обмен новостями между столицей и территорией, занятой войсками союзников, был затруднен. В своем письме другу-фармацевту, жившему в пиренейском городе Сен-Жирона, школьный учитель из Шомона по имени Пьер Дарденн жаловался, что Шомон полностью отрезан от столицы, «поскольку почта уже не отваживается идти в захваченные области», и сетовал на «бездействие и молчание властей»⁷⁰, усугублявшее беспокойство жителей города и ощущение изоляции.

Кроме того, с самого начала кампании местное население подверглось ряду насилий и бесчинств, в первую очередь со стороны русских и прусских солдат. Дарденн писал 5 февраля:

«В соседней деревне бесчинства были столь невыносимы, что крестьяне, доведенные до отчаяния, решили покинуть ее и искать убежища в обширном лесу, с женами, детьми, небольшим количеством скота и немногими припасами, которые они сумели уберечь от хищной солдатни. Они провели в лесу не один день, и мороз стал таким жестоким, что некоторые оказались на грани смерти. Тогда они были принуждены вернуться в свои дома; но на полпути были полностью ограблены отрядом разнузданных казаков, которые сопровождали ограбление самым недостойным обращением. (...) В другой деревне русский убил пинком ноги беременную женщину, а ее муж, желавший защитить ее, был жестоко избит и тяжело ранен!!»⁷¹

Узнав о дурном поведении казачьих подразделений, Александр I написал атаману Матвею Платову, твердо осудив подобные действия и «посетовав, что даже некоторые генералы и полковники грабят французские дома и фермы»⁷². С точки зрения царя такое поведение было не только неприемлемым с моральной точки зрения, но и опасным, поскольку могло спровоцировать общее восстание. Послание царя почти не возымело действия: как казаки Платова, так и нерегулярные казаки, хорошо известные грабежами и хищничеством, продолжали свои злодеяния.

29 января Александр и прусский король вошли в Шомон. Царя сопровождал брат, великий князь Константин, а прусского короля – старший сын. Все четверо остановились у частных лиц, в отличие от австрийского императора, который, прибыв в город 3 февраля, остановился со своим сыном Фердинандом-Карлом в префектуре. Рассказ Дарденна об этом дне свидетельствует о силе его патриотических чувств и его враждебности по отношению к «северным варварам». Вместе с тем через него просвечивает чувство абсолютного бессилия:

«Разнообразие лиц, одежды, видов оружия, языков, дружное собрание стольких разных народов, присутствие могущественных монархов -

все это меня не обрадовало. (...) Вот они, говорил я себе, наблюдая за тем, как мимо меня проходили эти северные орды, вот они, завоеватели Франции! Вот эти грубые, свирепые люди, еще недавно неизвестные в Европе, которые, подобно бешеному потоку, заполняют нашу страну; вот они, привлеченные плодородием и богатствами наших прекрасных провинций, нашей славой умных и отважных людей, пришли, увлеченные тайной завистью и жадной богатой добычи. Они пришли разорить нашу страну, завладеть нашими городами и покарать нас за двадцать лет храбрости и побед!!! Мне казалось, что Север вытошнил на нашу землю своих кимвров, готов, норманнов, некогда сделавших нашей земле столько зла; мне казалось, я вижу гуннов с их Атиллой, вестготов с их Аларихом, вандалов с их Гензерихом, разоривших Римскую империю и поставивших ее на грань гибели. Таким же образом будет разорена и разрушена Французская империя.

Вы получите представление о горе, царящем в этом городе, мой дорогой В., когда Вы узнаете, что столь необычайное происшествие не привлекло и двадцати зевак»⁷³.

Тремя днями позднее Дарденн вновь рассказывал о вступлении монархов в город, подробно описывая масштаб потрясений, произошедших в привычном ему мире всего за несколько дней:

«Император Александр, кажется, весьма религиозный государь; по его приказу вчера служили мессу по греческому обряду в частном доме. Я увидел его, когда он выходил после этой церемонии: он шел пешком и был одет в мундир полковника своей гвардии. Это довольно красивый мужчина, которого здесь рады были бы видеть, если бы он не привел с собой эту тьму казаков, все разоряющих на своем пути, и если бы другие его войска были более дисциплинированы; но *naturam furca expellas*⁷⁴.

Я не могу, мой дорогой друг, привыкнуть к мысли, что я живу между двумя столь могущественными государями, повелителями Петербурга и Берлина; мне кажется, что это сон. Коллеж находится ровнехонько между дворами России и Пруссии; здесь постоянно теснятся слуги, солдаты, лошади, повозки. Классы превратились в караульные помещения и конюшни, церковь в склад сена, гимнастический зал в сапожную мастерскую, столовая в амбар, полный пшеницы и овса, а библиотека – в госпиталь.

У меня продолжают готовить кушанья для (...) тех, кто снабжает едой монархов, русского и прусского, и их двор. Они едят мой хлеб, пьют мое вино и мою водку, а мы питаемся скромно, чтобы их насытить... Когда же закончатся все эти унижения?»⁷⁵

Военные неудачи, накопившиеся трудности, недостаточная поддержка населения – все вызывало сомнения у французов; и даже в окружении Наполеона некоторые говорили, что предпочитают возобновить переговоры, на что, в конечном счете, согласился и император. Но если с его точки зрения речь шла прежде всего о том, чтобы выиграть время, чтобы укрепить и усилить свои войска, то другие

думали иначе. К примеру, Коленкур, его министр иностранных дел с ноября 1813 года, действительно стремился заключить мир, чтобы, если это еще возможно, спасти режим. Он не один так думал: в начале 1814 года, как впоследствии напишет Сегюр, «оставалась последняя надежда, на Коленкура»⁷⁶.

Новый мирный конгресс?

Итак, в январе вновь возобновились контакты между французами и союзниками. Некоторые из союзников были склонны к настоящим переговорам с императором французов. Австрийцы – в случае урегулирования вопроса о границах Франции – не стали бы стремиться любой ценой свергнуть Наполеона. Англичане, хотя и желали возвращения Бурбонов, вместе с тем стремились как можно быстрее покончить с войной, которая дорого им обходилась. А вот пруссаки хотели драться: им казалось, что первые победы в январе предвещают такие же победы в ближайшем будущем, и нельзя замедлять ход, сражаясь против императора французов. Александр I придерживался еще более радикальных взглядов: он считал, что с Наполеоном не может быть примирения, надо продолжать бой и немедленно идти на Париж. Хотя эта позиция соответствовала заявлениям царя и всему его поведению с самого начала германской кампании, она раздражала союзников. Об этом свидетельствует, в частности, депеша Каслри премьер-министру лорду Ливерпулю от 30 января 1814 года – он не видел в упрямстве царя ничего, кроме его личного каприза:

«В отношении к Парижу его личные взгляды не сходятся ни с политическими, ни с военными соображениями. Русский император, кажется, только ищет случая вступить во главе своей блестящей армии в Париж, по всей вероятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушное опустошению собственной столицы»⁷⁷.

Но Каслри был несправедлив к царю: хотя личные мотивы и играли роль в его упрямом желании вступить в Париж, желание покончить с властью Наполеона объяснялось вопросами безопасности и геополитики, и прежде всего вопросом границ Франции.

С ноября 1813 года предполагаемые границы Франции заметно изменились. В середине ноября, как мы видели, официальные франкфуртские предложения говорили о возвращении Франции в естественные границы; но под соединенным влиянием Англии и России союзники быстро заняли более жесткие позиции. 1 декабря прозвучала Франкфуртская декларация, обещавшая французскому народу «границы Французского государства, каковых оно никогда под правлением королей своих не имело». Какими будут точные очертания

этих границ, оставалось неясным. Идет ли речь о границах 1792 года? О границах 1791 года? Это было непонятно. Русские дипломаты чувствовали необходимость избавиться от каких-либо двусмысленностей, о чем 13 января 1814 года Нессельроде написал Александру I:

«В вопросе о границах Франции [державам] пришлось бы примирить необходимость лишить ее достаточного количества земель, чтобы независимость и безопасность других государств уже не была под угрозой, с заявленным принципом закрепить за ней такие обширные земли, каких она никогда не имела при своих королях. Альпы, Пиренеи и Рейн были предложены как основа, *не как абсолютная основа, но как крайнее условие, крайние границы, отмечающие максимальную возможную протяженность французских земель*. Вопрос о границах, которые установят для Франции общие интересы Европы, не должен быть предрешен этим предложением. Поскольку с тех пор, как оно было принято, продвижение наших войск было столь быстрым, будет невозможным не настаивать, по крайней мере в отношении Рейна, на самой благоприятной для союзников интерпретации этого предложения»⁷⁸.

Нессельроде в письме к царю выступал за расширение территории Голландии и за отказ Франции от части левого берега Рейна. Выдвигая подобные предложения, государственный секретарь еще надеялся, что наступление сил коалиции вынудит Наполеона к переговорам, и война закончится без необходимости идти на Париж. Таким образом, по этому вопросу государственный секретарь не разделял позиций своего государя. Об этом свидетельствует и его письмо жене от 4 (16) января:

«Император отправляется сегодня на Делль [ошибка Нессельроде], Монбельяр, Везуль. Завтра я последую за ним. Я не знаю, как далеко мы будем наступать. *Есть люди, которые хотели бы продвинуться до самого Парижа*⁷⁹; я же не хочу продвинуться нигде, кроме как в мирных переговорах. Я считаю, что мир более необходим, чем когда-либо, и пришел тот час, когда мы можем заключить добрый, надежный и славный мир; кроме того, я считаю любое наше действие, любое наше предприятие в высшей степени опасным. Вот мое кредо. Я его уже подавал в письменном виде, но оно не имело счастья нравиться»⁸⁰.

Как мы видим, предложения Нессельроде расходились с намерениями царя, который в середине января твердо решил, что говорить отныне будут только пушки. Но Александр вскоре оказался в изоляции. В Лангре прошел военный совет, в котором приняли участие Меттерних, Штадион, Гарденберг, Нессельроде, Разумовский, Поццо ди Борго и Каслри. Меттерних, не сумев добиться прекращения военных действий, заявил, что не согласен на какое-либо продвижение австрийских войск вперед, пока не начнутся переговоры. Каслри поддержал эту точку зрения; хотя он и заявлял, что выступает за продолжение военных действий, он предостерег союзников от непредсказуе-

мых опасностей, которые таит в себе ввод войск в Париж. 29 января на совете был подписан протокол, который предлагал Франции возврат к дореволюционным границам и вновь подтверждал необходимость совместного выступления на грядущем конгрессе. Желая сохранить единство, Александр I был вынужден согласиться на дипломатические переговоры, от которых он на самом деле ничего не ждал.

В то время как Коленкур ожидал союзников в Шатильоне с 24 января, барон Гумбольдт (от лица Пруссии), граф Штадион (от лица Австрии) и лорд Абердин (от лица Великобритании) прибыли в Шатильон 3 февраля вечером. Утром 4 февраля за ними последовали еще два английских представителя: генерал Чарльз Стюарт и лорд Кэткорт. Граф Разумовский, посланник Александра I, приехал последним, во второй половине дня 4 февраля – тем самым Россия лишний раз продемонстрировала свое отношение к этим переговорам.

Вскоре после полудня 5 февраля конгресс начался с чисто формального заседания, и лишь 7 февраля союзники озвучили свои условия. Это уже были не франкфуртские предложения, о которых, как утверждал Разумовский, его даже не проинформировали; к своему ужасу, Коленкур услышал, что союзники требовали попросту возвращения к границам Франции при старом режиме. Наполеон не дал хода этим переговорам. Его молчание оказалось выгодно русским: 9 февраля Разумовский получил от царя через Нессельроде официальный приказ прекратить переговоры⁸¹. Через несколько дней после победы при Ла-Ротьер царь, больше веривший своим войскам, чем своим союзникам, решил отдать все вопросы на суд оружия. Следующие дни оказались решающими.

В ШАМПАНИ

2 февраля в ходе военного совета в Ла-Ротьер коалиционные армии приняли решение¹ начать одновременно марш на Париж по двум разным дорогам. Этот шаг, обусловленный проблемами логистики, был рискованным как с политической, так и с военной точки зрения – и Наполеон смог этим воспользоваться.

Пробуждение Орла

Шварценберг, хотя и согласился с планом, принятым на совете, в действительности в начале февраля он по-прежнему не хотел идти на Париж. Прежде всего по политическим причинам: как и император Франц, он все еще надеялся спасти если не наполеоновский режим, то хотя бы регентство Марии-Луизы, и сейчас, когда начался Шатильонский конгресс, он хотел верить в присущий Меттерниху талант убеждать. Свою роль играли и военные причины: Шварценберг опасался за безопасность своих линий коммуникации, протянувшихся до Базеля и другого берега Рейна, и боялся, что находящийся в Лионе Ожеро вскоре сможет атаковать тыловые базы союзников в Швейцарии. 26 января он писал своей жене, что «любой поход на Париж будет в высшей степени противоречить военной науке»².

В то же самое время Блюхер не просто был настроен идти на Париж, но и желал оказаться там как можно быстрее, что, по мнению царя, было источником политических рисков. Дело в том, что несдержанность Блюхера, желание пруссака прибыть в Париж первым, чтобы, возможно, предаться там мести, которой требовали его войска, плохо сочетались с планами Александра I, твердо настроенного проявлять к французам благосклонность; к тому же подобные действия в перспективе могли осложнить задачу союзников. Это стало причиной совершенно недвусмысленного предписания, которое царь адресовал Блюхеру в тот же самый день 26 января:

«Считаю, что должен Вас предупредить, господин маршал, что мы с Его Величеством королем Пруссии рассудили, что будет полезным, когда

союзные армии подойдут к Парижу, разместить их в окрестностях города, а не в самом городе. *Я даже хотел бы избежать прохода каких-либо войск по Парижу вплоть до нашего с королем прибытия, а также желал бы, чтобы первыми в столицу вошли именно сопровождающие нас войска, в нашей свите»*³.

Разделение двух армий, опасное с политической точки зрения, было не менее рискованным и в военном отношении.

На следующий день после военного совета в Ла-Ротьер войска Блюхера двинулись в путь. Они шли на Париж через Шалон, вынудив 7 тысяч солдат Макдональда отойти к Эперне, а затем к Шато-Тьерри. Чтобы поддерживать связь между двумя армиями и охранять разделяющее их пространство (находясь в долинах Сены и Марны, они оказались на расстоянии пятидесяти, а затем и шестидесяти километров), Шварценберг собирался отделить от собственных сил корпус Витгенштейна. Но успешный маневр маршала Мортье в Бар-сюр-Сен сумел остановить продвижение Богемской армии, и ее коммуникации с Силезской армией оказались прерваны. В это же самое время Блюхер отделил от своей армии русские корпуса Остен-Сакена, насчитывавшие 20 тысяч, и шеститысячный корпус генерала Олсуфьева, дав им задание взять Мо. Таким образом, Силезская армия, отрезанная от Богемской, разделилась на отдельные корпуса, расположенные вдоль Марны и находившиеся «более чем в дневном переходе друг от друга»⁴. Слабости этой позиции не ускользнули от Наполеона. 10 февраля в густом тумане солдаты Мармона при поддержке молодой гвардии маршала Нея атаковали корпус Олсуфьева в Пон-Сен-При и оттеснили его к Шампоберу. Олсуфьев, слишком сильно растянувший свой отряд, не смог выдержать удар, и русские потерпели полное поражение: они потеряли 1500 человек, 2000 человек попали в плен, в том числе сам генерал Олсуфьев; бегством смогли спастись всего 1500 человек. Прибыв в Шампобер после битвы, Наполеон решил оставить Мармона с 4500-тысячным отрядом в арьергарде в Этоже, а сам с остальными войсками бросился на Остен-Сакена и Йорка. Он атаковал их на следующий день в Марше-ан-Бри, неподалеку от Монмираля. Хотя у французов было вдвое меньше солдат (16 тысяч против 30 тысяч), благодаря успешной атаке дивизии Фриана и кавалерии Груши, французы одержали верх над войсками Остен-Сакена и Йорка, потерявшими 4500 человек убитыми и ранеными – вдвое больше, чем наполеоновские войска. Союзники были вынуждены отступить к Шато-Тьерри, а на следующий день арьергард Йорка (3000 человек) подвергся новому нападению и снова потерпел неудачу. Через два дня, 14 февраля, Блюхер, находившийся у Вошана, подвергся серьезной атаке Наполеона, выступившего при поддержке корпуса Нея и кирасиров Груши. Прусский фельдмаршал потерял в

битве 6000 солдат, в то время как со стороны Наполеона убитых и раненых было всего 600 человек, и был вынужден отступить к Шалону. Всего за неделю Блюхер «отступил на 120 километров (...)». Ему стало не хватать снаряжения, и все труднее становилось снабжать армию всем необходимым»⁵. Парижские улицы были оклеены бюллетенями, посвященными триумфам французской армии.

В это время Наполеон собирался преследовать Силезскую армию вплоть до Шалона, чтобы окончательно разгромить ее, а затем вернуться к Витри-ле-Франсуа и ударить в арьергард Богемской армии. Но ему пришлось отказаться от этого намерения и заняться более срочными делами, поскольку Богемская армия медленно, но верно приближалась к Парижу.

В середине февраля, оттеснив преграждавшие ей путь войска Удино и Виктора, авангард Шварценберга, направляясь к Фонтенбло, уже занял Провен и Монтеро. Чтобы задержать продвижение войск коалиции, Наполеон направил в помощь Виктору Макдональда; Мортье и Мармон получили задание замедлить наступление Блюхера, а сам император устремился к Монтеро. Он прибыл туда 18 февраля после трех дней форсированных маршей и напал на отряд наследного принца Вюртембергского: атаку кавалерии генерала Пажоля солдаты принца отбить не сумели. Французы завладели городом, а авангард неприятеля вынужден был отступить на юго-восток, в направлении Санса и Труа. 24 февраля Шварценберг вывел войска из Труа, где они находились с конца января, и отошел к Шомону. За десять дней он отступил на 170 километров⁶.

Очевидные успехи Наполеона серьезно поколебали боевой дух союзников. «Казалось, что дарования Наполеона, поставившие его наряду первых полководцев и усыпленные отчасти под императорскою короною, восприяли блеск Итальянских войн его. С малым числом войск в сравнении с нами, он появлялся с удивительною быстротою повсюду, где была возможность одержать поверхность, и останавливал движения многочисленных союзных армий, нападая на слабейшие части их»⁷. Эти победы пробудили совершенно исключительный патриотический порыв: пресса непрестанно восхваляла храбрость французских солдат, а «все [парижские] театры играли актуальные пьесы: “Орифламм” в Опере, “Героинь Бельфора” в Одеоне, “Жанну Ашетт” в Варьете, “Филиппа-Августа” в Амбигю, “Карла Мартелла” в Гейте, “Маршала де Виллара” во Французском цирке и “Байяра в Мезьере” у Фейдо»⁸. К французам до такой степени вернулась уверенность, что Виван Денон даже отчеканил медаль в честь победы при Шампобере, а чтобы произвести на парижан впечатление, по столичным бульварам провели русских пленных в лохмотьях.

Этот патриотический порыв затронул и жителей территорий, занятых армиями неприятеля. Склонные до этого момента скорее к апатии, они пришли в себя и начали сопротивляться, особенно в сельской местности.

Как свидетельствуют местные источники, призыв императора к общему восстанию не сыграл большой роли в этом пробуждении: жители восстали больше в ответ на насилия и бесчинства армий союзников, чем из верности наполеоновскому режиму. Как мы уже видели, в январе Александр I сетовал Платову на неуправляемых казаков; спустя несколько дней он обратился к принцу Вюртембергскому с просьбой следить за поведением его войск, готовящихся войти в Труа. По просьбе царя генерал Барклай де Толли писал Шварценбергу:

«Его Величество император, поручив мне выразить благодарность Вашему Высочеству за проявленное внимание, выразившееся в том, что Вы пожелали сообщить ему о занятии Труа, желает, чтобы Ваше Высочество не располагались сегодня в Труа, но отправили туда наследного принца Вюртембергского со строгим приказом беречь город по мере возможного, поддерживать там наилучшую дисциплину; Его Величеству представляется, что эта мера особенно необходима, поскольку здешние жители утверждают, что вчера город Труа был разграблен французами. Следовательно, наше хорошее поведение по этому случаю может заметно повлиять на настроение нации и дать ей почувствовать, насколько наше обращение с нею отличается в лучшую сторону»⁹.

На протяжении всей кампании Александр I, а также Шварценберг, Блюхер, Барклай де Толли и фон Бюлов не прекращали заступаться за местных жителей¹⁰. Были даны очень строгие приказы, сколько припасов и фуража можно изымать; в обмен на эти изъятия жителям выдавались квитанции, по которым они могли потребовать возмещения у государства, когда будет заключен мир. Наконец, постой солдат в домах французов регулировался ордерами на расквартирование, которые распределялись в каждой военной части. Таким образом, царь и его штаб были до крайности внимательны к интендантским вопросам.

Однако на деле контроль, регламенты и предписания работали не всегда. Александр Михайловский-Данилевский признается в бессилии: «При всей строгой подчиненности, соблюдаемой войсками, за которую Государь надзирал самым бдительным оком, невозможно было предупредить разного рода отягощений для обывателей»¹¹. В числе этих «отягощений» фигурируют прежде всего насильственные реквизиции. А с каждым новым днем кампании ресурсов становилось меньше, цены росли: всего за несколько недель мясо подорожало четырехкратно, а хлеб в семь раз – объем реквизиций стал

невыносимым. 28 февраля в Шомоне школьный учитель Пьер Дарденн писал:

«Наша страна впала в полную нужду, как жить? Невозможно найти ни фуража, ни овса, ни мяса; скоро не останется хлеба – неприятельские лошади съедают то небольшое количество пшеницы, что у нас еще осталось».

4 марта, жалуясь на остановившегося у него прусского офицера, он продолжал:

«Он хочет, чтобы его кормили кофе, сахаром, поили алкогольными напитками; но где все это найти? В нашем городе ничего такого не осталось. Бутылка водки стоит 10–12 франков, апельсин 30 су, бутылка посредственного вина 8–10 франков: все остальное стоит соответственно. Уже не осталось дров; многочисленные красивые деревья с наших бульваров всё рубят, а поскольку сырой лес плохо горит, обитатели военных лагерей продолжают сносить наши жилища».

И снова в тот же день:

«Мы задыхаемся от множества постояльцев. В доме, где я живу, 41 иностранец – офицеры, женщины, слуги и солдаты; и обо всех них заботятся четыре отца семейства. Их необходимо кормить, обогревать и кладнокровно выслушивать их провокации и оскорбления. Я раздосадован, сломлен, уничтожен всеми этими унижениями. Я засыпаю у печи на тоненьком матрасе, а мои бедные дети – на убогом чердаке, поскольку наши кровати и комнаты уступлены господам офицерам. Эта страна потеряна надолго»¹².

В то время как среди местного населения росла озлобленность по отношению к оккупантам, эти последние тоже испытывали все большее разочарование окружающей реальностью. Для многих русских офицеров первый контакт с французскими реалиями был далек от того идеального образа, который они нарисовали себе под воздействием чтения и полученного образования:

«Удивление почти всех наших офицеров, надеявшихся, по внушению своих губернаторов, найти по Франции Эльдorado, было неописанно при виде повсеместных в деревнях и в городах бедности, неопрятности, невежества и уныния»¹³.

Это показывает, до какой степени обе стороны не понимали друг друга.

Кроме того, хотя официально предписанные нормы реквизиций были нормальными, на практике они часто были другими. Вопреки призывам царя к умеренности, некоторые командиры подразделений с радостью пускались в разгул. К примеру, вот какие припасы ежедневно требовал для своего и своих спутников стола генерал-майор Радецкий, возглавлявший штаб Богемской армии:

«Хлеба, тридцать фунтов говядины, барана, пол-теленка, шесть птиц, 40 яиц, мясной пирог, паштет, два фунта рыбы, 50 селедок, 20 банок гор-

чицы и овощи. Кроме того, он требует предметы роскоши – два фунта сахара и столько же кофе, 30 бутылок обычного вина и по 10 бутылок шампанского и бургундского, 3 бутылки хорошего ликера, 30 лимонов и 40 апельсинов, 10 бутылок уксуса и 20 бутылок оливкового масла»¹⁴.

За счет реквизиций добывали не только съестные припасы и фураж, но и солдатское обмундирование и снаряжение, и тоже в огромных количествах:

«В Лангре (...) пришлось в течение двух дней доставить 1000 рубашек, 1000 пар гетр, 500 плащей белого сукна для кавалерии, 500 плащей коричневого сукна для пехоты и 2200 кюлютов, из которых 1000 – небесно-голубого сукна»¹⁵.

Наконец, кроме реквизиций, было немало и прямых грабежей. Некоторые пытались защититься до прихода оккупантов. Так поступила Барба Понсарден-Клико, которая с 1805 года, когда умер ее муж, оставив ее вдовой в 27-летнем возрасте, продолжила его дело и стала во главе дома «шампанских игристых вин». В 1808 году вдова Клико начала экспортировать свои вина в Российскую империю, но ее делам повредили сначала континентальная блокада, а затем эмбарго на французские предметы роскоши, введенное Александром I в 1810 году. Когда 26 января 1814 года ее отец барон Понсарден, мэр Реймса, готовился покинуть город, он убеждал ее последовать его примеру. Она решила остаться на месте, чтобы защищать свои бесценные погреба, о чем написала своей парижской кузине: «Все идет довольно плохо. Вот уже много дней я занята тем, что замуровываю свои погреба, но я опасаясь, что это не помешает мне быть обворованной и ограбленной. В конце концов, если я буду разорена, придется смириться с этим и работать для своего пропитания»¹⁶. Ее тревоги в конечном счете не оправдались, и русские, при всей своей любви к игристым винам, вели себя по отношению к ней скорее корректно. «Благодарение небу!» – писала она своей кузине в начале апреля. «Я не могу жалеть о какой-либо потере, и я слишком справедлива, чтобы жаловаться на траты, от которых никто бы не смог уберечься»¹⁷.

Но было много и тех, кому повезло меньше. Они пострадали от воровства, грабежей и всяческих насилий со стороны оккупантов. Вот, например, рассказ Дарденна:

«Пока русская пехота столь проворно шагала через наши города, казаки, вставшие лагерем на наших бульварах, развлекались тем, что разграбили и снесли несколько домов в пригородах. У одного из моих друзей унесли все белье, всю мебель и двери. Ему оставили лишь ту одежду, что была на нем надета. Теперь они заняты тем, что ломают стены дома, чтобы сжечь на костре его бревна и балки. На каждом костре лагеря одна-две поперечных балки, и их живое и ясное пламя поднимается к небу, подобно жертвенному огню. Только жертвы не хватает. Как знать, не осмелеют

ли господа казаки достаточно, чтобы схватить кого-нибудь из нас и завершить свое жертвоприношение? Каждый день мы видим или узнаем, что несколько домов было вот так разграблено и снесено: вот она, вседозволенность солдатни. (...) Каждый боится, что нас постигнет участь пригородов, когда там уже будет нечего грабить и жечь. Боги! Кто избавит нас от этого грабительства?»¹⁸

В своих письмах другу Валансу Дарденн создал что-то вроде «шкалы» дурного поведения военных: на вершине ее – нерегулярные казаки, мастера воровства, грабежей и всяческих насилий, за ними – прусские солдаты, крайне грубые и высокомерные по отношению к местным жителям, затем регулярные казаки; австрийские солдаты, которые вели себя более гуманно, заняли лишь последнюю позицию в этом списке. Это свидетельство совпадает с выводами Виктора Леконт-Валле, который, изучив вторжение в районе Лана в феврале-апреле 1814 года, подтверждает, что «самыми опасными были казаки, составлявшие русскую нерегулярную кавалерию. (...) В ходе боев множество деревень было уничтожено полностью, например, Ати, Корбени», а опасность была столь велика, что для спасения от захватчиков, «жители скрывались в галереях карьеров Коллижи, длиной 20 километров», где «за каждой деревней был закреплен подземный участок»¹⁹. Написанная весной 1814 года брошюра «Историческая картина злодеяний, совершенных казаками во Франции» излагает длиннейший перечень ужасов, которые приписывались как нерегулярным казакам русской армии, так и казакам атамана Платова. Возможно, не обошлось без преувеличений, поскольку брошюра писалась с целью мобилизовать жителей страны вокруг фигуры спасителя-императора; ее текст заканчивается словами: «Завершим эту печальную картину. Наш августейший император в скором времени очистит Францию и спасет ее от всех северных чудовищ»²⁰. Но злодеяния и бесчинства, в которых обвиняли казаков, все равно были реальными и масштабными, а их грабежи впечатляют своим размахом. Об этом свидетельствует письмо, приведенное в брошюре:

«Враги все разорили, все украли и все уничтожили. От вашего замка остались только стены: зеркала, мебель, картины, мраморы, обшивка стен, двери, окна, ставни – все разрушено, кроме вашей прекрасной картинной галереи, которую полностью украли. У вас больше нет ни зерна, ни фуража, ни скота, ни лошадей; ваши тысяча четырехсот овец-мериносов были зарезаны или уведены. (...) Я был полностью ограблен, как и многие другие; у меня осталось только то, что на мне надето. Я потерял абсолютно все»²¹.

Вместе с тем бывает, что источники приписывают «казакам» (этот термин использовался для обозначения самых разных солдат) насилия, которые творили другие. И речь не только о башкирах из нере-

гулярной русской кавалерии, производивших особенно сильное впечатление своими луками и стрелами, но и о пруссаках, вюртембергцах и даже австрийцах²². Это объясняет выводы историка Анри Усея:

«С точки зрения грабежа и насилий пруссаки и казаки должны получить первый приз (ничья); баварцы и вюртембергцы – второй. Регулярные русские и австрийцы имеют право только на поощрительный приз, но его они заслужили вполне»²³.

В своем труде Анри Усей приводит мрачный подсчет совершенных злодеяний, в которых поучаствовали солдаты всех стран коалиции:

«В Суассоне полностью сожжено 50 домов, в Мулене 60, в Мениль-Селльере 107, в Ножане 160, в Бюзанси 75, в Шато-Тьерри, в Вайи, в Шавиньоне более 100, в Ати, Мебрекуре, Корбени, Класи – все! Верные традициям Ростопчина²⁴, казаки начинали с того, что ломали пожарные насосы. Свет пожаров освещал чудовищные сцены. Мужчин рубили саблями и кололи штыками. Обнаженные и привязанные к кроватям, они должны были присутствовать при насилии, творимом над их женами и дочерьми; других пытали, секли, поджаривали на огне, пока они не открывали, где их тайники. Священники Монлодона и Роламфона (Верхняя Марна) были брошены мертвыми на месте. В Бюси-ле-Лон казаки поджаривали на огне ноги слуги, (...) оставленного охранять замок. Поскольку он упорно молчал, они набили его рот сеном и подожгли его. Сукошник в Ножане был почти четвертован десятком пруссаков, тянувших его в разные стороны за руки и за ноги; благотворная пуля прекратила его страдания. В Провене ребенка бросили в огонь, чтобы заставить говорить его мать. (...) Насиловали семидесятилетних старух и двенадцатилетних девочек. В одном лишь кантоне Вандевр число людей обоего пола, умерших от насилий и ударов, оценивается в 550 человек. (...) В Шато-Тьерри русские Сакена начали грабеж днем 12 февраля. Ночью и утром следующего дня его продолжили пруссаки Йорка. Все было разграблено. (...) Мертвых было семнадцать человек. (...) В Сансе грабеж [осуществлявшийся солдатами наследного принца Вюртембергского, недавнего союзника Наполеона, чья сестра Екатерина вышла замуж за Жерома Бонапарта] длился девять дней. (...) Женщины и едва созревшие девушки подвергались насилию на глазах у их супругов и родителей. Эти ужасные сцены повторялись каждый день вплоть до вывода войск из города»²⁵.

Подобная серия ужасов сопровождала вступление казаков в Монираль в начале февраля. Житель городка рассказывал:

«Казаки схватили пятнадцать видных горожан, раздели их догола и дали каждому по пятьдесят ударов кнута. Они раздевали мужчин и женщин. Меня самого ограбил казачий начальник, которому подошли моя одежда и мои сапоги. Девушек и женщин по большей части насиловали прямо на улице. Некоторые выбрасывались из окон, чтобы избежать бесчестия. Отцам, пытавшимся вырвать дочерей из лап этих скотов, саблями отрубали руки»²⁶.

Эти повторявшиеся вновь и вновь насилия в сочетании с масштабными реквизициями вызвали в феврале первые волнения, а

затем и самые настоящие восстания. 2 марта Дарденн с восторгом отмечал:

«Прибыв в деревню, в трех лье отсюда, где дорога огибает большой лес, [пленные французы] побили охранявших их солдат и убежали в лес. По ним стреляли, но крестьяне, вооруженные палками и вилами, помогли французам и облегчили их бегство. В Шомоне начался большой шум, когда пришла эта новость: войска срочно направились к месту восстания, и речь идет ни много ни мало как о том, чтобы сжечь деревню и расстрелять ее мэра. Итак, сопротивление начинается: люди поднялись в Барсюр-Об и неподалеку от нас. Ах! Узнать бы в скором времени, что так сопротивляются всюду!»²⁷

Крестьянское сопротивление, которого так боялся Александр I, памятуя, наверное, о бушевавшей двумя годами раньше русской партизанской войне против Наполеона²⁸, действительно разрасталось. Вооруженные крестьяне устраивали засады, нападали на отстававших, на отдельных солдат, и учиняли такие же страшные насилия, как те, в которых они обвиняли оккупантов:

«Вечером дня битвы при Краоне [7 марта 1814 года], когда русские попытались запереть женщин и детей в соседних пещерах, крестьяне подобрали на поле боя оружие и начали истреблять раненых; некоторые бросали на них зажженную солому, чтобы зажарить их живьем. Мы видели, как агонизирующие люди, уже не способные говорить, дотягивались до соломинок и чертили кресты на снегу, показывая их своим палачам, чтобы обличить их перед Богом или чтобы умолять о пощаде»²⁹.

Некоторые фермеры, например, в Жеродо в департаменте Об, притворялись гостеприимными по отношению к казакам, чтобы легче было их убить, когда гости будут совершенно пьяны, и спрятать тела. Но подобные поступки, в свою очередь, провоцировали репрессивные меры: «Прокламация князя фон Шварценберга от 10 марта призывает жителей наших деревень к спокойствию. Сильнейшие угрозы пожаров, грабежа и смерти соседствуют с этими словами мира и дружбы в прокламации князя-генералиссимуса»³⁰ – писал Пьер Дарденн. И вскоре закутилась новая спираль насилия:

«Наши крестьяне восстают повсюду, останавливая или убивая солдат, попадающих в их руки: они вооружены палками, косами, пистолетами, ружьями, которые они уберегли от русских и австрийских инквизиторов; но им не хватает боеприпасов. Способствуя этому движению общественного негодования, можно без труда организовать многочисленное партизанское войско, которое положит предел разбою русских варваров»³¹.

Мы видим, сколь велики были потери Шампани и Франш-Конте всего за несколько недель оккупации.

В феврале 1814 года трудности на поле боя и начавшееся сопротивление посеяли сомнения в армиях коалиции. Дипломатический вариант вновь стал актуальным.

Новые переговоры: надежда на мир или потеря времени?

Некоторые голоса в коалиции призывали возобновить мирные переговоры. С этой целью, по инициативе Каслри и Меттерниха, союзники встретились в Труа 12–15 февраля. Главными дискуссионными вопросами были условия возможного перемирия, условия мира и режим, который можно установить во Франции после свержения Наполеона. Русские, верные своим прежним позициям, выступали за продолжение военных действий, за нейтралитет в отношении Бурбонов и, напротив, за скорое вступление в Париж, где ассамблея представителей французского народа примет решение о судьбе страны и трона. 13 февраля Нессельроде направил Меттерниху, Каслри и Гарденбергу меморандум под названием «Вопросы, требующие решения, и мнение российского двора», который отчетливо следовал позициям Александра I и уже предусматривал порядок вступления союзников во французскую столицу:

«1. Предложение перемирия будет отклонено. После этого остальные предложения отпадут сами собой, будучи не более чем продолжением первого.

2. Уже принятые решения будут соблюдаться: следовательно, державы не выскажутся в пользу Людовика XVIII, но оставят французам инициативу в этом вопросе.

3. Действия держав по этому поводу будут опираться на мнение столицы. Его Величество император считает, что нужно собрать членов различных правительственных органов, объединив вместе лиц, наиболее выдающихся своими достоинствами и занимаемым положением, и пригласить эту ассамблею свободно и спонтанно высказать свои пожелания и свое мнение о личности, которую она сочтет наиболее подходящей, чтобы встать во главе правительства».

И дальше:

«6. Они [державы] продолжают соблюдать по отношению к Людовику XVIII и Бурбонам те же принципы, которые руководили ими до настоящего времени и которые соответствуют взглядам британского правительства. Как следствие, они сохранят пассивную роль, не помешают Бурбонам действовать за пределами территорий, оккупированных их войсками, но они не будут их поощрять, и постараются избежать даже видимости того, что они приняли какое-либо участие в демаршах Бурбонов.

7. В Париже по мере возможности будут сохранены местные и муниципальные власти. Будет назначен губернатор для общего наблюдения за ними. Его Величество император желает, чтобы этот губернатор был русским. Россия – держава, которая дольше всего сражалась против общего врага. Его Величество считает, что обладает всеми возможными правами, чтобы потребовать этого знака уважения.

Будет принят постоянный принцип не размещать солдат в домах парижан. Но для постоя войск будут использованы казармы и другие военные здания, какие могут быть найдены в Париже»³².

Однако после поражений Блюхера и Шварценберга, заставивших предположить, что победа не будет такой простой, как казалось, другие союзники, в первую очередь Каслри, заняли более гибкие позиции, надеясь на настоящее возобновление переговоров. Эту точку зрения разделяли и австрийские дипломаты, которые 13 февраля пригрозили покинуть коалицию, если не будут начаты серьезные переговоры с Наполеоном. Что касается пруссаков, то потрясенные поражением своего фельдмаршала, они не были готовы спорить с предложениями британцев. Поэтому в тот же самый день Каслри и Гарденберг вместе с Меттернихом составили меморандум, в котором высказались за заключение мира на основе границ 1792 года, уточняя, что, если Наполеон согласится на эти границы, он сможет сохранить свой трон. Царь был возмущен. 14 февраля утром он направил Каслри резкий ответ:

«Положение несомненно требует от нас продолжения войны; любые переговоры, неизбежно приводящие к потере времени, предоставят врагу возможность усилиться. Я уверен, что исход войны будет благоприятным, если союзники будут действовать заодно. Любой мир, заключенный с Наполеоном, – не мир, а всего лишь перемирие, которое даст нам несколько дней отдыха. Поймите же раз и навсегда, что я не всегда смогу привести свои войска за 400 лье к вам на помощь. Я не заключаю мира, пока Наполеон остается на троне»³³.

Но в этот самый день, 14 февраля, союзники узнали о поражении при Вошане. Новый удар вынудил царя согласиться на возобновление переговоров в Шатильоне, а также на предложение, сформулированное Каслри и согласованное с представителями Пруссии и Австрии: если Наполеон согласится на возвращение к границам 1792 года и в знак доброй воли оставит захваченные им крепости, мир можно будет заключить. Именно на этой основе был составлен новый проект мирного договора, предложенный союзниками Коленкуру три дня спустя.

По вопросу о политическом режиме, который будет установлен во Франции, Александр I тоже был вынужден пойти на уступки. Хотя он не окончательно отказался от надежды увидеть французскую ассамблею, решающую судьбы Франции, он был вынужден присоединиться к Каслри: конечно, союзники не будут настаивать на реставрации Бурбонов, чтобы не вызвать гражданской войны, но если реставрация монархии состоится, то единственный возможный кандидат – граф Прованский, наследник старшей ветви Бурбонов.

Александрю было нелегко дать на это согласие, поскольку он не любил Бурбонов, считая их высокомерными, посредственными и скудоумными. В конце 1812 года он решил, что трон Франции нужно предложить Бернадоту, которого он считал более способным и более доблестным; поэтому в начале 1813 года, когда граф Прованский написал ему, чтобы заявить свои права на престол³⁴, царь остался глух к этому призыву. Чтобы попытаться улучшить натянутые отношения с Александром I, наследник французской короны решил в феврале 1813 года отправить к царю посланника, графа де ла Ферронеяса. Посланник вез письмо от 14 февраля 1813 года, в котором претендент поздравлял Александра I с его победой над Наполеоном и предлагал ему издать прокламацию к французской нации, признав за графом Прованским титул «легитимного суверена Франции». Письмо осталось без ответа. 7 апреля 1813 года он повторил свою попытку, отправив еще одно письмо, но ответа на него снова не было³⁵. Пришлось дожидаться 24 апреля 1813 года, чтобы Александр, прибывший в Дрезден, решился написать наследнику Бурбонов. Но если граф Прованский обращался к царю «господин мой брат и кузен», царь в ответ величал его «господином графом» и подписывал свои письма банальной и прохладной фразой: «Примите, господин граф, уверения во всех моих чувствах». Как можно убедиться, отношения между Александром и Людовиком отнюдь не были сердечными. И положение отнюдь не улучшалось. В середине ноября наследник Бурбонов вновь взял в руки перо, чтобы подчеркнуть, что пришел момент провозгласить его королем французов, а также сообщить, что «единственный способ лишить [Наполеона] этой последней силы [страха французов перед планами союзников] заключается в том, чтобы восстановлением отеческой и законной власти показать Франции верного защитника ее независимости и благоденствия»³⁶. Но этот призыв к восстановлению *отеческой* власти, противоречивший либеральным идеям царя, еще больше рассердил Александра I! Его сильнейшее недоверие к Бурбонам объясняет, почему в начале февраля 1814 года в разговоре с Каслри он все еще упоминал о возможности, если уж необходимо возвращаться к монархии, выбрать Бернадота или кого-нибудь из младшей, Орлеанской ветви Бурбонов... Таким образом, когда 14 февраля 1814 года в Труа царь нехотя согласился вернуть Бурбонов на трон Франции, это было нежелательным решением, принятым в силу обстоятельств.

Вынужденный пойти на уступки ради сохранения целостности коалиции, Александр I продолжал в глубине души надеяться, что Наполеон останется глух к призывам начать переговоры. И действительно, к большой печали Коленкура, который хотел верить в возоб-

новление мирного процесса, к императору французов, опьяненному своими февральскими успехами, вернулся воинственный настрой. 5 февраля Наполеон написал злосчастному дипломату двусмысленное письмо, которое совершенно сбило того с толку: «Вы должны принять основные условия, если они приемлемы, поскольку в противном случае мы рискуем дать еще битву и даже потерять Париж, со всем, что за этим последует»³⁷. Спустя несколько дней Наполеон лишил своего посла каких-либо полномочий на переговоры; 18 февраля, спустя несколько часов после победы над Шварценбергом при Монтеро, он направил Коленкуру экзальтированное письмо:

«Я предоставил Вам карт-бланш, чтобы спасти Париж и избежать битвы, которая была последней надеждой нации. Битва произошла; Провидение благословило наши войска. Я взял 30–40 тысяч пленных; я захватил 200 артиллерийских орудий и множество генералов и уничтожил несколько армий почти без боя. Вчера я начал уничтожение армии князя Шварценберга, и я надеюсь разгромить ее, прежде чем она снова перейдет наши границы. Ваша позиция должна быть такой же; Вы должны сделать все для мира, но мое намерение состоит в том, чтобы Вы не подписывали ничего без моего приказа, поскольку лишь я один знаю свою позицию. В целом, все, что я желаю, – твердый и почетный мир; он может быть таким только на основе франкфуртских предложений».

На следующий день, объясняя свою непреклонность продвижением французских войск и их успехами, он писал:

«Все, что вам говорили, – ложь. Австрийцы потерпели поражение в Италии и вместо того, чтобы находиться в Мо, я скоро буду в Шатильоне. Я настолько возмущен бесчестным предложением, которое вы мне посылаете, что я чувствую себя опозоренным самим тем фактом, что вам его предложили. (...) Вы опять говорите о Бурбонах. Я предпочитаю видеть Бурбонов во Франции на разумных условиях, чем принимать эти позорные предложения, которые вы мне прислали»³⁸.

Тем не менее 21 февраля, в то самое время, когда шел конгресс, Наполеон пошел на личный демарш: он написал своему тестю, императору Францу, предложив ему начать мирные переговоры на основе франкфуртских предложений. Но эта попытка оказалась бесполезной – австрийцы предпочли действовать единым фронтом с союзниками.

28 февраля, когда переговоры зашли в тупик, полномочные представители союзников решили назначить дату окончания конгресса. Они заявили, что не позднее 10 марта ждут ответа на проект мирного договора, который они адресовали Наполеону 17 числа предыдущего месяца; если же ответ не поступит, конгресс будет распущен. В назначенный срок, выполняя волю своего господина, герцог Виченцкий

вручил союзникам его ответ. Но эта нота требовала в качестве основы для переговоров принятие во внимание естественных границ Франции, включающих в себя левый берег Рейна. Это предложение союзники сочли неприемлемым и отвергли – и переговоры продолжались еще несколько дней без какого-либо успеха. 19 марта герцог Виченский вручил союзникам контрпроект: Наполеон заявлял, что согласен вернуться к границам королевства Франция, но требует, чтобы Савойя, Ницца и остров Эльба остались французскими, а Евгений Богарне был провозглашен королем Италии. Эти предложения, отвергнутые союзниками, повлекли за собой роспуск конгресса. И так, 19 марта дипломатия окончательно потерпела крах: теперь конфликт мог быть разрешен только на поле боя.

«Идем в Париж!»

Во второй половине февраля Наполеон, оттеснив союзные армии с дороги на Париж, спас столицу – по крайней мере в краткосрочной перспективе – от вторжения. Но эти победы были лишь видимостью: хотя предводители коалиции были тяжело потрясены этими неудачами, а воинский дух ослабел, император так и не одержал решающей победы. Союзники оставались хозяевами значительной части территории Франции, а отдельные проявления сопротивления местных жителей, разрозненные и ограниченные локальными выступлениями, не нарушили равновесия сил. Кроме того, на периферийных театрах войны императору везло меньше: французские войска были вынуждены покинуть Брюссель, фон Бюлов и Винцингероде наступали на Лилль, Султ находился в тяжелом положении на юго-западе, а вице-король Евгений отступал в Италии.

25 февраля в Бар-сюр-Об союзники вновь держали военный совет. Вокруг трех монархов объединились Шварценберг, Меттерних, Каслри, Нессельроде, Гарденберг, Радецкий, Дибич, Волконский и Кнезбек³⁹. В ходе дискуссии Шварценберг высказался за отступление, которое позволило бы Богемской и Силезской армиям приблизиться друг к другу и соединиться. Однако Александр I категорически отверг это предложение, в котором он видел потенциальную передышку для Наполеона и в гневе пригрозил, что выведет из состава Богемской армии русские войска, присоединив их к Силезской армии⁴⁰. Тогда совет решил, что Шварценберг отойдет к Лангру для перегруппировки, а армия Блюхера, усиленная корпусом Винцингероде (26 тысяч русских солдат, стоявших в Реймсе) и корпусом фон Бюлова (17 тысяч пруссаков, прибывавших в Лан), сможет по своему желанию двигаться на Париж. Во время наступления Силезской

армии поддержку ей должны были оказать подразделения генерала Ланжерона, прибывшие 24 февраля в Витри-ле-Франсуа, и войска генерала Сен-При – 15 тысяч человек, только что вступивших на территорию Лотарингии.

Эти военные решения были в скором времени дополнены решениями политическими. Продолжая опасаться, что Австрия, воспринимаемая как слабое звено коалиции, выйдет из нее и заключит сепаратный мир с Францией, Александр I потребовал от своих союзников встретиться в Шомоне с целью обновить и укрепить союз. 9 марта был подписан союзный договор (датированный 1 марта) сроком на двадцать лет (статья 16). Подписавшие договор стороны (Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия) обязывались в случае, если Франция откажется от мирных предложений 17 февраля, продолжить войну «в идеальной согласии» (статья 1) и отказаться от каких-либо сепаратных переговоров. Каждая страна, подписавшая договор, обязывалась предоставить 150 тысяч человек для текущей кампании, а Великобритания внесла за 1814 год субсидию в пять миллионов фунтов стерлингов (статья 3). Наконец, статья 5 предусматривала, что в случае французской угрозы одному из членов коалиции по заключении мира остальные союзники должны будут явиться к нему на помощь, выставив экспедиционные корпуса по 60 тысяч человек (50 тысяч пехоты и 10 тысяч кавалерии). Вот такой сплоченной была коалиция, объединившаяся в начале марта 1814 года для борьбы с наполеоновской Францией.

Со своей стороны, решив действовать исключительно на поле боя и предвидя опасность укрепления Силезской армии свежими войсками из Северной армии, Наполеон в начале марта пустился вдогонку за Блюхером, желая догнать его у Суассона. Город, находившийся в руках небольшого французского гарнизона под командованием бригадного генерала Жан-Клода Моро, которого поддерживал польский Висленский батальон численностью 700 человек, занимал важную стратегическую позицию: контролировал переправу через реку Эна. На этот момент император имел численное превосходство над Блюхером, и он рассчитывал покончить с фельдмаршалом, призвав его к Эне. Соответственно, он приказал Моро любой ценой «держаться» против Блюхера, пока он не подойдет. Но обстоятельства сложились не в его пользу. Утром 2 марта, когда Наполеон был еще далеко, к Суассону с востока, из Реймса, подошли русские полки под командованием Винцингероде, а с севера, из Лана, прусские подразделения фон Бюлова. Могучая артиллерия союзников, существенно превосходившая все, что мог ей противопоставить суассонский гарнизон, ужаснула Моро. Поэтому, когда неприятель предложил французскому ге-

нералу «капитулировать с честью», Моро согласился, не докладывая об этом Наполеону. В 9 часов утра 3 марта капитуляция была подписана, город и гарнизон сдались без боя. Это был решающий момент, позволивший Блюхеру не только избежать неминуемого поражения, форсировав Эну, но и соединиться в следующие дни с корпусами Винцингероде и фон Бюлова. Таким образом, капитуляция Суассона стала ключевым моментом французской кампании, что стало ясно как Наполеону, сразу пожелавшему отдать Моро под военный трибунал и расстрелять⁴¹, так и русским:

«Когда Левенштерн вернулся в русский генеральный штаб с подписанной капитуляцией, Винцингероде обнял его. Когда Левенштерн попросил прощения за то, что превысил свои полномочия, уступив шесть артиллерийских орудий, присутствовавший при разговоре генерал Воронцов (...) вскричал: «Ах, пусть они забирают свою артиллерию, пусть и мою с собой прихватят, если им угодно, лишь бы они ушли, лишь бы они ушли!»⁴²

С точки зрения некоторых историков⁴³, капитуляция Суассона сыграла решающую роль во французской кампании. Возможно, подобное утверждение является преувеличением, ведь положение Наполеона уже было тяжелым из-за огромного численного перевеса коалиции, но капитуляция, безусловно, оказалась потерянной возможностью, заметно осложнив задачу французских войск.

На следующий день после капитуляции Суассона Наполеон еще надеялся если не предотвратить, то хотя бы затормозить соединение войск коалиции. Он был одержим этой мыслью. 7 марта на плато Краон, под снегом, в суровый мороз он смог, располагая вдвое меньшими силами, одержать яркую победу над Михаилом Воронцовым, помощником Винцингероде. Но прежде чем отступить, Воронцов долго сопротивлялся, что привело к серьезным потерям с обеих сторон: около 5 тысяч русских и около 6 тысяч французов. Кроме того, дорого обошедшаяся победа не помешала объединению части войск коалиции: закрепившись в крепости Лан, войска Блюхера и фон Бюлова теперь насчитывали около 100 тысяч человек. Наполеоновская армия (в первую очередь корпус Мармона), несмотря на очевидное численное превосходство противника, попыталась осадить союзников. Но после двух дней боев, 9 и 10 марта, заметно ослабев и не достигнув успеха, она была вынуждена отказаться от взятия города. Это стало новой неудачей императора.

11 марта Наполеон узнал, что войска генерала Сен-При вошли в Реймс. В это время император собирался ударить союзникам в тыл, поднять народ на востоке Франции и собрать войска из крепостей. Но для этого ему было необходимо отбить Реймс у Сен-При и перерезать связь между двумя армиями коалиции, которую Сен-При сумел

восстановить. 12 марта Наполеон приказал Мармону подойти к городу, чтобы поддержать его готовящееся наступление, а сам пустился в путь. На следующий день, вблизи Реймса, Наполеону удалось застать врасплох Сен-При, не ожидавшего ни скорости, с которой его атаквали, ни столь значительных сил. Сам Сен-При был смертельно ранен в самом начале боя, а французы нанесли тяжелое поражение 15-тысячному русско-прусскому войску: потери составили 3 тысячи солдат убитыми и ранеными, и еще 3 тысячи попали в плен, в то время, как французские потери составили всего 700 человек. Победа под Реймсом, блестящая и абсолютная, вновь обескуражила союзников, о чем свидетельствовал в своих «Мемуарах» Ланжерон: «Нам казалось, что мы повсюду видим этого страшного Наполеона. Он разгромил нас всех, одних за другими; мы все время боялись храбрости его вылазок, скорости его маршей и его ловких комбинаций. Стоило нам составить план, как он его расстраивал»⁴⁴.

Боевой дух союзников в очередной раз упал. Их солдатам недоставало съестных припасов, а их лошадям – фуража; они опасались недавно провозглашенного императором Фимского декрета, призывавшего к народному восстанию в духе Вальми. Шаткое положение союзников стало причиной новых колебаний Шварценберга. Однако 17-го числа, под воздействием Александра I и Толя, генералиссимус взял на вооружение новую стратегию: сумев прогнать Макдональда и Удино из Труа, он решил больше не отступать, а идти на Париж. На следующий день, форсировав Сену в Ножане с 80-тысячной армией, он оказался на расстоянии менее ста километров от столицы. Наполеон был вынужден на какое-то время отказаться от своего плана: теперь он уже не двигался на восток, но искал битвы, чтобы остановить наступление Шварценберга. 20 марта, располагая значительно меньшими силами – не более 28 тысяч бойцов, – император французов храбро бросился в битву при Арси-сюр-Об. Она длилась до следующего дня, и, парадоксальным образом, войска коалиции отнюдь не были уверены в своем успехе, поскольку конфликты в союзном штабе не переставали разрастаться. Александр Михайловский-Данилевский рассказывает:

«Мы были в гораздо превосходном числе, но нас обуревали несогласия, производимые большею частию Австрийским двором. (...) Поведение австрийцев было для государя столь неприятно, что он, который нелегко обнаруживал, что происходило в душе его, не мог однажды скрыть своего негодования против них. Это случилось 9 [21] марта下午, когда мы собирались напасть на неприятеля под Арсисом. Армия стояла в боевом порядке, колонны к атаке были уже готовы, и государь, окруженный обыкновенною своею свитою, ходил взад и вперед с фельдмаршалом Барклаем де Толли и, говоря об австрийцах, сказал следующие

слова, которые я сам слышал, ибо я тут же стоял: “Эти австрийцы сделали мне много седых волос”»⁴⁵.

Но наполеоновские войска, при всей своей стойкости и невзирая на разногласия в стане коалиции, понесли большие потери и были вынуждены отступить сперва к Витри-ле-Франсуа, затем, 23 марта, к Сен-Дизье.

Тем временем с других театров военных действий приходили все более и более благоприятные для коалиции новости: 27 февраля Веллингтон разбил Сульта при Ортезе, 22 марта Ожеро был вынужден покинуть Лион.

Вечером 22 марта, когда Наполеон вновь собирался двинуться на восток, чтобы напасть на коммуникации союзников и лишить их тыловых баз, его планы оставались неизвестны, поскольку позади войск императора действовала многочисленная кавалерия, скрывавшая все его движения. Но в ночь с 23 на 24 марта, когда неприятельская армия подходила к Дампьеру, направляясь на Сомпюи и Соммесу, незашифрованное письмо, написанное Наполеоном накануне и адресованное Марии-Луизе, было перехвачено казачьим патрулем⁴⁶:

«Мой друг! Несколько дней я не ходил с лошади. 20-го числа я взял Арси-сюр-Об. (...) 21-го числа неприятельская армия начала сражение, чтобы защитить свое движение к Бриену и Бар-сюр-Об. Я решил пойти к Марне, чтобы удалить вражеские армии от Парижа, и приблизиться к северным крепостям. Сегодня вечером буду в Сен-Дизье. Прощай, мой друг, поцелуй сына»⁴⁷.

Оригинал письма прибыл по назначению, но копию немедленно переправили Шварценбергу, который на заре провел совещание с Нессельроде и Волконским. В ходе дискуссии были высказаны противоположные мнения:

«Когда прочитали письмо Наполеона, то князь Волконский предложил, “чтобы соединяясь с Блюхером, отрядить только сильный корпус за Наполеоном, а нам идти со всеми войсками прямою дорогою на Париж, куда прибыв в пять маршей, можем завладеть оным прежде, нежели узнает о сем Наполеон”. Князь Шварценберг нашел предложение сие весьма смелым и (...) возразил, что “он не осмелится на такого рода предприятие без соизволения на то нашего государя” (то есть императора Франца, находившегося в этот момент в Бар-сюр-Сен)».

Таким образом, немедленного изменения стратегии не произошло, и 24-го утром Шварценберг пустился в путь к Витри через Сомпюи, чтобы соединиться там с Блюхером и атаковать уходящего на восток Наполеона. Но перед отправлением он уведомил Александра о содержании перехваченного письма, и утром царь, задержавшись в Дампьере, решил проинформировать своих генералов (Барклая де Толли, Толя, Волконского и Дибича) о сложившемся положении. По-

сле долгой дискуссии все сошлись на том, что надо идти на Париж и принять план, изложенный Волконским:

«Я предлагаю (...) чтобы, соединясь с Блюхером, отрядить за Наполеоном сильный корпус конницы и несколько полков пехоты, приказав для большего удостоверения, чем будто мы за ними идем с армиею, заготовлять везде главную квартиру для государя, самим же нам направиться прямо на Париж, нашей армии – чрез Фер-Шампенуаз, а Блюхеру – чрез Этож, имея между собою непрерывное сообщение. Следуя таким образом, мы должны атаковать маршалов Мортье и Мармона, где они ни повстречаются; мы их разобьем, потому что мы на всех пунктах будем в превосходных силах».

Чтобы привлечь союзников на свою сторону, царь отправился вслед за Шварценбергом и королем Пруссии. Они встретились на высотах Витри, собрав новый военный совет, проходивший под открытым небом и в весеннюю погоду. Совет принял русское предложение; немедленно «написали приказание к Блюхеру, чтобы он не следовал на Витри, а шел на Этож. В тот день государь расположился для ночлега в Витри, дабы более уверить, что мы идем за Наполеоном». В этот же день, 24 марта, генерал Винцингероде и его четырнадцать тысяч всадников при поддержке двух казачьих полков отделились от основной армии, направившись вслед за Наполеоном в Сен-Дизье, а остальная Богемская армия двинулась на Фер-Шампенуаз. Тем не менее на этом этапе план держался в тайне, и войска еще не знали о своем пункте назначения:

«Мне всегда останется памятна минута, в которую генерал Толь, выходя из совещания, бывшего у государя, обнял меня и сказал на ухо: «Мы идем в Париж, но Бога ради не говори никому ни слова» - и рассказал о том, что происходило в военном совете. Трудно было удержать чувствования, исполнявшие в то время мою душу, ясно представлялись воображению разрушенный Смоленск, пламенеющая Москва, взорванный Кремль и, наконец, совершенное торжество Отечества»⁴⁸.

Утром 25 марта основная часть главной армии, впереди которой двигались двадцать тысяч всадников, направилась в Париж по дороге, ведущей из Витри в Сезанн, Куломье и Мо, проходившей через Фер-Шампенуаз. Авангард армии составляла кавалерия Петра Пале-на и князя Адама Вюртембергского. Чуть дальше к югу тем же маршрутом следовал Барклай де Толли с резервами Богемской армии. К северу от главных сил по дороге из Шалона в Бержер следовала небольшая часть Силезской армии: легкая кавалерия и казачьи подразделения, числившиеся в русских корпусах Ланжерона и Остен-Сакена. Блюхер, уже несколько дней страдавший от сильнейшей глазной болезни, ехал в карете «на виду у всех, надев на голову дам-

скую шляпу из зеленого шелка с очень широкими полями, прикрывавшими его глаза от света»⁴⁹. В этот день, вскоре после восьми часов утра, русский авангард под предводительством Петра Палена встретил корпус Мармона, находившийся на дороге в Фер-Шампенуаз, у деревни Суде. Корпус Мортье явился на выручку корпусу Мармона, и вдвоем маршалы сумели выставить войско в 12 300 пехотинцев, 4350 всадников и 68 орудий, в то время как русские силы составляли всего лишь 5700 всадников и 36 орудий⁵⁰. В начале битвы, в которой Александр I и его брат великий князь Константин лично приняли участие во главе казачьего отряда⁵¹, положение союзников казалось тяжелым. Но появление сначала 2500 австрийских кирасиров, а затем, вскоре после полудня, тяжелой русской кавалерии, переломило ход битвы в их пользу. Мортье и Мармон были вынуждены отступить. Маршалы потеряли треть своих сил и больше не могли препятствовать неумолимому наступлению сил коалиции. Эта победа, впоследствии прославленная как один из величайших подвигов русских солдат в 1814 году, и даже в настоящее время присутствующая в топонимике Урала⁵², могла, однако, закончиться совсем иначе из-за задержки войск коалиции. Ланжерон оставил уникальное свидетельство о причинах этого опоздания:

«Подойдя в десять часов утра к Силлери, я обнаружил, что лагерь моей кавалерии все еще там, и генерал Корф, (...) сильно пристыженный, рассказал мне, что произошло.

[Корф провел ночь в замке Силлери, но все его войско] находилось в деревне. Крестьяне, которые, видимо, не любили местного землевладельца, сообщили казакам, что в потайном погребе за пределами деревни находятся шестьдесят тысяч бутылок шампанского; казаки, очень признательные за эту весть, поторопились [открыть] погреб, и он быстро превратился в место встречи всей моей кавалерии. В час, назначенный для отправления, а именно в шесть часов утра, ни один человек не мог держаться на ногах»⁵³.

Но это опоздание не помешало войскам коалиции одержать победу и двинуться дальше – на Париж.

26 марта Наполеон у Сен-Дизье одержал верх над людьми генерала Винцингероде. Заставив их понести серьезные потери, и будучи уверен, что имеет дело с главной частью союзной армии, он продолжил наступление. И лишь вечером следующего дня император, наконец поняв, что неприятель идет на Париж, решил форсированными маршами достигнуть столицы, пройдя через Бар-сюр-Об, Труа и Фонтенбло. Ему было невдомек, что Александр I, прусский король и Шварценберг уже в Куломье, что Блюхер добрался до Ла-Ферте-су-Жуар, что Винцингероде находится в Бюссере, что корпуса Остен-Сакена и Вреде достигли Мо, что битва под Парижем уже началась.

II

**ПАРИЖ! ДВЕ НЕДЕЛИ,
КОТОРЫЕ ПОТРЕЯСЛИ ФРАНЦИЮ**

30 МАРТА 1814 ГОДА: БИТВА ПОД ПАРИЖЕМ

Страх в городе

С конца января – начала февраля парижане, в зависимости от приходивших из войск известий, попеременно то склонялись к оптимизму, то предавались тревоге. И хотя они стремились успокоить себя, желая верить в военный гений императора, их беспокойство не ослабевало: отъезд Наполеона, отсутствие оборонных укреплений, которые могли бы остановить захватчиков, численное превосходство сил коалиции – все это никак не располагало к спокойствию. Некоторые, охваченные паникой, начали «упаковывать самые ценные вещи, чтобы отправить их в самые удаленные департаменты Франции»¹; другие, опасаясь, что их ждет осада, начали запасать продовольствие. Томас Ричард Андервуд, отпущенный под честное слово британский пленник, обязанный жить в Париже, но свободный в своих передвижениях, оставил хорошее описание атмосферы, что царила в ту пору во французской столице:

«Парижане всех классов делали запасы муки, риса, гороха, бобов, картофеля, солонины, селетки и др. припасов пропорционально своим средствам. Спрос на картофель на рынке Невинных был столь велик, что декалитр картофеля поднялся в цене с шести су (его обыкновенной цены) до сорока».

Другие парижане, побогаче, стремились вывезти свои семьи в более безопасные департаменты:

«Пятого числа паспортный стол полицейской префектуры был все время заполнен дамами, которые, опасаясь скорого прибытия неприятеля в Париж, торопились покинуть город вместе со своими детьми и отправиться в Нормандию, в Турень или западные департаменты: в один день было выдано 1300 паспортов».

Должностные лица наполеоновского режима тоже начали проявлять беспокойство. Герцог де Ровиго «лично отправил в окрестности Тулузы своих дочерей и красивую мебель своего

дворца на улице Серютти». Пессимистично настроенные парижане готовились стать жертвой мщения союзников, казавшегося совершенно неотвратимым:

«Большее, чем обычно, число любопытных, посещало Луврский музей, чтобы в последний раз увидеть находившиеся там шедевры. Все были убеждены, что союзники последуют примеру самих французов и увезут их»².

В своем рукописном дневнике, представляющем собой прекрасный источник, передающий настроение парижских жителей, Амели де Бом³, которой в ту пору минуло шестнадцать, тоже передала тревогу, охватившую город. 7 февраля она писала:

«Все очень беспокоится, поскольку ждут врагов в течение нескольких дней. Я надеюсь, они не причинят никакого зла и войдут в город, не грабя его. Сейчас десять часов, я сижу у моего учителя немецкого языка».

Четырьмя днями позже, 11-го числа, девушку, казалось, успокоили добрые вести:

«Я была у мамы и читала, когда вдруг мы услышали один, два, три... пушечных выстрела. Я вначале подумала, что в город входят казаки, но потом узнала, что император одержал победу над врагами, и выстрелы возвестили об этой победе. Тогда я успокоилась, и день закончился так же спокойно, как и начинался».

Спустя несколько дней она с грустью описывала царившую вокруг урюмость: «Сегодня Чистый понедельник. Но не догадаешься, что сейчас карнавал. Никаких балов, никаких масок – о, какой печальный карнавал»⁴. В эти же дни в парижские госпитали хлынул поток раненых, эвакуированных с фронта, и больных тифом. Условия их размещения были совершенно нищенскими. В больнице Сальпетриер не было ни дров для обогрева здания, ни «даже углей, чтобы подогреть травяной отвар»⁵, а между тем 12 марта выпал снег, а в последующие дни температура не превышала восьми градусов⁶. Столичных госпиталей не хватило для размещения 16 100 раненых⁷, уценных в начале марта, и чтобы не пугать парижан их видом, многих раненых перевели в окрестности Парижа, где с большим или меньшим успехом начали действовать импровизированные военные госпитали: «Их разместят в Версале и даже в Версальском замке. В Провене ими заполнены три церкви, как и во многих других деревнях и городах на пути следования армии»⁸. Не успокаивало парижан и отсутствие каких-либо новостей. В марте столица оказывалась все больше отрезана от остальной страны, погружаясь в информационный вакуум. Госпожа де Мариньи, старшая сестра Шатобриана, не перестававшая вести дневник на протяжении всей французской кампании, отметила 5 марта: «День прошел в оцепенении; мы

слышали пушечную пальбу; никаких новостей не было. В полдень в больницу, что находится в предместье Сен-Мартен, приехало сто повозок, нагруженных ранеными»⁹. Слухи множились, недоверие к правительству росло тем более, что рассказы, печатавшиеся в официальной прессе, сами по себе вызывали недоверие:

«Газетные рассказы о преступлениях союзников сильно преувеличены. Мэр Суассона, увидев свое имя под докладом, которого он не делал, явился в Париж, страшая гнева врагов, которые могли бы наказать его за клевету. Господина герцога де Лианкура, мэра небольшой деревни, настоячиво склоняли к обличению бесчинств, совершенных на его земле; он всегда отказывался, не желая лгать»¹⁰.

Если до сих пор Империя строго следила за политическими мнениями и высказываниями, весной 1814 года цензура ослабела, а протесты и критика звучали все громче. 12 марта восстал город Бордо, требуя возвращения Бурбонов; по Парижу распространились памфлеты и воззвания монархистов, призывавшие к свержению режима и заключению мира. Как парижане, так и жители провинций склонялись к волнениям и заговорам, а то и к мятежу:

«Повсюду были сборища, от салонов до лавочек и общественных мест. Это был постоянный обмен такими слухами, которые могли только отнять те проблески надежды, которые еще, возможно, оставались. (...) Надзор был бесполезен, поскольку не мог повлечь за собой каких-либо последствий. Принудительные меры привели бы к восстанию. (...) Для арестов имелось больше причин, чем нужно, но справедливости ради следовало бы арестовать всех вообще, и тюрьмы, даже если бы их сделать вдвое больше, не смогли бы вместить в себя всех, кто в большей или меньшей степени достоин был оказаться под замком»¹¹.

Снабжение столицы становилось все более затруднительным, цены на продовольственные товары и уголь росли, город наводняли раненые. В этой ситуации парижане, понимая всю уязвимость столицы, не имевшей ни достаточно прочных стен, ни войск, необходимых для обороны, все больше сомневались, что действующий режим может противостоять валу войск коалиции. Их тревога становилась все сильнее – парижан пугал призрак казачьего нашествия:

«Торговцы гравюрами и книгопродавцы начали продавать раскрашенные гравюры с подписью “казаки” и изображением уродливых чудовищ, одетых самым чудным образом и совершавших всяческие бесчинства. Было очевидно, что художники опирались только на свое воображение»¹².

Английские газеты, распространявшиеся в Париже, тоже играли на страхах и слухах. 15 марта 1814 года «Таймс» писала:

«Если Блюхер и казаки войдут в Париж, пощадят ли они его? И зачем им щадить Париж? Сохранят ли они ценные памятники искусств? О нет!

Нет! Эти возмущенные воители воскликнут, что пришел их день мщения и разрушения...

Ударив по Парижу, они ударят в самое сердце французской нации»¹³.

Донесения французской полиции и контрразведки вторили им, тоже подтверждая, что придется ждать мщения:

«Если неприятель войдет в Париж, город будет уничтожен. Вражеские генералы пообещали это своим солдатам, трепещущим от радости при разговорах о Париже. Нет такой человеческой силы, которая остановила бы грабеж и пожар. Я убежден в этом всеми подробностями, какие я мог собрать из разговоров вражеских генералов и солдатских пересудов»¹⁴.

23 января, сделав Марию-Луизу регентшей при помощи патентных писем, Наполеон вручил реальное руководство империей своему брату Жозефу. В течение многих недель Жозеф пытался вселять в жителей страны уверенность и успокаивать их; для этого он неоднократно организовывал военные парады, войсковые смотры; чтобы увеличить численность парижских войск, он призвал на помощь молодых артиллеристов из Политехнической школы. Были приняты меры для организации обороны подступов к Парижу: «1 февраля началось строительство палисадов, защищающих 52 парижские заставы, для чего были срублены самые красивые деревья Булонского леса»¹⁵. Наконец, Жозеф старался поддержать иллюзию, что в стране продолжается нормальная политическая жизнь: продолжали заседать Регентский совет и Совет министров¹⁶. Но эти меры, смехотворные, если принять во внимание размах угрозы, которую несли союзники, не могли успокоить парижан. В письме Наполеону от 11 марта архиканцлер Камбасерес признавал:

«Зло велико, и растет с каждым днем. Мы посреди отчаяния, нас окружают изнуренные или недовольные люди. В других местах все еще хуже: официальные рапорты и частная переписка сходятся на том, что защищаться уже нельзя, что отчаяние стало всеобщим, что недовольство проявляет себя разными путями и что если рука Вашего Величества не придет в скором времени к нам на помощь, нас ожидают самые зловещие события»¹⁷.

Таким образом, в середине марта, когда союзники подступали к столице, положение представлялось весьма тяжелым.

На сцену выходит Талейран

Как мы видели, в первой половине марта, когда союзное наступление продолжалось, коалиция не могла договориться по двум важнейшим вопросам. Первый вопрос, военный, касался стратегии, которой

следовало придерживаться. Второй, политический, звучал так: что считать победой? Нужно ли просто покончить с Наполеоном и позволить французам свободно выбрать, какой политический режим будет в стране, или повлиять на их выбор, а то и навязать им его? В то время как союзники не могли найти общий ответ на эти важнейшие вопросы, Талейран, будучи убежден, что с императором и империей покончено и пришел его час, начал плести свою паутину.

В 1814 году князю Беневентскому, бывшему епископу Отенскому, было 60 лет. В ходе своей многообразной карьеры он сначала носил церковное облачение, а затем дипломатический фрак, и поочередно служил монархии, Учредительному собранию, Директории, Консульству и Империи. Умный, блестящий и продажный, он, несомненно, вызывал к себе такое восхищение и такую ненависть, как мало кто в наполеоновской Франции. Он специально демонстрировал свою непринужденность, «ходил разряженным» вместо того, чтобы одеваться, как другие, подчеркивая свою необычность и свой отказ следовать каким-либо условностям:

«Его рубашка, вместо того, чтобы быть заправленной в черные шелковые ююлоты, прикрывала их сверху и развеялась, как блуза; и он мог разговаривать с помощниками, в числе которых иногда были и женщины, будучи вот так разряжен, да еще и со шляпой на голове. Рассказывали, что он в таком виде как-то и российского императора принимал.

Когда он считал нужным одеться, он нацеплял на себя, помимо длинного и широкого жилета, очень просторный фрак квадратной формы, застегивая его на три-четыре верхних петлицы. Обычно он заканчивал свой туалет к часу дня, и, поскольку он не любил ни торопиться, ни менять свои привычки, люди вспоминали лишь несколько случаев, при Республике, при Империи или при Реставрации, когда обстоятельства, с его точки зрения, были достаточно серьезны, чтобы что-то изменить в этом церемониале¹⁸.

За таким эксцентричным обликом скрывался грозный государственный деятель, опытный, со стальными нервами, владевший остроумием и иронией в такой степени, в какой это было доступно только многосторонне образованному человеку XVIII столетия, ловкий и беспринципный дипломат, наделенный большим талантом и лишенный каких-либо моральных ориентиров. Одно из свидетельств о Талейране – его смачный портрет, который Поццо ди Борго, корсиканец, враг Наполеона, в 1804 году поступивший на российскую дипломатическую службу, набросал в письме к государственному секретарю Карлу Нессельроде:

«Этот человек не похож ни на одного другого. Он портит, он устраивает, он интригует, он за день сто раз меняет манеру управления. Он интересуется другими ровно в той степени, в какой он в них

нуждается в эту минуту. И даже его вежливость – это ссуда ростовщика, которую надо поторопиться вернуть с процентами до конца дня»¹⁹.

Несмотря на свою аморальность, Талейран обладал исключительными интеллектуальными способностями, и Наполеон это видел: он сделал его своим министром иностранных дел, и Талейран оставался на этом посту с ноября 1799 по август 1807 года; и хотя летом 1807 года из-за разногласий с императором Талейран потерял свой пост, он оставался ближайшим дипломатическим советником Наполеона. Еще до похода на Россию он предчувствовал грядущую катастрофу и тщетно пытался предостеречь императора. В конце 1812 года он призвал Наполеона заключить мир; когда император отказался, Талейран отверг предложенный ему пост министра иностранных дел. В 1813 году он, исходя из будущего, в котором не будет Наполеона, начал действовать: воспользовавшись связями своего дяди, архиепископа Реймского, занимавшего в то время пост главного исповедника графа Прованского, находившегося в изгнании в Хартвелле²⁰, он вступил в контакт с претендентом на престол. Письма, которые он ему посылал, не сохранились, но известно, что они были адресованы Людовику XVIII и начинались с обращения «Сир», ставя тем самым под вопрос легитимность Наполеона²¹. После того, как некоторые из этих писем были перехвачены полицией, Наполеон, взбешенный неблагодарностью князя Беневентского, думал отдать его под суд, но отказался от этой мысли: ум Талейрана, его сметливость, его сети агентов были слишком полезны императору. Более того, не будучи злопамятным, Наполеон в конце 1813 года вновь предложил Талейрану пост министра иностранных дел, от которого тот отказался, отдавая себе отчет, что дни наполеоновского режима сочтены. Впрочем, отказ Талейрана отнюдь не подорвал доверие к нему императора: 23 января 1814 года Наполеон назначил его членом только что образованного Регентского совета – по мере развития французской кампании этот пост окажется стратегически выгодным.

Несмотря на весь свой цинизм и продажность, Талейран оставался человеком, приверженным определенным принципам и даже, если можно так сказать, человеком определенных убеждений. Прежде всего, он был либералом: воспитанник Просвещения и Французской революции никогда не отступался от приверженности свободам и парламентаризму на английский лад. С конца 1813 года он рассчитывал воспользоваться падением Наполеона, чтобы восстановить уничтоженные империей свободы и учредить парламентский режим. Его целью было незаметно взять все под контроль и провести «18 брюмера наоборот». Под этой формулировкой, которой он воспользовался

в письме Эме де Куаньи²², скрывалась целая политическая программа: речь шла ни более, ни менее как о восстановлении общественных прав и свобод, которые, по его мнению, были уничтожены империей. Но Талейран еще твердо не решил, какой политический режим следует учредить во Франции. Будет ли он сам способен, если Наполеон погибнет на войне (на что Талейран надеялся), выступить в роли национального спасителя и стать регентом вплоть до совершеннолетия Римского короля²³? Если же эту мечту осуществить не удастся, нужно ли вернуть легитимного наследника Бурбонов? Или выступить в пользу герцога Орлеанского, представителя младшей ветви династии, голосовавшей за казнь Людовика XVI? Или же, воспользовавшись поддержкой Австрии, бороться за регентство Марии-Луизы при Римском короле? В конце 1813 года Талейран колебался и вел себя двусмысленно; его особняк на улице Сен-Флорантен стал гнездом заговорщиков, где сходились «недовольные, которых было много, и роялисты, которых еще было мало»²⁴. Князь Беневентский был уверен, что он должен «найти то, чего хочет Франция и чего должна хотеть Европа»²⁵, но пока не знал, как именно действовать, чтобы добиться успеха, и вдобавок опасался за собственное будущее. Король и его ближайшее окружение могли и не простить ему его антиклерикальной деятельности: бывший епископ Отенский проявил себя в прошлом ярким сторонником национализации церковного имущества.

В душе либерал, на международной арене Талейран был «убежденным противником дипломатии шпаги»²⁶ и сторонником (это тоже было его глубоким убеждением) европейской системы, основанной на равновесии и согласии между государствами.

Как мы видим, убеждения Талейрана были близки тем тезисам, к которым чутко прислушивался и царь Александр, тоже дитя Просвещения и воспитанник республиканца Фредерика-Сезара де Лагарпа. Некоторые историки сомневались в искренности либерализма Александра, отмечая, что именно этот царь стал в 1815 году создателем Священного союза, быстро превратившегося в орудие реакции, враждебное либеральным идеям. Но подобная перспектива, проецирующая на 1814 год события 1818–1820 годов, мне кажется ошибочной. В разгар французской кампании царь действительно мечтал о мирной Европе, которая покоилась бы на трех китах: принципе равновесия, которое он защищал уже в ноябре 1804 года²⁷, принципе христианского братства, который он стремился продвигать после своего духовного обращения в конце 1812 года, и принципе либерализма, игравшем важную роль в его политических размышлениях с юных лет²⁸. В 1814 году Александр I считал, что эти принципы легко сочетаемы друг с другом: именно поэтому он окружил себя знаменитыми

либералами, в числе которых были Поццо ди Борго и Иоанн Каподистрия, грек родом с Керкиры, поступивший на российскую службу в 1808 году²⁹, причем оба стали ближайшими внешнеполитическими советниками царя³⁰.

Талейран, ценивший либеральный настрой Александра I и его приверженность идеям мира и международного равновесия, в начале марта установил связь с царем.

Царь и князь Беневентский были знакомы и прежде. Они встречались на Тильзитской конференции, скрепившей две империи союзом, а личные связи между ними установились в сентябре 1808 года во время Эрфуртской встречи, на которой Талейран присутствовал в качестве дипломатического советника императора французов. Именно там Талейран по собственной инициативе начал сближение с русским царем, произнося наедине с ним поистине удивительные слова для того, кто вообще-то должен был служить интересам Наполеона: «Вы должны спасти Европу, а вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону. Французский народ — цивилизован, французский же государь — нецивилизован; русский государь — цивилизован, а русский народ нецивилизован; следовательно, русский государь должен быть союзником французского народа». И еще: «Рейн, Альпы, Пиренеи — вот завоевания Франции, остальное — завоевания Наполеона: Франция за них не держится»³¹. С точки зрения Талейрана, не одобрявшего войну в Испании, политика территориального расширения наполеоновской Франции ставила под угрозу безопасность Европы и могла привести только в тупик. Это было причиной его «открытости» Александру и измены Наполеону.

В сентябрьские дни 1808 года между царем и Талейраном установилось настолько полное доверие, что Александр показал Талейрану окончательный проект «тайной» Эрфуртской конвенции, и они оба стали работать над тем, чтобы уменьшить ее значение. Когда же Наполеон поделился с Талейраном своим намерением развестись с Жозефиной и попросить в жены одну из сестер царя, князь, не одобрявший этот проект, немедленно открылся Александру I, и тот поспешно выдал свою сестру Екатерину за Георгия Ольденбургского... Итак, уважение было обоюдным, что, впрочем, не означало абсолютного доверия: в душе князь Беневентский продолжал остерегаться «северных варваров» и союзу с Россией предпочитал союз с Австрией. В свою очередь, Александр I, уважая аналитический ум и интеллектуальные способности Талейрана, порой возмущался его поведением и его корыстолюбием: после Эрфурта князь требовал вознаграждения за ту информацию, которую он присылал царю. Чтобы сохранить тайну, векселя посылались не через русского посла, а через Карла

фон Нессельроде, в ту пору молодого дипломата, работавшего в Париже. Ненасытная алчность Талейрана часто раздражала царя, который, наконец, стал отказывать ему в вознаграждении... Впрочем, все эти трудности, возникавшие в их отношениях, оставались малозначительными по сравнению с близостью взглядов Александра и Талейрана и их особым взаимопониманием, восходившим к 1808 году. Поэтому в том, что князь Беневентский завязал сношения с царем, не было ничего удивительного.

В этом решении имелся определенный риск: на него пошел человек, который – по крайней мере формально – оставался членом Регентского совета. А по мнению близкого друга князя Беневентского, герцога де Дальберга, осторожность была второй натурой Талейрана: «Вы не знаете эту обезьяну. Она не рискнет обжечь краешек лапы, даже если каштаны будут только для нее»³². Поэтому, чтобы выйти на связь с окружением царя, Талейран прибег к совершенно невероятным предосторожностям. Поскольку его почерк был хорошо известен и его легко могли узнать, князь Беневентский прибег к перу Дальберга; для большей надежности он приказал написать письмо симпатическими чернилами; наконец, он его отправил с бароном де Витролем, убежденным монархистом, который вернулся во Францию по амнистии времен Консульства и стал инспектором императорских овчарен. 11 марта эмиссар вышел в Шатильоне, встретился с Меттернихом и Нессельроде и передал русскому вице-министру знаменитое письмо, в котором было написано: «Человек, который передаст вам это послание, заслуживает всяческого доверия. Пришло время сказать ясно: вы ходите на костылях. Станьте на собственные ноги и пожелайте всего, чего сможете»³³. Нет никаких сомнений, что это туманное послание действительно повлияло на союзников, убедив их быстрее двинуться на Париж, и сам Нессельроде, оказавшись во французской столице, признается графине де Буань, «достав из своего портфеля малюсенький бумажный листик, изорванный и скомканный», что именно этот документ стал причиной того, что армия коалиции «рискнула пойти на Париж»³⁴. Вместе с тем, если царь и его помощник и прислушались к посланию Талейрана, это было вызвано тем, что оно появилось в нужный момент и подтвердило их собственные мысли.

Хотя к середине февраля Александр I, казалось, согласился на реставрацию монархии во Франции, это было вынужденным решением, принятым с целью спасти коалицию. Но в марте положение союзников на поле боя улучшилось, а Александр I все в большей степени представлял лидером коалиции, и русские решили взять под контроль все вопросы дипломатии и геополитики. Об этом свидетельствует

адресованная Александру I и датированная первой половиной марта записка Поццо ди Борго³⁵. Документ полностью подчиняется трем главным идеям. Во-первых, необходимая тактика: с точки зрения дипломата, нужно как можно быстрее двигаться к столице, поскольку наполеоновская Франция в высшей степени централизована, и когда столица будет покорена, провинция последует за ней. Но для этого необходимо – и это вторая главная идея записки, – чтобы вступление в Париж прошло как можно более мирно, без провокаций:

«Принять как общее правило, что ни одно коалиционное войско не будет расположено и расквартировано в самом Париже. Город будет легче сдерживать, а в армии будет меньше испорченности и больше дисциплины. (...) Если какая-либо другая армия приблизится к Парижу раньше той, в которой лично находится Ваше Величество, генерал этой армии в своих переговорах с городом ограничится тем, что заверит парижан от лица Вашего Величества и союзников, что первой заботой будет обеспечить спокойствие столицы».

Озвучив эти требования, Поццо ди Борго, будучи убежденным либералом, подчеркивает, что «свержение политической власти Наполеона» должно будет со временем – и вот третья идея записки – позволить Франции, «избавленной от тирании, выбрать себе стабильное и мирное правительство». Чтобы добиться этой цели, он предлагает запустить процесс, этапы которого он подробно описывает:

«Когда Париж будет удовлетворен и спокоен по поводу своего ближайшего будущего, следует попытаться собрать орган, который будет временно представлять Францию; Законодательного корпуса и даже малой части этого корпуса будет достаточно, чтобы говорить от имени нации (...) Первым из этих актов должна стать прокламация о лишении Наполеона императорской власти.

Вторым – создание временного Верховного правительства, в ожидании того момента, когда нация, мнения которой будут спрашивать более регулярно, выберет себе постоянное правительство. (...)

Как только прозвучит сообщение о низвержении Наполеона, союзники должны издать формальный акт, сообщающий, что у них нет другого врага во Франции, кроме Наполеона, и тех, кто ему повинует, и, следовательно, они считают, что находятся в мире со всеми властями и всеми провинциями, которые присоединяются к акту Законодательного корпуса»³⁶.

Этот текст чрезвычайно важен: он свидетельствует о том, что в середине марта ближайшее окружение царя планировало военный поход на Париж с целью свержения Наполеона и водворения правительства, которое представляло бы интересы французской нации: таким образом, русские еще не планировали реставрации Бурбонов.

Подготовка к броску

Отправляясь на фронт, Наполеон оставил Жозефу недвусмысленные указания: он был обязан ни в коем случае не думать о том, чтобы уступить столицу неприятелю и «не начинать подготовки к тому, чтобы покинуть Париж», и «упокоиться под его руинами, если это потребуется»³⁷.

Но удерживать город и организовывать его оборону стало невыносимо трудным делом. 16 марта в Париже было всего 25–30 тысяч солдат под командованием маршала Монсе, а также тысяча солдат элитных подразделений, тысяча жандармов, «11 500 бойцов Национальной гвардии, из которых 3000 были вооружены пиками»³⁸ и студенты Политехнической школы, которые могли служить артиллеристами³⁹, – иначе говоря, для обороны города можно было оперативно мобилизовать примерно 40 тысяч пехотинцев и 5500 всадников. Вне города парижане могли рассчитывать лишь на войска Мармона (15–20 тысяч человек), Мортье (10–15 тысяч человек) и три польских подразделения – в целом не более 80 тысяч солдат. Париж был уязвим, а таможенная стена, или стена генеральных откупщиков, по всеобщему мнению, не была надежной защитой: ее высота не превышала трех метров, и хотя в некоторых точках, например, на заставе Клиши, имелось несколько артиллерийских орудий, их обороноспособность была невелика. В начале марта Наполеон подумывал включить в Национальную гвардию безработных рабочих. Но Жозеф возразил ему, что это ничего не даст по причине отсутствия оружия, а Паскье предостерег императора против возможного мятежа:

«Прежде всего, следует опасаться взбудоражить парижское население. Неизвестно, куда это может нас завести. Если парижане придут в движение, их легко будет увлечь всем фракциям. Они очень несчастны. Будет до крайности легко подтолкнуть их к отчаянным мерам против тех, кто ими управляет, и не будет недостатка в людях, способных извлечь выгоду из подобных настроений. И даже самая презренная чернь, которую, вероятно, на двое суток можно поставить на службу правительства, на третий день, возможно, обернется против нас»⁴⁰.

Это заявление показывает всю глубину взаимного недоверия, воцарившегося между властными элитами и народом, а также полную неспособность должностных лиц режима преодолеть это недоверие в годину величайшей опасности для страны. Это положение тем более удивительно, что в это же самое время полицейские доклады, представляя собой прямую противоположность утверждениям Паскье, свидетельствовали, что в январе, феврале и марте народ продолжает твердо стоять на бонапартистских позициях⁴¹; когда же в середине марта начались первые попытки организовать сопротивление вра-

гам⁴², они исходили из небольших городов, населенных рабочими парижских предместий, подобных Сен-Дени, в то время как сам Париж, казалось, уже был парализован надвигающейся угрозой. Мы видим, насколько плохо Паскье понимал психологический настрой французов. Впрочем, какими бы сомнительными ни были его суждения, очевидно, что 28 марта столица представляла собой унылое зрелище, а жители отнюдь не выглядели склонными к сопротивлению:

«Ужас достиг своего предела. (...) Одна за другой приходят повозки с ранеными; войска, покидавшие город только вчера, уже выведены из строя; отправляют новых солдат, которые должны остановиться в Пантене и защищать подступы к Парижу. На моих глазах проехало несметное множество артиллерийских орудий. Париж в панике, а улицы Сен-Мартен и Сен-Дени невозможно перейти, настолько они заполнены уходящими войсками, прибывающими ранеными и крестьянами, которые бегут в Париж целыми деревнями, таща за собой свои семьи и даже свой скот. Несчастные женщины несут своих детей и оплакивают мужей, с которыми они уже и не знают, где увидятся; мужья ищут своих жен, потерявшихся в толпе: повсюду стоны, крики и плач»⁴³.

А вот в русском лагере царило воодушевление. Находясь в Куломье, граф фон Нессельроде писал своей жене:

«Я по-прежнему чувствую себя настолько хорошо, насколько это возможно, и, чтобы доказать это тебе, я скажу, что этой ночью я проспал девять часов в лучшей из постелей, а сейчас только что съел каплуна из Ле-Мана, каковой каплун был отправлен маршалу Нею и принцу Московецкому его супругой, но перехвачен нашими казаками вместе с ликерами. Мы находимся в пятнадцати лье от Парижа, и завтра мы будем под стенами этого знаменитого города с двухсоттысячной армией. Так что я надеюсь, что вы будете довольны нами, хотя на некоторое время и будете лишены наших новостей. (...) Прощай, милая Мария, я тебя нежно целую»⁴⁴.

Нессельроде был не одинок в своем оптимизме. В рядах русских солдат настроение было добродушным и шутивым. Когда батарея Ивана Радужицкого «двигалась по дороге, раздался крик: “Направо, налево, раздайсь!”, что обычно делалось, когда через колонну проезжал генерал или сам император. На этот раз, однако, под гиканье “Васька идет в Париж! Направо, налево, раздайсь!” посреди дороги бежал Васька – козел, который, по убеждению солдат, приносил им удачу»⁴⁵.

В этот же день, 28 марта, Жозеф, уже много дней не получавший вестей от Наполеона, решил вечером в половине девятого созвать в Тюильри чрезвычайный совет. В нем приняли участие наместник империи, сама императрица, три важнейших сановника империи – Камбасерес, Лебрен и Талейран, а также судья Моле, председатель Сената и все министры, кроме отсутствовавших в Париже герцогов де

Бассано и Виченцкого⁴⁶. Совет должен был принять решение по важнейшему вопросу: должны ли императрица и римский король остаться в Париже или покинуть его, отправившись в надежное место? Началась дискуссия. За отъезд высказался военный министр Кларк, а вот Декре, министр флота, и Ровиго, министр полиции, предложили, напротив, привести императрицу и ее сына в ратушу, чтобы символически отдать их под защиту парижского народа. Министры считали, что пока Мария-Луиза, дочь австрийского императора, находится в Париже, столице ничто не угрожает. Их доводы произвели впечатление: все, кроме Кларка, включая даже Талейрана, высказались за то, чтобы семья Наполеона оставалась в Париже⁴⁷. Но в этот момент Жозеф, который до той поры не голосовал и не высказывал своего мнения, достал письмо Наполеона, датированное 16 марта:

«Дорогой брат! Согласно инструкциям, данным Вам устно и в соответствии с духом всех моих писем, Вы ни в каком случае не должны допустить, чтобы императрица и Римский король попали в руки неприятеля. Я буду маневрировать так, что, возможно, Вы в течение нескольких дней не получите от меня никаких известий. Если неприятель приблизится к Парижу с такими силами, что всякое сопротивление окажется невозможным, отправьте в направлении Луары регентшу, моего сына, сановников, министров, барона де ла Буйери и казну. Не покидайте моего сына: помните, что я предпочел бы видеть его в Сене, чем в руках врагов Франции. Участь Астианакса, пленника греков, казалась мне всегда самой несчастнейшей в истории»⁴⁸.

Письмо вызвало потрясение среди членов совета, но приказа императора никто не мог послушаться, и было решено, что на следующий же день императрица и ее сын уедут в Рамбуйе. Ночью была проведена ускоренная подготовка к отъезду, и на следующее утро мать и ребенок, в сопровождении Камбасереса, покинули Тюильри. 30 марта Мария-Луиза и Римский король были в Шартре, 31-го в Шатодене, 1 апреля в Вандоме, а 2-го в Блуа: именно там спустя несколько дней императрица узнала об отречении Наполеона⁴⁹.

Отбытие Марии-Луизы и ее сына отнюдь не осталось незамеченным:

«Этим утром беспорядок, царивший всю ночь в Тюильри, оказался выставлен напоказ. Через открытые окна был виден свет сгоравших в факелах свечей. Придворные дамы и слуги бегали из комнаты в комнату, некоторые плакали, все были в крайней растерянности. В половине седьмого пятнадцать фургонов покинули дворец под эскортом кавалерии. Часовые, стоявшие во дворе, не позволяли зевакам подходить к зданию. В восемь часов дорожные кареты выстроились перед тем входом во дворец, что поблизость от павильона Флоры. (...) В половине одиннадцатого императрица, одетая в нечто вроде коричневой амазонки, вместе с сыном поднялась в экипаж, окруженный отрядом императорской гвардии.

Кареты ехали, окруженные многочисленными зрителями, в абсолютной тишине. Они проехали по набережной, вдоль садовой ограды. За ней ехали другие кареты, в которых находились слуги, а также укрытая покрывалом коронационная карета. Это дефиле продолжалось вплоть до семи часов утра последующего дня!»⁵⁰

Скорый отъезд и тот факт, что свиту Марии-Луизы составило великое множество колясок и лошадей – по словам генеральши Дюран, ее первой фрейлины, только императрица лично задействовала двести лошадей, – сразу же произвели впечатление стремительного бегства. В этот же день Жозеф вывез из Парижа Регентский совет – кроме самого Жозефа, в столице остались лишь два члена совета, а именно Талейран и архиказначей Лебрен, – и перевел правительство в Блуа. «Вместе с ними город покинуло около 2000 солдат императорской гвардии, которым, безусловно, можно было бы найти лучшее применение во время обороны Парижа»⁵¹.

Отъезд Марии-Луизы оказал катастрофическое воздействие на моральный дух парижан. Они считали, что императрица покинула их. Утром во вторник 29-го госпожа де Мариньи писала в своем дневнике: «Опасность крайняя. Императрица уехала вместе с семьей Бонапарт. Весь Париж в ужасе; хотят выдвинуть Национальную гвардию; говорят, что союзников 125 тысяч»⁵². Как мы видим, 29 марта столичные жители были в смятении.

Интересно, что именно в этот день царь и Барклай де Толли обсуждали вопрос о том, как обеспечить вступление союзных войск в Париж и по мере возможного избежать каких-либо перегибов. Они оба считали, что этого надо достичь любой ценой. Об этом свидетельствует весьма решительное письмо, которое Александр I днем раньше отправил наследному принцу Вюртембергскому, чьи войска в первые недели французской кампании предались насилию над мирными жителями:

«Для пользы дела, которое мы защищаем, крайне важно завоевать симпатии населения, ибо только таким образом мы можем льстить себя надеждой достичь конечной цели наших стремлений, приобщив жителей к нашей борьбе против деспотической власти, их угнетающей. Для этого ничто не является столь необходимым, как поддержание строгой дисциплины с целью предотвратить беспорядки, которые могли бы возбудить население против нас. Убедительно прошу Вас, принц, принять в этом смысле строжайшие меры, требовать, чтобы каждый командир отряда нес личную ответственность за возможные эксцессы, одним словом, употребить все имеющиеся в Вашем распоряжении средства, чтобы осуществить мои намерения. Я придаю этому вопросу самое большое и серьезное значение, и приняв его близко к сердцу, дорогой принц, Вы дадите тем самым яркое доказательство Ваших чувств и проявите столь свойственную Вам возвышенность души и человеколюбие»⁵³.

Требую от войск коалиции образцового поведения при вступлении в Париж, Александр стремился продемонстрировать парижанам великодушие, чтобы добиться спокойствия города в ключевой момент, когда положение дел еще могло измениться: союзники не исключали того, что 600-тысячный город восстанет против них...

Чтобы поддержать дух парижан и убедить их в необходимости противостоять союзникам, во второй половине дня 29 марта Жозеф расклеил по улицам столицы прокламацию, обращавшуюся к патриотическим чувствам населения:

«Граждане Парижа, вражеская колонна движется на Мо, приближаясь по германской дороге; но император следует за ней во главе победоносной армии. Регентский совет позаботился о безопасности императрицы и римского короля. Я остаюсь с вами. Вооружимся для защиты этого города, его памятников, его богатств, наших жен, наших детей, всего, что нам дорого. Сохраним французскую честь!»⁵⁴

Но непопулярный Жозеф стал лишь мишенью саркастических нападок и грубых шуток. Вскоре про него начали петь песенки:

Жалкий бледный сир Жозеф
Нас собой спасает всех.
Если он нас не спасет –
Уж себя-то сбережет⁵⁵.

29 марта, когда генералы Мармон и Мортье прибыли в окрестности Шарантона, а защита столицы выпала на долю генерала Монсе. союзники, армия которых в совокупности насчитывала 180 тысяч. стремительно наступала тремя колоннами вдоль правого берега Сены, сжимая Париж в стальных объятиях.

Правая колонна, под командованием Блюхера, состояла из основных сил Силезской армии. В частности, в ее составе находились корпуса Йорка, Клейста и Ланжерона, а также пехота Воронцова – в общей сложности 90 тысяч пруссаков и русских. Она форсировала Марну, оттеснив дивизии Компана и Ледрю дез Эссара за Кле, двинулась вперед по равнине Сен-Дени и вскоре остановилась у Клиши и Монмартра, которые ей было поручено атаковать. Центральная колонна, состоявшая из корпуса Раевского, гвардии и резервных войск Баркляя де Толли, насчитывала 60 тысяч русских и пруссаков: ее сопровождали царь и прусский король. Она переправилась через Марну в Мо и должна была направиться к Роменвильскому плато. Левая колонна состояла из 30 тысяч австрийцев и вюртембергцев под командованием принца Вюртембергского. Они двигались через Ланьи и должны были завладеть Шарантоном. Переправившись через Марну в Мо, они должны были следовать вдоль реки вплоть до Нейи-сюр-Марн, а затем пересечь Венсенский лес и захватить высоты Ша-

рон и Трон. Наконец, в Мо и Куломье по-прежнему находились корпуса Остен-Сакена и графа фон Вреде, задачей которых было отбить нападение Наполеона, если оно воспоследует.

Утром 29 марта по требованию Александра I Шварценберг отправил гонца с предложением мира в Компан, где находились французские аванпосты. Прозвучавшее в последний час мирное предложение, составленное Нессельроде и Поццо ди Борго, означало последнюю возможность избежать сражения:

«В нынешних обстоятельствах городу Парижу дарована возможность ускорить заключение всеобщего мира. Его желаний ждут с заинтересованностью, которую внушают столь великие последствия. Пусть же Париж скажет свое слово – и армия, находящаяся под его стенами, поддержит его решение... Парижане, вы знаете, как повел себя Бордо. Если вы последуете этому примеру, война закончится»⁵⁶.

Но это предложение, открыто призывавшее к восстанию и свержению императора, вызвало негодование французских аванпостов, и было отвергнуто, сделав столкновение неизбежным.

Причина этого предложения заключалась в том, что союзники, хотя, казалось бы, и решились покончить с Наполеоном, все еще не решались вступить в бой. Действительно, на военном совете, состоявшемся 29 марта в замке Бонди⁵⁷, находившемся теперь под властью союзников, в котором приняли участие российский император, прусский король, Блюхер, Барклай де Толли и Нессельроде, обнаружилось новые сомнения: союзники понимали, что если Париж начнет вооруженное сопротивление, на взятие города им потребуется два-три дня; отрезанные от тыловых баз снабжения, они рискуют быстро оказаться без съестного и боеприпасов; кроме того, если осада Парижа затянется, этим временем, вероятно, сможет воспользоваться Наполеон, чтобы устремиться на помощь городу. Но царь покончил с этими сомнениями и колебаниями, подтвердив решение атаковать Париж на следующий день. Однако он и сам отнюдь не являл собой пример безмятежности: «Пребывая в тяжелом замешательстве, я ушел в свои апартаменты. (...) Я вознес пылкие молитвы Богу и, наполнившись уверенностью, уже не сомневался в успехе»⁵⁸. Вечером 29 марта Ланжерон взял Бурже, Йорк прибыл в Оне, а Воронцов завладел городом Вильпент, где Блюхер разместил свой генеральный штаб. Александр I, прусский король и Шварценберг все еще находились в замке Бонди, а их солдаты пребывали в состоянии лихорадочной возбужденности и в то же время беспокойства:

«Высоты, окружающие Париж, освещены были также огнями неприятельскими, между которыми приметны были движения. Все предвещало день, в который надлежало решиться участи вселенной. Положено было рано поутру атаковать неприятеля, буде он вознамерится сопро-

тивляться. Одни думали, что кровопролитие будет ужасное и что жители Парижа погребут себя под развалинами оного; другие же мыслили, что Париж надлежало защищать на берегах Рейна, а не на высотах Монмартра, и надеялись, что жители сдадутся»⁵⁹.

Французские войска встречали армию коалиции, занимая три позиции: справа – высоты Бельвиля, Менильмонтана и холма Сен-Шомон (в настоящее время носящего имя Бютт-Шомон); в центре – Уркский канал; слева – территорию, простиравшуюся от Монмартра до Нейи.

План союзников, окончательно утвержденный вечером 29 марта, предусматривал начало нападения в пять часов утра: правая колонна должна была завладеть Монмартром, центральная – Роменвильским плато и Бельвильскими высотами, левая, наступая между Шарантоном и Венсеном, должна была захватить Тронную заставу, которую защищали шесть рот гренадеров Национальной гвардии и студенты Политехнической школы с 28 артиллерийскими орудиями.

«Схватка идет на парижских заставах»

На заре 30 марта Жозеф и Кларк приказали разместить на высотах Бельвиля и Монмартра 84 артиллерийских орудия в сопровождении 1200 солдат императорской гвардии и элитного подразделения жандармов; но они так и не решились вооружить население и Национальную гвардию, хотя оружие у них еще было. Вдова Дюран, первая фрейлина императрицы Марии-Луизы, впоследствии рассказывала:

«Вся Национальная гвардия была наготове. Я не скажу, что они были вооружены, ведь у многих были только пики. Командиры потребовали оружие у герцога де Фельтр⁶⁰, и тот сказал, что у него ничего нет. Но когда в город вошли союзные войска, они нашли еще весьма значительные оружейные склады»⁶¹.

На рассвете 30 марта, когда войска еще не начинали двигаться, с французских аванпостов пришел «посланец», архитектор Пейр, городской инженер и капитан пожарной службы. Попав в плен, Пейр, по мнению Михайловского-Данилевского, полумертвый от страха, провозгласил себя посланцем французской армии. На самом деле у него не было ни одного официального документа, который подтверждал бы его миссию – Пейр придумал ее себе сам, чтобы избежать смерти. Сильно сомневаясь в его статусе, Александр I, тем не менее, принял его и поручил ему передать французскому главнокомандующему свое требование сдать Париж, а также, что он находится у стен города со всей своей армией и что воюет не с Францией, а с Наполеоном. Как мы видим, царь был по-прежнему сторонником великодушного подхода,

разработанного совместно с союзниками в декабре 1813 года. Но теперь, как свидетельствовало содержание разговора, состоявшегося между Александром I и его адъютантом графом Михаилом Орловым на заре 30 марта, великодушие отнюдь не означало нерешительности. Орлов вспоминал этот разговор так:

«Ступайте, – сказал он мне, – я даю вам право остановить огонь везде, где вы сочтете это нужным. И для того, чтобы предупредить и отвратить все бедствия, облакаю вас властью, не подвергаясь никакой ответственности, прекращать самые решительные атаки, даже обещающие полную победу. Париж, лишенный своих рассеянных защитников и своего великого мужа, не будет в состоянии противиться. Я твердо убежден в этом. Богу, который даровал мне могущество и победу, угодно, чтобы я воспользовался тем и другим только для дарования мира и спокойствия Европе. Если мы можем приобрести этот мир не сражаясь, тем лучше; если же нет, то уступим необходимости, станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже»⁶².

На рассвете 30 марта во всех кварталах Парижа прозвучал сигнал к общему сбору. Множество рабочих собрались на бой барабанов и вызвались защищать свой город, но когда раздались залпы вражеской артиллерии, парижанам, требующим ружей, выдали только пики, что выглядело как издевательство.

В 5 часов утра Мармон, прибывший из Сен-Манде, нанес первый удар по войскам коалиции – он двинулся на Роменвиль, чтобы захватить плато, находившееся в руках русских под началом Раевского. Мортье выдвинул ему в помощь артиллерию из Вилета, и вскоре, когда кавалерия Бельяра закрепилась на равнине Сен-Дени, Пантен был взят молодыми героями, недавно набранными в армию «мария-луизами» под командованием Буайе де Ребеваля. На этом этапе сражения войска коалиции дрались медленно и неэффективно. Однако уже в 8–9 часов утра начались бои с переменным успехом: русские вновь отбили у французов Пантен, затем вновь его потеряли. Французы сумели сдержать наступление русских войск Раевского, а на отдельных участках боя и заставить их отступить. Звуки отчаянного боя доносились до самого Парижа, вызывая живое беспокойство:

«Сейчас восемь часов. Мы встали уже в половине седьмого. Схватка идет на парижских заставах, отчетливо слышен шум ружей и пушек. Боже! Боже! Спасите нас от ужасов войны. Мы поднимаемся, мы спускаемся, мы уже не знаем, где мы. На заставах сражаются, каждую минуту гибнут сотни людей, сотни творений Господа, созданных Им для счастья и добродетели. Они перерезают друг другу глотки, о Боже, они убивают друг друга. Каждую минуту слышны крики отчаяния детей и жен бойцов»⁶³.

Тем временем Мортье, в задачу которого изначально входило занять пространство между Виллетом и Монмартром и который направил многих своих солдат на поддержку левого фланга Мармона, остался почти без людей: для защиты ворот Парижа у него не было никого, кроме дивизии Кристиани, в 9–10 часов утра закрепившейся у Виллета и Шапели. Но в долине Уркского канала французские войска отважно сопротивлялись полкам русских кирасир. Таким образом, в первой половине утра положение складывалось в пользу французов, тем более что сам Блюхер еще не присоединился к бою: лишь в 7 утра 30 марта он получил приказ, отправленный из Бонди накануне в 11 часов вечера, повелевавший ему двинуться на Монмартр в 5 часов утра⁶⁴.

С самого начала утра Жозеф, Кларк, Юлен и их штабы прибыли на Монмартр, на холм Пяти Мельниц; оттуда брат Наполеона с беспокойством наблюдал приближение войск Ланжерона. К 11 часа утра архитектор Пейр прибыл на Монмартр с поручением от Александра I и потребовал аудиенции с Жозефом и его полководцами. Он передал им несколько копий прокламации Шварценберга, а Жозефу сообщил слова царя: «Мы по-прежнему будем готовы к переговорам, даже если схватка перекинется на парижские предместья; но если нам придется ворваться за линию городских стен, мы уже не сможем остановить наши войска и помешать грабежу»⁶⁵. Примерно в это же время Жозеф, уже колебавшийся под воздействием заявлений Александра, впервые заметил войска Блюхера, которые, стремясь компенсировать свое опоздание, стремительно наступали на равнину. Наместник Императора, со все большим беспокойством взиравший на появление полчищ солдат, немедленно созвал военный совет, состоявший из министров Кларка, Дарю и Декре, а также генерала Жана Матье Филибера Серюрье, главнокомандующего парижской Национальной гвардией, и парижского коменданта Юлена. Настроение членов совета было мрачным. Под воздействием царившего пессимизма в четверть первого Жозеф решил отправить маршалам Мармону и Мортье записку со следующими словами:

«Если господа герцог Рагузский [Мармон] и герцог Тревизский [Мортье] уже не могут удержать свои позиции, им дозволяется войти в переговоры с князем Шварценбергом и русским императором, находящимися перед ними. Они отойдут на Луару»⁶⁶.

И наместник Наполеона немедленно покинул Монмартр. Он сам отправился к Луаре, и приказал другим высокопоставленным лицам наполеоновского режима последовать за ним. Некоторые повиновались, но другие, в том числе Талейран, предпочли остаться в Париже.

На этот момент бой по-прежнему шел с переменным успехом, но войска коалиции, чья численность продолжала расти, понемногу брали верх. К 11 часам утра принц Вюртембергский заметно продвинулся: он взял Монтрэй, Венсен, Шарантон и Берси и одолел студентов Политехнической школы, сражавшихся у Тронной заставы. В полдень вступили в бой первые русские и прусские резервы под предводительством Барклая де Толли. Девять тысяч русских grenадеров ударили на Роменвиль и Монтрэй, а прусская королевская гвардия к часу дня взяла Пантен. Четверть часа спустя Мармон прочитал записку Жозефа, но решил продолжать бой: он надеялся продержаться до ночи. В половине третьего союзники одновременно пошли в атаку, стремясь завладеть всеми позициями на флангах Мармона⁶⁷; Блюхер атаковал нижнюю часть Монмартра, а Шварценберг пытался вновь захватить Роменвиль. Сражение за плато оказалось тяжелым: шесть раз солдаты Мармона отбивали атаки русских солдат, но под конец у них уже не оставалось сил. Одновременно был атакован Пантен, и дивизии Компана и Буайе де Ребеваля, вынужденные отойти к Бельвилю, бросили почти всю свою артиллерию. В Виллете и Шапели дивизия Кристиани противостояла натиску корпусов Клейста, Йорка и Воронцова. Пехота Ланжерона, завладев Обервилье, Сент-Уаном и Клиши, атаковала Монмартр: союзники были у ворот столицы. Войска Мортье отступили к заставе Клиши, где они объединились с Национальной гвардией Монсея. Но хотя перед заставами бой шел отчаянный, союзные генералы не шли в атаку: царь специально запретил подходить к заставам и атаковать их⁶⁸.

Войска Мармона отступали на всех направлениях, а его потери, если считать пропорционально, были куда серьезнее, чем потери неприятеля: обе стороны потеряли по девять тысяч убитыми и пропавшими без вести, но французов было вдвое меньше⁶⁹. К 4 часам дня маршал решил направить к союзникам трех парламентаров (из которых лишь один сумел добраться до цели) с предложением заключить перемирие. Царь категорически отказался⁷⁰: не могло быть и речи о том, чтобы приостановить сражение и дать Наполеону время явиться на помощь своим войскам. Он отправил к Мармону графа Орлова, решительно требуя сдачи города. Русский посланник оставил яркий рассказ об этой импровизированной встрече, набросав вместе с тем и интересный портрет герцога Рагузского:

«Он стоял со шпагою в руке, ободряя разреженные батальоны своими движениями и голосом к отчаянной защите. Вид имел он твердый и воинственный, но печальное лицо обнаруживало грызущую заботу человека государственного, на котором лежит огромная ответственность. Эта ответственность тяготела на нем одном вся вполне; он, казалось, уже тогда предвидел, что делается целью, на которую устремятся все напад-

ки партий, и жертвою раздраженной гордости национальной. Опасность была крайняя и каждая минута драгоценна. Слова герцога были сильны и коротки; решимость его быстра и полна. Увидев меня, он тотчас подошел ко мне и сказал без всяких околичностей:

– Я герцог Рагузский. Вы кто?

– Полковник Орлов, флигель-адъютант Его Величества императора всероссийского, который желает спасти Париж для Франции и мира.

– Это также наше желание и единственная надежда; без того всем нам осталось бы только умереть здесь. Условия ваши?

– Огонь остановится; французские войска войдут за укрепленные заставы; тотчас назначить комиссию для переговоров о сдаче Парижа.

– Согласен, и буду с герцогом Тревизским ждать вас у Пантенской заставы. Итак, к делу; прекратим, не мешкая огонь по всей линии. Прощайте!»

Орлов поскакал обратно, но, охваченный сомнением, не зная, что Ланжерон уже почти взял Монмартр, он вернулся к Мармону и спросил его: «Высота Монмартрская также должна быть очищена от французских войск?» Он [Мармон] подумал с минуту и отвечал: «Разумеется, она находится вне укрепленных застав»⁷¹. И Орлов не без восхищения отметил, наблюдая французские войска: «Борьба закончилась, но неизменно и во всей полноте своей сохранилась преданность»⁷².

Сдача

Когда принципиальное соглашение о сдаче города было достигнуто, Александр I составил небольшую группу людей, которым было поручено договориться об условиях капитуляции Парижа. В нее вошли Нессельроде, Орлов, камергер империи капитан Петерсон и полковник Парр, адъютант князя Шварценберга. Вначале эта группа явилась к Пантенской заставе и встретила там Мармона, затем – в Шапель, где их ждал герцог Тревизский. Переговоры начались в трактире «Au Petit Jardin» неподалеку от заставы Сен-Дени. Дадим слово Орлову:

«Разговор поддерживал один герцог Рагузский, входя во все подробности переговоров. Надобно думать, что маршалы заранее согласились как обоим действовать. Герцог Рагузский принял на себя политическую роль, а герцог Тревизский чисто военную: вывод войск из города и направление колонн»⁷³.

Общение было натянутым. Нессельроде требовал абсолютной сдачи города и полного разоружения гарнизонов, но маршалы возражали, заявляя «единодушно, что лучше погребут себя под развалинами Парижа, чем подпишут такую капитуляцию»⁷⁴. В 6 часов вечера.

так и не продвинувшись вперед, представители коалиции отправились к царю и вернулись через час с новым предложением. Оно было менее унижительным: французским солдатам разрешили сохранить свое оружие, но они были обязаны покинуть зону боевых действий и направиться в Бретань. Таким образом, речь снова шла о разоружении, хотя и завуалированном, и оба маршала вновь с возмущением отвергли предложение. Потеряв всякое терпение, герцог Тревизский отказался участвовать в дальнейшей дискуссии и вернулся к своим войскам, заявив, что полностью полагается на решение герцога Рагузского. Оставшись в одиночестве, Мармон не уступал своих позиций ни на йоту; солнце садилось, на часах было восемь часов вечера, а представителям двух армий так и не удалось ни о чем договориться. Орлов начинал бояться, что под покровом темноты французские войска, в особенности войска герцога Тревизского, с легкостью отступят. Опасаясь, что «завтра на заре мы найдем Париж, предоставленный его собственным силам, а оба маршала будут на походе для соединения с Наполеоном», он желал любой ценой как можно быстрее добиться конкретного результата. Чтобы убедить Мармона в своей искренности, он, с одобрения Нессельроде, предложил себя в «заложники»: он согласился последовать за герцогом Рагузским в Париж и продолжить переговоры там, а Нессельроде, со своей стороны, обязался не возобновлять нападения на Париж, пока молодой посланник не вернется на русские аванпосты. Когда соглашение было заключено, Орлов отправился в путь вместе с Мармоном и прибыл в дом № 51 на улице Паради, где находился особняк маршала.

Прибыв на место, Орлов с удивлением обнаружил, что в особняке присутствует множество наполеоновских сановников. Дело в том, что, хотя парижане еще не знали о предстоящей капитуляции, многочисленные высокопоставленные лица, как гражданские, так и военные, те, кто не последовал за Жозефом, явились к маршалу за новостями:

«Там были Шаброль, префект Сены, Паскье, префект полиции, Лавалет, генеральный директор почт, генерал де Жирарден, адъютант Бертье, прибывший из Труа в восемь часов вечера, Бурьен, барон Луи, Лаффит, сенаторы, депутаты, члены муниципального совета, главы легионов Национальной гвардии»⁷⁵.

Орлов пытался завязать куртуазный разговор с сановниками, но «несчастье принесло горький плод свой»⁷⁶, и ситуация отнюдь не располагала к разговорам. В адрес посланника звучали язвительные замечания. Но постепенно атмосфера разрядилась:

«В первые минуты заложник союзных держав должен был отразить не одну эпиграмму, выдержать не одно сражение. (...) Такая война слов и

фраза продолжалась бы еще более, если бы они не заметили, со свойственной французскому народу вообще сметливостью в разговоре, что существенно ни в мыслях моих, ни в чувствованиях не было ничего особенно враждебного для их самолюбия. Мало-помалу эпиграммы заменились разговором более дружелюбным, и не более как через час мы уже беседовали так откровенно и приятельски, что все были довольны друг другом. Военные и другие анекдоты лились рекой, и много раз с обеих сторон позабывали суровость обязательств и взаимных отношений»⁷⁷.

И по мере того как завязывался диалог, Орлов с большим удивлением обнаруживал, что французские офицеры ностальгируют по союзу с Россией, заключенному в Тильзите и укрепленному в Эрфурте:

«Не должно было пытаться говорить им о других нациях, воевавших с ними; здесь их предубеждение превосходило все границы умеренности. В глазах их, австриец только нетерпеливо желал воспользоваться развалинами их военной фортуны; пруссак – только возмущившийся побежденный, которого должно наказать; англичанин – существо в высшей степени вероломное и ненавистное. Все эти восклицания оканчивались сожалением об отступлении от того, что французы называли Эрфуртской политикой. “Если бы, – говорили они, – оба императора остались друзьями, то они разделили бы между собой весь мир”. “Но, – добавили некоторые вполголоса, – и весь мир был тесен для Наполеона”. Это было самое смелое слово, какое только они произнесли передо мною»⁷⁸.

За исключением Лавалетта и генерала де Жирардена, высказавшихся против капитуляции, все говорили уже о свержении Наполеона и реставрации Бурбонов; но Мармон, хотя и колебался, все еще не мог на это решиться. Но вот в 10 часов вечера на улицу Паради прибыл Талейран, сразу же потребовав разговора с маршалом с глазу на глаз. «Хромой дьявол» не случайно пришел сюда; напротив, он заранее подготовился к этой встрече, прибегнув еще днем к хитрой уловке. Просчитав каждый шаг на случай возвращения Наполеона, чтобы иметь возможность доказать, что он тщательно выполнил все распоряжения Жозефа, в 5 часов дня Талейран решил «покинуть» Париж: он демонстративно приехал в роскошном экипаже к заставе Пасси, где его друг граф де Ремюза разместил отряд национальной гвардии. Но он заранее условился с Ремюзом, что ему не позволят уехать из Парижа по причине отсутствия действующего паспорта: таким образом, Талейран был вынужден вопреки своей воле вернуться обратно в город. Теперь князя Беневентского нельзя было обвинить в слабости или измене, и руки его были свободны...

Нельзя с точностью сказать, о чем шла речь в кабинете Мармона. Выйдя от маршала, князь хранил молчание. Но пройдя через гостиную, он позволил себе подойти к Орлову и заявить ему «с некоторой торжественностью»⁷⁹:

«Сударь мой, возьмите на себя труд повергнуть к стопам государя вашего выражение глубочайшего почтения, которое питает к особе Его Величества князь Беневентский».

«Князь, – ответил я вполголоса, – будьте уверены, что я непременно повергну к стопам его величества этот бланк*». Легкая, почти незаметная улыбка скользнула по устам князя, и, будучи, вероятно, доволен тем, что его поняли с полслова, он вышел, не показывая с своей стороны виду, что понял меня, и не прибавив ничего к первой своей фразе, так официальной и, однакож, так многозначительной»⁸⁰.

Эта фраза была столь важной, поскольку несла в себе предложение помощи, которое, не будучи официальным, тем не менее было весьма услужливым... И все-таки в этот час капитуляция все еще не была подписана, что все сильнее беспокоило Орлова. Ожидание продлилось до двух часов утра, когда граф получил письмо от Нессельроде: союзники шли на уступки в щекотливом вопросе разоружения французских солдат и предоставляли Орлову неограниченные полномочия для заключения договора о сдаче города:

«Господину полковнику Орлову.

Милостивый государь,

Его Величество государь император по соглашению с г-ном фельдмаршалом князем Шварценбергом находит более выгодным для союзных армий не настаивать на том условии, которое было прежде предлагаемо для очищения Парижа; но союзники предоставляют себе право преследовать французскую армию по дороге, которую она избрет для отступления своего. Итак, Вы уполномочиваетесь вместе с г-ном полковником графом Парром заключить договор относительно сдачи и занятия Парижа на тех условиях, в которых мы согласились до отъезда моего с господами герцогами Тревизским и Рагузским.

Примите, милостивый государь, уверение в особенном моем к Вам уважении.

(Подписано) Граф Нессельроде. Бонди, (18) 30 марта 1814 г.»⁸¹

Опираясь на это письмо, вскоре после двух часов утра Орлов сумел добиться от Мармона сдачи Парижа на следующих условиях: французские войска должны покинуть город к семи часам утра; они смогут покинуть Париж «со снаряжением своих армейских корпусов», но боевые действия нельзя будет возобновлять до 9 часов утра 31 марта; раненые и мародеры, которые останутся в Париже после семи часов утра, будут считаться военнопленными. Наконец, «город Париж уповает на великодушие союзных держав».

* В оригинальном тексте – «blanc-signé», т.е. чистый лист бумаги с подписью. (Примеч. ред.)

Хотя в тексте капитуляции были урегулированы самые важные вопросы, не все подводные камни оказались учтены; в частности, не был установлен порядок вступления войск коалиции в город. По этой причине на рассвете вместе с Орловым в штаб союзников в Бонди явилась целая делегация, состоявшая из префектов Шаброля и Паскье, главы штаба национальной гвардии и многочисленных членов муниципального совета. Паскье в своих «Мемуарах» оставил берущее за душу воспоминание об этой утренней вылазке:

«Ночь еще обволакивала нас; на вершинах Монмартра, Бельвиля, Шомона, Роменвиля горели бесчисленные огни бивуаков; равнина Сен-Дени была вся покрыта ими. (...) Мы постоянно встречали кавалерийские патрули. (...) Когда мы подошли к Пантену, зрелище стало ужасным; здесь схватка была особенно кровавой. Здесь перед нами предстали во всем ужасе последствия боя; здесь русские полегли под огнем французской артиллерии, потеряв три-четыре тысячи человек. Еще ни один труп не был убран, люди и лошади лежали вперемешку»⁸².

Посланники прибыли в Бонди в семи или восьми каретах. Жиркевич, русский генерал от инфантерии, бывший свидетелем сцены, написал:

«Карет было семь или восемь, и в каждой сидело по два сановника; все они, как мне показалось, были в черных фраках, но имели шарфы через плечо. Они остановились, не доезжая дома, где жил государь, и вошли сперва в другой дом, ближайший к нему, но вскорости с непокрытыми головами пошли ко дворцу. Покои государя были в глубине двора, довольно обширного и отделявшегося от улицы сквозной решеткой. У ворот и у подъезда стояли часовые, а внутри двора – караул»⁸³.

В ходе разговора с царем посланники, как и Мармон за несколько часов до этого, получили торжественное обещание, что городу нечего бояться, если он не будет оказывать сопротивление или вести себя враждебно. Убедившись, что Парижу ничто не угрожает, они покинули замок в сильном эмоциональном возбуждении: «Депутаты вышли из дворца и мерными шагами отправились прямо к каретам своим. Заметно было, что все они были взволнованны, а некоторые из них платками утирали слезы»⁸⁴.

В семь часов утра в парижскую ратушу прибыл Коленкур. Его прислал взбешенный Наполеон, находившийся в Фонтенбло и всего за несколько часов до этого⁸⁵ получивший весть, что его столица сдалась врагу. Узнав, что префекты отправились в Бонди, Коленкур помчался вслед за ними. Герцог Виченцкий, имевший указание заключить мир и сохранить трон своего императора, хотел добиться аудиенции у царя. На «заставе Бонди»⁸⁶ он был сперва остановлен русскими часовыми, а затем получил дозволение продолжить путь в сопровождении графа Орлова. В одном лье от Бонди он встретился

с префектами, возвращавшимися в Париж, но получил разрешение лишь на то, чтобы обменяться несколькими словами со своими соотечественниками. «Русские распоряжались, как хозяева»⁸⁷, с досадой отмечал он в своих «Мемуарах». Затем, всего в четверти дье от замка Бонди, Нессельроде встретил полномочного посла Наполеона, но лишь для того, чтобы ответить ему резким отказом:

«В этот час миссия ваша бесполезна; нужно было договариваться в Шатильоне. Император всегда отказывался заключать мир; ныне монархи не хотят больше вести с ним дел. Ничто не может помешать нам вступить в Париж. Мы в движении; капитуляция урегулировала положение города, а магистраты, которых любезно принял император Александр, обязались проследить за всем»⁸⁸.

Коленкур в течение часа тщетно настаивал на своем. После этого к нему выехал великий князь Константин, встретив его любезно⁸⁹ и выразив свое восхищение отвагой, проявленной французскими войсками в битве при Фер-Шампенуаз, в которой Константин и Александр участвовали лично. Через три четверти часа Александр наконец согласился встретиться с посланником Наполеона. В ходе беседы царь был в высшей степени благосклонен к своему собеседнику, к которому он испытывал глубокую симпатию:

«Этот государь немедленно принял меня с былой своей благосклонностью, и даже, можно сказать, по-дружески. Он поцеловал меня, сказав мне: “Герцога Виченцкого я всегда рад видеть и считаю его другом”»⁹⁰.

Но вместе с тем он твердо дал понять, что никаких дискуссий больше быть не может. Конечно, царь заверил герцога Виченцкого, что «он не сделает ничего, чтобы настроить общественное мнение за или против императора; что он будет совещаться с самыми важными и самыми просвещенными людьми; что не будет предпринято попыток как-то повлиять на их мнение; (...) и поскольку он не хочет делать ничего противного Франции, а союзные армии занимают Париж по-дружески, все лишь выслушают наше желание». Но вместе с тем он заявил, что, если французы захотят оставить «императора Наполеона невзирая на все зло, что он нам причинил, никто не будет этому противиться, но, поскольку Европа не может забыть, что она претерпела, будут приняты меры предосторожности»⁹¹.

Смысл предостережения был ясен: если Наполеон сумеет сохранить свой трон, Франция заплатит за это своей территорией. После этого разговора Коленкур пошел к Шварценбергу, который был еще более непреклонен, чем царь. Это была еще одна неудача.

Узнав о капитуляции Парижа, Александр I, несмотря на все свое умение владеть собой, не сдержал эмоций: «Так Божественное

Провидение в своей неизреченной мудрости позволило, чтобы это деяние осуществилось посредством меня... Меня!»⁹² Но он быстро пришел в себя. На рассвете 31 марта, после почти двух лет ожесточенной борьбы с императором французов, с его твердой решимостью войти в Париж в качестве триумфатора могло сравниться лишь его желание повлиять на судьбу Франции.

АЛЕКСАНДР I, АРХИТЕКТОР РЕСТАВРАЦИИ

Приняв делегацию парижан, явившихся к нему в Бонди рано утром 31 марта, Александр I вновь подтвердил, что он решительно и бесповоротно отказывается от какого-либо мира с Наполеоном; но вместе с тем он взял на себя обязательство защищать город, размещать там исключительно элитные части, сохранить парижскую Национальную гвардию и позволить французам выбрать себе правительство, «которое даст отдых вам и даст отдых Европе»¹. И все-таки в этой первой крупной публичной декларации царь промолчал о том, какой будет сущность и форма будущего политического режима, поскольку 31-го числа, когда он готовился вступить во французскую столицу, он по-прежнему колебался, «еще не приняв никакого решения»².

Дать Франции правительство

Дело в том, что Александр продолжал испытывать сильное предубеждение по отношению к Бурбонам, как по психологическим, так и по политическим мотивам. В первую очередь он опасался, что король быстро окажется заложником самых бескомпромиссных своих сторонников. Нессельроде, в свою очередь, боялся, что возврат к монархии может привести к дестабилизации общества. 10 марта (дата по западному календарю) он писал своей жене: «Боюсь, что для этих несчастных [роялистов] нет больше надежды; я не вижу ни одного реального аргумента в их пользу, и если мы встанем на сторону Бурбонов, мы погрязнем в бесконечной гражданской войне»³. Это письмо свидетельствует, что утром 31 марта русские продолжали относиться к Бурбонам скептически, а значит, будущее Франции оставалось неопределенным. Дело в том, что в этот момент мнение царя могло сыграть решающую роль: помимо того, что именно его упрямство позволило коалиции победно дойти до Парижа, Александр I был единственным из союзных монархов, который готовился лично вступить во французскую столицу во главе своих войск. Хотя царя сопровождал главнокомандующий Шварценберг,

австрийский император и канцлер Меттерних задержались в Дижоне, как и Каслри – и никто из них не вступил в Париж 31-го. Правда, рядом с Александром I находился прусский король, но он играл в военных действиях лишь ограниченную роль, в большинстве случаев позволяя своему харизматическому маршалу брать на себя инициативу. При этом Блюхер 31 марта тоже отсутствовал: очередное обострение глазной болезни лишило его триумфа, и прусский маршал вступил в столицу Франции лишь на следующий день, в карете, будучи еще не способным сесть верхом на лошадь...

Итак, Александру I были предоставлены все возможности, как в дипломатическом, так и в символическом плане. И уже 30 марта, поняв, что он, безусловно, будет играть решающую роль, Талейран через Орлова протянул руку императору всея Руси. Александр I сразу же понял всю важность этого жеста, о чем свидетельствует рассказ русского посла, на заре 31 марта явившегося докладывать царю об обстоятельствах сдачи Парижа: «Он заставил меня рассказать подробно о вечере, который я провел заложником, и обнаружил живейшее удивление, когда я рассказал ему о князе Талейране. «Теперь это еще анекдот, – сказал он – но может сделаться историей»⁴. Следует обратить внимание на его реакцию: она свидетельствует о том, что вопреки стереотипному представлению, будто наивный Александр I попался на удочку Талейрана⁵, царь очень быстро понял, что Талейран станет ключевым игроком, и сразу же решил если не поддержать его во всем, то по крайней мере принять во внимание его советы. И утром 31 марта, еще до прибытия в Париж войск союзников, Александр отправил Нессельроде к князю Беневентскому, чтобы они совместно изучили «самые срочные меры, которые следует предпринять»⁶.

Нессельроде и Талейран хорошо знали друг друга: они регулярно общались с 1807 по 1811 год, когда молодой русский дипломат, находившийся в посольстве в Париже, тайно служил передаточным звеном между Талейраном и своим повелителем. Новая встреча ознаменовалась довольно забавной сценой, которую описал сам Нессельроде:

«Погода была прекрасной; я въехал в Париж в одиночку, в сопровождении казака и австрийского офицера, (...) которого я встретил на своем пути. (...) Господин де Талейран занимался своим туалетом. Не до конца причесанный, он устремился ко мне, бросился в мои объятия и засыпал меня пудрой. Когда первое волнение улеглось, он позвал людей, с которыми был в заговоре»⁷.

Этими людьми были герцог де Дальберг, архиепископ де Прадт и барон Луи. Все трое пытались убедить Нессельроде, что во Франции следует восстановить монархию. Но хотя русский дипломат еще не

был готов согласиться с их доводами, этот первый разговор не остался бесплодным. Дальберг и Талейран вручили Нессельроде проект прокламации, которая, формально не упоминая о монархии, уже осуждала режим Наполеона; прокламация гласила, что союзники не будут больше вести дела с Наполеоном или каким-либо членом его семьи, и призывала к созданию «мудрого правительства». Именно в ходе этого разговора Талейран, «обеспокоенный безопасностью» российского императора, предложил принять его у себя, на улице Сен-Флорантен, под предлогом того, что Елисейский дворец заминирован. От лица своего монарха дипломат принял предложение и, спустя несколько часов, во второй половине дня, Александр I, побывав на параде своих войск, в сопровождении своих адъютантов и великого маршала графа Толстого, присоединился к Нессельроде на улице Сен-Флорантен. Он поселился со своими адъютантами на втором этаже особняка, Нессельроде со своими секретарями разместился на третьем этаже, а Талейран – на первом. Чтобы обеспечить защиту своего царя, немалое число казаков из императорской гвардии расположилось на лестницах и во дворе; перед самым домом разместился батальон Преображенского полка⁸. Улица бурлила, представляя собой весьма экзотическое зрелище:

«На улице Сент-Оноре толпились самые различные люди: здесь разъезжали жители севера Европы и азиатские подданные Российской империи, от Каспийского моря до Великой Китайской стены. Казаки в своих овчинных шурах, с длинными копьями, всклокоченными бородами песочного цвета, и у каждого к шее привязан *каншух* [кнул], то есть небольшой хлыст, с твердым плетеным ремнем, повсюду одинаковой толщины; калмыки и различные татарские племена, с плоскими носами, маленькими глазками и темной красновато-коричневой кожей; сибирские башкиры и тунгусы, вооруженные луками и стрелами, *черкесы* или черкесские дворяне из предгорий Кавказа, полностью покрытые идеально блестящими стальными кольчугами и с шлемами конической формы на голове, в точности такими же, как те, что носили в Англии в XII–XIII века»⁹.

Князь Беневентский принимал своих гостей поистине роскошно и в своем желании очаровать российского императора не скупился на траты. За стол отвечал бургундец Антуан Карем, знаменитый шеф-повар, который удостоился высшей похвалы царя за восхитившие его «бургундские улитки»¹⁰: по словам самого Карема, в рецепт этих улиток входили чеснок, чтобы «скрыть вкус», петрушку, чтобы «усладить вид», и масло, чтобы «облегчить проглатывание». Но к радостям стола добавлялись еще и роскошная обстановка и очарование разговоров и остроумных словечек «на французский лад». Примерно десять вечеров Талейран и Александр ужинали вместе в большом обществе: «Там собираются все принцы, министры, дипломаты и быв-

шие имперские сановники, какие только есть в Париже»¹¹. Конечно, подобная щедрость недешево обходилась, но Талейрана это не волновало. По крайней мере пока не волновало. Впоследствии, верный своей репутации человека небескорыстного, он компенсирует свои затраты на гостеприимство для Александра I, «выписав самому себе ордер на получение 150 тысяч франков из средств временного правительства»¹².

Талейран проявил щедрость по отношению к своему гостю не из светских побуждений, а потому что 31 марта вечером настал решающий час. Когда Наполеон находился в Фонтенбло, а его армия, еще не сдавшаяся союзникам, по-прежнему оставалась грозной силой, князь Беневентский решил взять на себя инициативу и, не имея никакой власти, кроме той, которую он себе присвоил де-факто: действовать как можно быстрее, тесно сотрудничая с царем.

Прибыв на улицу Сен-Флорантен, Александр I сначала поговорил с Талейраном один на один; затем в большом салоне второго этажа закипела самая настоящая работа. Кроме Александра I, Нессельроде, Поццо ди Борго, Талейрана и Дальберга, при этих встречах присутствовали король Пруссии, князя Шварценберг и Лихтенштейн, представлявшие императора Франца; англичане представлены не были. Для Талейрана, надеявшегося убедить царя поддержать если не самих Бурбонов, то монархию, которую они воплощали, эти встречи имели решающее значение. В ходе обсуждений Александр сообщил, что, по его мнению, в отношении будущего страны теоретически возможны три решения, а именно: сохранение Наполеона у власти, регентство и реставрация Бурбонов. Талейран очень быстро вмешался, выступив в поддержку если не лучшего, то наименее нежелательного решения, а именно не простого возвращения к старому порядку, что означало бы новый деспотизм вместо наполеоновского, но восстановление монархии Бурбонов на легитимной, то есть конституционной основе.

Чтобы преодолеть колебания царя, Талейран разработал ловкий набор аргументов вокруг принципа «легитимности». Талейран не был изобретателем этой концепции, но «присвоил ее себе, оценив как ее силу, так и ее гибкость»¹³. Его аргументы были просты: нужно, чтобы новый режим, в противовес наполеоновскому деспотизму, действовавшему к выгоде лишь одного человека, мог опираться на моральный и политический принцип, признанный всеми дворами Европы, который станет залогом стабильности внутри страны и залогом мира в отношениях с другими странами:

«Сир, вокруг Вас будут тесниться самые различные интриганы: но, смиритесь с моими словами, ни Вы, ни я не являемся достаточно

сильными, чтобы одержать верх в интриге. (...) Мы можем добиться чего угодно, если будем придерживаться принципа. Я предлагаю признать принцип легитимности, который означает возвращение на трон принцев из династии Бурбонов. Интересы этих принцев сразу же будут соответствовать интересам других суверенных династий Европы, и эти династии обретут гарантию стабильности в этом принципе, спасшем старинную семью. Эта доктрина будет выгодна всем – Парижу, Франции, Европе»¹⁴.

В то же время, будучи приверженцем либерализма и желая успокоить Александра I, о чувствительном отношении которого к этим вопросам он был вполне осведомлен, Талейран сообщил, что готов созвать Сенат, чтобы тот назначил временное правительство, низложил Наполеона и дал гарантию учреждения конституции, если царь согласится поддержать его демарш публичным заявлением. В этот момент Талейран, не имевший, как мы уже отметили, никакой легитимной власти, вел очень рискованную игру. Но его сила убеждения действовала, и во второй половине дня он сумел добиться от царя заявления, в большой степени следовавшего за документом, который он сам вручил посланцу Александра тем же утром:

«Армии союзных держав заняли столицу Франции. Союзные монархи принимают желания французской нации. Они заявляют:

Что если условия мира нуждались в сильнейших гарантиях, когда речь шла о том, чтобы сковать амбиции Бонапарта, они должны быть более благоприятными, если Франция сама даст гарантию этого спокойствия, вернувшись к мудрому правительству.

Следовательно, монархи заявляют, что они не будут больше вести переговоров ни с Наполеоном Бонапартом, ни с каким-либо членом его семьи; что они уважают целостность старинной Франции, в том виде, в каком она существовала при законных королях, они могут даже увеличить эту территорию, поскольку всегда придерживаются принципа, что Франция должна быть великой и сильной ради блага Европы.

Что они признают Конституцию, которую даст себе французская нация, и дадут ей свои гарантии. Как следствие, они приглашают Сенат назначить временное правительство, которое могло бы позаботиться о нуждах управления и подготовить такую Конституцию, которая подойдет французскому народу.

Намерения, которые я высказал, со мной разделяют все союзные державы.

Подпись: АЛЕКСАНДР.

Уполномоченный Его Императорского Величества статс-секретарь граф ДЕ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Париж, 31 марта, 3 часа пополудни»¹⁵.

Этот текст имел огромное значение: Александр от имени всей коалиции заранее поддержал действия Талейрана.

Декларация была немедленно отпечатана в двухстах экземплярах¹⁶ и на следующий день стала известной в Париже благодаря газетам. Это был первый успех князя Беневентского. В тот же день Александр I назначил графа Луи де Рошешуара, французского эмигранта, перешедшего на российскую службу, парижским комендантом (от имени Российской империи), а генерал-губернатором – пехотного генерала барона Фабиана Готлиба фон Остен-Сакена. В своих «Мемуарах» Александр Михайловский-Данилевский оставил интересный рассказ о своеобразных обстоятельствах того, как был сделан выбор в пользу Остен-Сакена:

«Сказывают, будто место сие предлагали князю Волконскому, но что он его отклонил, потому что не надеялся в Париже окончания войны, думали, что мы пойдем за Наполеоном в Фонтенбло; а по сей причине князь Волконский, желая и в сем предполагаемом походе находиться при государе, не захотел остаться в Париже генерал-губернатором. Случай способствовал и Сакену к получению этого места следующим образом. Когда мы пошли атаковать Париж, то некоторая часть армии оставлена была близ Мо удерживать Наполеона в случае, если бы он вздумал напасть на нас с тылу. Войска, которым надлежало составить сей корпус близ Мо, были русские под начальством Сакена и баварцы под командою Вреде. С начала похода принято было за правило, что если сойдутся два генерала различных держав, то из них младший в чине поступает в повеления старшего, невзирая на могущество держав, к коим они принадлежат. На основании сего правила Сакен, будучи в чине генерала от инфантерии, должен был явиться в команду Вреде, которого только что произвели в фельдмаршалы. Но благородный и честолюбивый Сакен, служивший в век Екатерины, знал различие между собой и баварским фельдмаршалом, он сказался больным, а в сие время мы взяли Париж, и его назначили в оном генерал-губернатором»¹⁷.

Как мы впоследствии увидим, выбор был сделан абсолютно правильно¹⁸. Но можно прямо сейчас привести хвалебный портрет Остен-Сакена, оставленный Александром Михайловским-Данилевским:

«Сакен, хотя и был преклонных лет [ему было 64 года], но сохранил еще телесные и душевные силы; я думаю, в нашей армии не было генерала учнее его, настойчивее, упрямее, но вместе с тем любезнее в обращении. Он ознаменовал вступление в должность губернатора приказом, которым “строго запрещает тревожить, беспокоить или оскорблять кого бы то ни было за политические мнения или за наружные знаки, которые бы кто-нибудь на себе не носил”»¹⁹.

В этот же день, 31 марта, Нессельроде адресовал ноту префекту полиции Паскье, пригласив его, согласно приказу императора Александра, освободить из тюрьмы французов, «содержавшихся в оной за то, что они запрещали крестьянам стрелять по нашим войскам»²⁰ или

за то, что они выражали приверженность «своему старинному и законному монарху»²¹. Эта формулировка очень важна: она свидетельствует о том, что монархический строй снова встал на повестку дня, хотя Наполеон, находившийся в Фонтенбло, еще располагал сторонниками и верной армией. Главной задачей для Талейрана стало оказывать давление на Сенат, чтобы тот поддержал нарождающееся движение к реставрации и освятил его своим авторитетом.

В пятницу 1 апреля Талейран как заместитель главного выборщика, созвал Сенат. По закону он не имел на это никакого права – но зато созыв Сената полностью соответствовал желанию оккупационных властей. Из 140 сенаторов, насчитывавшихся весной 1814 года, 90 все еще находились в Париже на 1 апреля; из них 64 откликнулись на призыв князя Беневентского, а остальные благоразумно предпочли остаться в стороне от того, что де-факто напоминало антинаполеоновский переворот. В числе присутствовавших были «бывшие члены Учредительного собрания, бывшие члены Конвента, революционеры, вставшие на службу Империи»²², решившие поддержать монархию, в которой они видели потенциальный фактор стабильности.

В 15 часов 30 минут открылось заседание под председательством князя Беневентского. Пустив в ход всю свою силу убеждения, Талейран призвал к рассудку и к патриотизму своих коллег, убеждая последовать за ним:

«Сенаторы,

Письмо, которое я имел честь адресовать каждому из вас, предупреждая об этом созыве, сообщило вам существо дела. Речь о том, чтобы передать вам предложения. Этого слова достаточно, чтобы показать: каждый из вас приносит в это собрание свободу. Благодаря этому каждый из вас может в полной мере дать свободу чувствам, которыми наполнена душа каждого из вас – желанию спасти родную страну, решимости прийти на помощь покинутому народу. Сенаторы, обстоятельства, какими бы суровыми они ни были, не могут быть выше твердого и просвещенного патриотизма всех членов этого собрания; и вы, конечно, все в равной степени почувствовали необходимость незамедлительно принять решение, которое позволит, не теряя ни дня, восстановить административное управление. Первой задачей должно стать формирование правительства, власть которого, сформированная для нужд текущего момента, может только успокоить»²³.

Его доводы были убедительны. Сенаторы, встав на позиции Талейрана, приняли решения, соответствовавшие его ожиданиям и целям. Было создано временное правительство под его председательством. Правительство, состоявшее из пяти человек²⁴, по большей части личных друзей князя, имело задачей «заботиться о нуждах администрации и представить в Сенат проект конституции, которая

могла бы подойти французскому народу»²⁵. Чтобы успокоить страну, избежать разгула реваншистских страстей со стороны роялистов и успокоить общественное мнение, сенаторы высказались в пользу сохранения основных прав человека, вернее, их восстановления. Протокол заседания заканчивается следующим образом:

«Сенат и Законодательный корпус будут провозглашены неотъемлемой частью проектируемой конституции, за вычетом изменений, которые будут сочтены необходимыми для обеспечения свободы голосования и свободы мнений;

Армия, а также отставные офицеры и солдаты, получающие пенсии, вдовы и офицеры, сохраняют воинские звания, почести и пенсии, которыми они пользуются;

Не будет никаких посягательств на государственный долг;

Продажа государственных земель совершена бесповоротно и пересмотру не подлежит;

Ни одного француза нельзя будет привлечь к ответственности за высказанные им политические мнения;

Свобода культов и свобода совести будет сохранена и провозглашена, как и свобода прессы, за вычетом преследования по закону преступлений, которые могут возникнуть от злоупотребления этой свободой»²⁶.

Перечисление пунктов говорит само за себя: 1 апреля вечером произошла самая настоящая либеральная революция.

Но для Талейрана этого было еще недостаточно. И на следующий день в половине десятого сенаторы во главе с князем, выступавшим в роли председателя временного правительства, явились делегацией... в его собственный особняк на улице Сен-Флорантен, чтобы встретиться с царем. В ходе этого разговора Александр сообщил, что «очарован» тем, что находится посреди французских сенаторов; он еще раз подтвердил, что его войска «вступили во Францию лишь для того, чтобы отбить несправедливое нападение» и в знак снисходительности даровал Сенату освобождение всех французских пленников, находившихся в России с 1812 года. Его решение, принятое еще до подписания мирного договора и потому выглядевшее как самая настоящая амнистия, сыграло огромную роль: именно на основании этого документа солдаты, сосланные на Урал и в Сибирь и дожившие до весны 1814 года, – видимо, таковых было менее четверти из 150–200 тысяч солдат, попавших в плен в ходе нашествия на Россию, – получили свободу и смогли вернуться к своим семьям.

И хотя эти заявления были щедрыми, царь ими не удовлетворился. В политической сфере он призвал сенаторов трудиться над тем, чтобы дать «Франции сильные и либеральные учреждения, без которых она не может обойтись на своем уровне просвещения и цивилизации»²⁷. Призыв царя заслуживает особого внимания: отнюдь

не будучи случайным, он отсылает к мысли, глубоко укоренившейся в голове Александра и прозвучавшей уже в тексте «Секретных инструкций», адресованных в ноябре 1804 года графу Новосильцеву, царскому посланнику, отправлявшемуся в Лондон. По мнению царя, Франция, познавшая дух Просвещения и пережившая революцию 1789 года, не могла быть принуждена к устаревшей государственной модели Старого порядка. Впрочем, его стремление насаждать во Франции конституционный режим было вызвано и геополитическими соображениями. Александр считал необходимым гарантировать существование Франции, умиротворенной, но вместе с тем достаточно сильной, чтобы претендовать на место в необходимом равновесии держав. Этот элемент очень важен: он противоречит советской историографии²⁸, которая долгое время видела в кампании 1813–1814 годов желание Александра восстановить во Франции консервативную монархию. В действительности подобная интерпретация проецирует на 1814–1815 годы анахроничный взгляд, исходящий из реалий русской дипломатии после 1818 года, и искажает цели царя в 1813–1814 годы. В это время Александру I важнее всего было установить во Франции политический режим, который бы отвечал желаниям самих французов, принимал во внимание их историю и коллективную память и мог бы своей стабильностью и умеренностью обеспечить европейский мир. С точки зрения Александра, которую он постоянно излагал своим французским и европейским собеседникам, судьба Франции была тесно связана с судьбой Европы... В этом же он убеждал и сенаторов, присоединившихся к Талейрану.

Спустя сутки после этой встречи, 2 апреля, было создано новое временное правительство. Вечером того же дня под воздействием царя и Талейрана, по предложению юриста Ламбрехтса Охранительный сенат объявил, что Наполеон Бонапарт низложен с трона, что принцип наследования в его семье упразднен (статья 1), что французский народ и армия отныне освобождаются от клятвы верности (статья 2)²⁹. Этим документом Сенат и сам освободился от какого-либо подчинения императорской власти, опираясь на детальную аргументацию, которая, будучи приведена в официальном протоколе вечернего сеанса 2 апреля, была опубликована и распространена на следующий день. Наполеон обвинялся в том, что он «разорвал общественный договор, объединявший его с французским народом», взимая противозаконные налоги, оспаривая права Законодательного корпуса и предпринимая целый ряд войн против воли народа, «переполнив чашу страданий Родины своим отказом принять условия, которые требовал принять национальный интерес, и при этом не противоречащих французской чести»³⁰. Перечисление преступлений,

в которых обвиняли императора, показывает, до какой степени люди, присоединившиеся к монархии, еще были верны идеалам 1789 года. И именно поэтому, как только стало известно, что император низложен по таким мотивам, и об этом сообщается в такой форме, либеральные интеллектуалы эпохи, в первую очередь Бенжамен Констан и госпожа де Сталь, восславили великодушные русского царя и благодеяния Талейрана, который «одновременно разрушил тиранию и заложил основу свободы»³¹. Чтобы придать этому тексту больше веса и легитимности, временное правительство в этот же день, 3 апреля, созвало Законодательный корпус; из 79 присутствовавших депутатов 77 поддержали текст, написанный сенаторами. Таким образом, низложение Наполеона было утверждено без проволочек.

Среди русских воцарились удовлетворение и восторг, как свидетельствует письмо Нессельроде жене, датированное 4 апреля:

«Я пишу тебе пару слов, милый друг мой, чтобы сообщить тебе, что нахожусь в Париже, что чувствую себя хорошо, что я перегружен делами, что мы сделаем здесь громадные дела, что Сенат низложил Наполеона, что сразу за этим последует восстановление на троне Бурбонов, что все прекрасно, кроме того, что у меня нет новостей от тебя уже несколько столетий»³².

Как мы видим, в начале апреля новое временное правительство, в тесном сотрудничестве с царем и его окружением, действовало стремительно, стремясь вернуться к духу 1789 года и навеки покончить с наполеоновским режимом. Но Наполеон еще не сложил оружия. Вскоре должен был встать вопрос его собственного будущего.

Что делать с Наполеоном?

Утром 31 марта Коленкур приехал в Бонди, но так и не смог убедить русских в необходимости снова начать диалог с Наполеоном. Во второй половине того же дня, пытаясь действовать в пользу императора, он явился в особняк на улице Сен-Флорантен, чтобы увидеться там с царем. Но его старый друг Талейран встретил его враждебно. «Император погубил нас, не позволив вам заключить мир в Шатильоне»³³, – заявил он Коленкуру, заставив его дожидаться в прихожей в то время, как союзники держали совет. Коленкур был принят только в 10 часов вечера. В своем разговоре с Александром I герцог Виченцкий подчеркнул привязанность французов к своему императору, храбрость армии, все еще окружавшей Наполеона; наконец он раскритиковал Талейрана и попытался выступить в защиту регентства, но все было бесполезно. Царь был благосклонен, но непоколебим. Он подписал декларацию, в которой значилось, что

союзники не будут больше вести переговоры ни с Наполеоном, ни с каким-либо членом его семьи, и был полон решимости не дать себя переубедить. С его точки зрения Коленкур защищал то, что уже было бессмысленно защищать... Вернувшись к своей сестре, у которой он остановился в Париже, герцог Виченцкий написал Наполеону, чтобы сообщить ему о непреодолимых трудностях, с которыми он столкнулся:

«Меня отталкивают. (...) Все спасаются от меня бегством. (...) Я не смог увидеть ни одного дружеского лица. [...] Множество интриганов желают моего отъезда. (...) Я их смущаю своим присутствием. (...) Я не успокоюсь, пока меня не выставят за дверь. (...) Я надеюсь, что Ваше Величество не подвергает сомнению ни преданность министра, ни возмущение гражданина перед лицом такой огромной неблагодарности»³⁴.

Этим же вечером Коленкур встретился с рядом сенаторов и попытался убедить их сохранить верность императору, но безуспешно. На следующее утро наполеоновский посланник вновь был принят Александром I, но и этот разговор оказался бесплодным. Затем Коленкур встретился с Талейраном, сообщившим ему, что Наполеон окончательно проиграл. В три часа дня герцог Виченцкий продемонстрировал свое упорство, снова явившись к царю; он нашел его более нерешительным, почти колеблющимся. Дело в том, что Александр I только что узнал, что генеральный штаб Национальной гвардии, перейдя на сторону Бурбонов, тем не менее отказался от белой кокарды и назло монархистам потребовал трехцветную³⁵. Коленкур вновь загорелся надеждами:

«Почувствовав из нескольких слов императора Александра, что [союзники] колеблются и окончательное решение еще не принято, я воспользовался благосклонностью, с которой он меня принимал, чтобы с новой силой начать защищать интересы, которые были мне поручены»³⁶.

Чуть дальше в своих «Мемуарах» он добавил:

«Благоволение императора Александра было сильным до крайности, (...) часто, тронутый моими чувствами, которые я не мог скрыть, он с нежностью брал меня за руки, сопровождая этот жест несколькими проявлениями интереса к императору и знаками уважения ко мне»³⁷.

Царь, казалось, менял свое настроение подобно погоде. «Не отчаивайтесь, – заявил он Коленкуру – окончательного решения еще нет». Но прошло совсем немного времени, и ситуация стала заметно менее благоприятной:

«И все же не обольщайтесь слишком, и в особенности не ждите, что мы согласимся на переговоры с императором, поскольку это возможно лишь в том случае, если мы получим гарантии, крепости и потребуем от Франции больших жертв. Она в силах принести эти жертвы, но они не

соответствуют политике монархов, и никто не намерен их от Франции требовать»³⁸.

На следующий день, 2 апреля, ближе к вечеру Коленкур был еще раз принят царем, но к этому моменту Сенат уже успел обсудить и утвердить решение о низложении императора; манера Александра изменилась. Он отстранился от своего собеседника и говорил уже не о мирных переговорах, а только об отречении Наполеона. По этому поводу, как он сообщил, он готов предоставить своему врагу «достойное и независимое жизненное устройство»³⁹, лишний раз продемонстрировав свою утонченность. Совершив один из свойственных ему рыцарских жестов, Александр предложил гостеприимство человеку, по вине которого Российская империя потеряла более трехсот тысяч жизней:

«Пусть он примет руку, которую я ему протягиваю, пусть он удалится в мои владения. Он найдет там гостеприимство, не только теплое, но и сердечное. Мы оба станем примером для мира: я своим предложением, а Наполеон – тем, что согласится на это убежище»⁴⁰.

Но Коленкур счел это предложение неприемлемым, поскольку Наполеон желал обосноваться во Франции или в Италии. Наконец, когда царь предложил остров Эльба, герцог Виченцкий почувствовал огромное облегчение:

«Это слово [остров Эльба] я превратил в формальное предложение, в священное обязательство, которое чуть позднее стало спасением императора, когда измена, дезертирство и все последовавшие в результате события отдали бы его на милость врагов и позволили бы им задаться вопросом, стоит ли оставлять скалу в европейском море тому, кто сам первым отказался от трона в пользу покоя, которого, казалось, желала Франция. (...) Факт, что именно благодаря этому император впоследствии получил власть над островом Эльба, которой у него бы не было, если бы император Александр не был бы верен и не сдержал данное им слово, несмотря на наблюдения и возражения многочисленных правительств и множества французов»⁴¹.

Итак, 2 апреля у Коленкура оставался лишь один вариант: вернуться к Наполеону и попытаться убедить его отречься от престола. Сегюр, видевший своими глазами прибытие герцога Виченцкого в Фонтенбло, оставил ярчайшее описание этого зрелища:

«Коленкур медленно приближался. Внешне он выглядел спокойным. Его походка, и так обычно тяжеловесная и негибкая, была печальной, суровой и даже зловещей. Подойдя к Наполеону, стоявшему у подножия большой лестницы, он снял шляпу и сказал ему несколько слов на ухо. Император, задрожав у всех на глазах, резко повернулся. толпа окружавших его офицеров открылась; он прошел через нее в сопровождении своего обер-шталмейстера, который ответил на жадно

вопрошающие взоры вокруг себя отчаянным движением головы, и все стало ясно. Тем временем Наполеон, стремительно поднявшись [по лестнице], исчез в своих апартаментах, где он заперся вместе с герцогом Виченцским»⁴².

В этот момент, оглушенный новостями и исполненный горечи, Наполеон, казалось, смирился со своей участью:

«Я не держусь за трон (...) Я предпочту покинуть трон, но не подписывать позорный мир. (...) Только Бурбонов может устроить мир, продиктованный казаками. Талейран прав: лишь они одни могут согласиться на унижение, которому сейчас подвергают Францию. Им нечем жертвовать: они находят Францию как раз такой, какой они ее оставили»⁴³.

Но император все еще имел в своем распоряжении сорок пять тысяч верных солдат и быстро пришел в себя. 4 апреля он приказал маршалам Нею, Макдональду и Друо вновь взять в руки оружие. Маршалы роптали: они считали, что, если принять во внимание диспропорцию сил и сдачу Парижа, военное решение проблемы не просто неразумно, а совершенно нереально. Спустя несколько часов Ней, Лефевр и Монсей, к которым в скором времени присоединились Удино и Макдональд, обратились к Наполеону с просьбой принять их и в присутствии Маре, Бертрана, Коленкура и Бертье почтительно выразили⁴⁴ свое нежелание продолжать бой. Но эта встреча не привела к каким-либо конкретным решениям, и лишь после долгого разговора с Коленкуром Наполеон решил отречься от престола в пользу короля Римского, поставив ряд условий:

«Поскольку иностранные державы заявили, что император Наполеон является препятствием к восстановлению мира и целостности французской территории, император Наполеон, верный своим принципам и своим клятвам сделать все ради счастья и славы французского народа, заявляет, что он готов отречься от трона в пользу своего сына и отправить Сенату письмо с соответствующим актом, составленным должным образом, как только Наполеон II и конституционное регентство императрицы будут признаны великими державами. На этих условиях император немедленно удалится в место, которое будет обговорено.

Дано в нашем дворце в Фонтенбло 4 апреля 1814 года. Подпись: Наполеон»⁴⁵.

В час ночи пятого апреля представители императора, вооружившись этим документом, явились к Александру I, твердо намеренные склонить его в пользу регентства. Их сопровождал Мармон, с которым они поделились своим решением; они не знали, что уже третьего числа, следуя советам Талейрана, с Мармоном связался Шварценберг, предложивший ему почетные условия перехода на сторону союзников, что Мармон начал переговоры с союзниками и передал

командование своими одиннадцатью тысячами солдат генералу Суаму... Несмотря на демонстративное спокойствие Талейрана, прибытие на улицу Сен-Флорантен наполеоновских эмиссаров вызвало панику среди членов временного правительства, тем более что царь предоставил им долгую аудиенцию. Александр колебался больше, чем когда-либо. Он чувствовал, что ему нужно определиться, принимая во внимание пожелания французской армии. Но он так и не принял окончательного решения, предпочел отложить его на завтра. Произшедшая при этом странная сцена описана в «Мемуарах» Паскье:

«Мы присутствовали при одной из самых необыкновенных сцен, о каких сохранилась память в истории. Монарх, прибывший с границ Азии, холодно руководил обсуждением вопросов существования династии, основанной величайшим человеком современности, и возвращения самой древней из европейских династий, свергнутой с престола двадцать два года назад в ходе страшной революции. Он покончил с дискуссией, сказав: “Я полагаю, что приму решение завтра в девять часов утра”»⁴⁶.

Таким образом, на тот момент политическое будущее Франции находилось полностью в руках русского царя. Но ожидание продлилось недолго. В середине утра пятого апреля царь опять призвал Коленкура; между ними вновь началась дискуссия, когда появился царский адъютант, который, наклонившись к уху Александра I, по-русски сообщил ему, что весь корпус Мармона под руководством генерала Суама двинулся в направлении Версаля и переходит на сторону союзников. Эта новость покончила с оставшимися у царя сомнениями: теперь, когда армия приняла сторону новой власти, можно было ничего уже не бояться. Отныне Александр I требовал безоговорочного отречения, и шестого числа Наполеон был вынужден подписать следующую декларацию:

«Поскольку иностранные державы заявили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей клятве, заявляет, что он отрекается за себя и за своих наследников, от французского и итальянского престолов, и что ради интересов Франции он готов пожертвовать чем угодно, даже жизнью»⁴⁷.

Следующие дни были посвящены рассмотрению конкретных условий отречения. Переговоры от лица низложенного императора вновь вел Коленкур, при поддержке Нея и Макдональда, а со стороны Александра I – Нессельроде. Каслри и Меттерних отсутствовали (они прибудут в Париж только 10 апреля), а прусский король почти не участвовал в дискуссиях, поэтому переговоры были почти исключительно франко-русскими.

Подписанный 11 апреля в Фонтенбло договор подтвердил отречение Наполеона «за себя, своих наследников и потомков, а также за всех членов своей семьи»; остров Эльба «в течение всей его жизни будет представлять собой суверенное княжество, находящееся в его полной власти и собственности». Отряд в четыреста человек «добровольцев» имел право последовать за ним. Франция была обязана ежегодно выплачивать Наполеону содержание в два миллиона франков, которые обеспечили бы ему капитал, необходимый для выплат тем, кто сохранил ему верность, и для возмещения долгов. Земельная собственность и драгоценности короны должны были перейти к государству. Мария-Луиза получала в свое распоряжение Парму, Пьяченцу и Гвасталлу, которым предстояло в будущем перейти к ее сыну. Остальная часть семьи Бонапарт тоже получила ежегодные пенсии от французского правительства: 300 тысяч франков для Госпожи Матери, 500 тысяч для Жозефа, 200 тысяч для Луи, 400 тысяч для Гортензии Богарне, 500 тысяч для Жерома. Евгений Богарне получил «достойное жизненное устройство за пределами Франции»⁴⁸. Жозефине причитался годовой доход в миллион франков (вместо двух миллионов, предусмотренных бракоразводным договором); кроме того, она получила право сохранить все свое имущество, движимое и недвижимое.

Каслри и Меттерних, прибывшие в Париж вечером 10 апреля, познакомились с текстом договора и раскритиковали многие из его положений. Каслри выразил сомнения по поводу острова Эльба, находившегося, с его точки зрения, слишком близко к французским берегам. Меттерних тоже разделял эти сомнения. Но Александр, как всегда рыцарственный, заявил, что не может «взять назад свое слово»⁴⁹. Сдержав его, Александр проявил великодушие, но вместе с тем и наивность: через некоторое время это приведет к тысячам смертей при Ватерлоо – как среди французской армии, так и среди войск коалиции...

19 апреля Коленкур вновь прибыл к царю. За шесть дней до этого было принято решение, что из заботы о безопасности низвергнутого императора представители союзников, а именно Павел Шувалов от лица России⁵⁰, генерал Коллер от лица Австрии, граф Трухзесс Вальдбург от лица Пруссии и полковник Кэмпбелл от лица Англии будут сопровождать эскорт, который отвезет Наполеона в Сент-Тропе и посадит на британский фрегат, направляющийся на Эльбу. Наполеона беспокоило, что ему предстоит пересечь Юг Франции на пути к порту: он знал, что местное население, вставшее на сторону Бурбонов, относится к нему чрезвычайно враждебно. Но Александр I успокоил его через Коленкура. Не зря же он заявил

Шувалову: «Я поручаю Вам великую миссию. Вы мне ответите своей головой за то, чтобы с его головы не упал ни волос»⁵¹. Действительно Шувалов будет старательно оберегать Наполеона и регулярно писать Нессельроде, сообщая ему про жизнь свергнутого императора.

В полдень 20 апреля Наполеон попрощался со своей гвардией во дворце Фонтенбло. Используя возвышенные обороты, глубоко волновавшие солдат, он уже начал творить свою легенду:

«Старая гвардия! Я покидаю вас, я прощаюсь с вами. Я всегда видел вас на дороге славы; вы никогда не покидали дорогу чести. Я доволен вами. Двадцать лет сражался я за Францию, за счастье милой родины но все державы Европы вооружились против меня, а часть армии предала свой долг. Сама Франция пожелала новой судьбы; с вами и с теми храбрецами, что сохранили мне верность, я мог бы три года вести во Франции гражданскую войну, но это было бы несчастьем и напрямую противоречило бы той цели, которую я себе поставил.

Будьте верны королю, которого Франция себе выбрала. Не покидайте милую родину, слишком долго страдавшую.

Не жалейте о моей судьбе, я всегда буду счастлив, если буду знать, что счастливы вы.

Я мог бы умереть, ничто не было бы мне проще, но я всегда буду идти дорогой чести. Я напишу о том, что мы с вами сделали вместе.

Я не могу каждого из вас прижать к своей груди, но я обнимаю вашего командира...»⁵²

И Наполеон отправился в путь.

Спустя неделю 28 апреля, в длинном письме, отправленном из Фрежюса, Шувалов объяснил, что успешно завершил свою миссию, но не умолчал о многочисленных трудностях, с которыми он сталкивался на протяжении всего своего пути:

«Из моего последнего датированного письма, присланного с русильонской таможни, Вы, господин граф, могли узнать все подробности нашего путешествия. (...) В Валансе все население и войска носили белые кокарды; никто не кричал ни за, ни против; в двух постах оттуда, в Лориоле, мы обнаружили выстроенную бригаду с орлами и с генералом во главе: император остановился и поговорил с генералом. Именно там мы узнали, что многие города Прованса плохо расположены к Наполеону, как и некоторые деревни. Я сам заметил это в деревне Оранж, которую мы проехали вечером. Несколько услышанных мною фраз заставили меня прийти к выводу, что нас ожидают трудности. В Авиньоне, куда мы прибыли рано утром 15 числа, притом, что мы не заезжали в сам город, но обогнули его, императора оскорбили по всей форме. (...) Тем не менее мы уехали без осложнений и прибыли в деревню Оргон помянуть лошадей. Всеми завладела совершенно разнузданная ярость, и я уже опасался, что произойдет самая трагическая из всех катастроф; к счастью, генерал Коллер, г-н де Клам и я (...) смогли отбить натиск толпы. Что же до нас, то это был самый настоящий триумфальный

марш; не смолкали крики “Да здравствует великий Александр, да здравствуют союзники, да здравствует Людовик XVIII”»⁵³.

Вечером 20 апреля, того самого дня, когда Наполеон прощался с гвардией в Фонтенбло, царь писал своей сестре Екатерине. Выражая в своем письме искреннюю радость, он в то же время не приписывал себе никаких личных заслуг в достигнутом успехе; с точки зрения Александра, его триумф был ничем иным, как проявлением Божественной воли:

«Да будет тысячу раз благословенно Верховное Существо, со всеми бесчисленными благодеяниями, которое Оно соблаговолило излить на нас! Это превосходит любые, самые смелые расчеты! Наконец великая цель достигнута, и Наполеон не тиранит больше Европу и Францию; он уже отправился на свой остров Эльбу в сопровождении Шувалова и Коллера. Простите меня за столь долгое молчание, но мне не хватало физического времени. Надеюсь через две недели обнять Вас в Лондоне: Какая радость! Какое счастье! Меня приводит в восторг сама мысль об этом»⁵⁴.

В середине апреля Александр I и князь Беневентский могли, казалось, насладиться своим триумфом: они покончили с Наполеоном, Бурбоны возвращались, либеральная революция началась. Но на деле этот триумф оказался недолговечным. «Либеральная эйфория» вскоре рухнула, а политический проект Талейрана, несмотря на поддержку со стороны царя, оказался под вопросом: для монархистов, окружавших наследника французского престола, не могло быть и речи о согласии на какую-либо конституцию.

Александр I, король и Хартия

В начале апреля барон де Витроль встретился с царем, чтобы рассказать ему о решительном отказе 57-летнего «Месье», графа д'Артуа, принять конституцию в каком бы то ни было виде. Граф Прованский и будущий Людовик XVIII поручил своему брату, самому младшему из братьев Людовика XVI, подготовить свое возвращение и восстановление власти династии Бурбонов. Граф д'Артуа сразу зарекомендовал себя сторонником решительного возвращения к абсолютной монархии. Позиция Александра по отношению к сторонникам графа, известным как «ультра», тоже была абсолютно непоколебимой: царь хотел во что бы то ни стало добиться, чтобы новая Франция, избавившаяся от Наполеона, приняла конституцию, которая обеспечила бы ей политический и социальный мир. Перед лицом твердости царя Витроль стал искать компромисс. При поддержке британской дипломатии и в первую

очередь Каслри эмиссар Бурбонов получил от Александра I и Талейрана дозволение вернуть графа д'Артуа в Париж и утвердить за ним звание королевского наместника, дарованное ему патентными письмами будущего Людовика XVIII. Кроме того, Витролю было обещано, что до прибытия графа в Париж не будет принято никакого решения о Конституции.

Успокоенный Витроль покинул Париж утром 5 апреля, а на следующий день прибыл в Нанси, где встретился с графом д'Артуа. Через два дня они отправились в путь и 9 апреля прибыли в Витри-ле-Франсуа. Там Витроль получил письмо от Талейрана, сообщавшее, что седьмого апреля, вопреки всем прежним заявлениям, Сенат опубликовал Конституцию. Документ за авторством узкого круга сенаторов (Траси, Эмери, Ламбрехтс, Лебрэн и Барбе-Марбуа)⁵⁵ был составлен на скорую руку⁵⁶, всего за три дня, с 3 по 5 апреля; шестого числа за него единогласно проголосовал Сенат, а седьмого – Законодательный корпус. Граф д'Артуа, оскорбленный до глубины души, был вынужден смириться с тем, что вступит в Париж без каких-либо официальных полномочий.

Сенатская конституция, вдохновленная либеральными принципами, дорогими сердцам Талейрана и Александра I, ставила целью вернуть политические права, пострадавшие при Империи, и в то же время ограничить власть будущего короля. Она вводила гражданские свободы, гарантировала свободу верований и прессы, а также неотчуждаемость национального имущества; устанавливала двухпалатный парламент, ограничивающий власть короля: король, согласно Сенатской конституции, должен был разделить законодательную власть с двумя палатами, министры были ответственны перед палатами, «которые каждое первое октября собираются по закону, без созыва со стороны короля и сами выбирают своего председателя»⁵⁷. Кроме того, Конституция обращалась к могучим символам: статьи 2 и 29 были составлены так, что в центре политической системы оказывался народ. В самом деле, они заявляли, что «французский народ свободно призывает [а не возвращает] на трон Луи Станисласа Ксавье Французского, брата последнего короля». «Нынешняя Конституция будет представлена на одобрение французского народа. Луи Станислас Ксавье будет провозглашен королем французов сразу же после того, как он поклянется ее исполнять, и подпишет ее»⁵⁸.

Как мы видим, сенаторы желали придать новому режиму очень либеральный окрас. Но с самых первых дней текст вызвал оживленные дискуссии. К нему были вопросы юридического характера: многие считали, что Сенат не имеет права на создание Конституции. Кроме того, появились и этические вопросы: желая сохранить свои

прерогативы, сенаторы неразумно и бесстыдно гарантировали себе в шестой статье Конституции ряд политических и финансовых преимуществ. Статья гласила:

«Сенаторов насчитывается не менее ста пятидесяти и не более двухсот.

Их сенаторское достоинство неотчуждаемо и наследуется по мужской линии по праву первородства. Их назначает король.

Нынешние сенаторы, за вычетом тех, кто откажется от французского гражданства, сохраняют свое достоинство и войдут в число нового Сената. Им причитаются деньги, в нынешнее время выделяющиеся на содержание Сената и сенаторов. Доходы разделяются между ними и будут переданы их наследникам. В случае, если сенатор умирает, не оставив прямых наследников мужского пола, его доля возвращается в государственную казну. Сенаторы, которые будут назначены в будущем, не будут иметь прав на эти деньги»⁵⁹.

Эта «щедрость» сразу же вызвала критику и сарказм. Франсуа-Бернар Буайе-Фонфред заявил, что «это не Конституция, это закон... о рентах»⁶⁰. Как в столице, так и в провинции разгорелись дискуссии, и временное правительство, столкнувшись с широкой критикой и не желая менять текст Конституции, дошло до того, что 7 апреля восстановило цензуру!

Союзники тоже выступали с критическими замечаниями по поводу Конституции. Но все произошло совсем не так, как кто-либо мог предположить. Каслри, хотя сам был представителем парламентского режима, выразил решительное несогласие с Конституцией, а самодержавный царь всячески ее поддержал. В этот же момент встал вопрос о возвращении графа д'Артуа, возвращавшегося в Париж: должен ли он въехать в столицу и принять управление ею как «наместник королевства» или по воле Сената? Вопрос так и не был урегулирован к 12 апреля, когда граф д'Артуа вступил в Париж.

В этот день временное правительство приняло графа и де-факто признало его главой временного правительства Франции, но Сенат продолжал игнорировать его и отрицать за ним какую-либо легитимность, выступив против него как в символическом, так и в политическом плане. Сенаторы не встретили графа у заставы Виллет и не пошли в Собор Парижской Богоматери, где в честь брата короля отслужили *Te Deum*. Таким образом, Сенат решил остаться в стороне от весьма важного события: графа много кто приветствовал, на его пути собралась огромная толпа парижан, а чувства были самыми искренними, как свидетельствует дневник юной Амели де Бом, которую вряд ли можно заподозрить в какой-либо симпатии к Наполеону:

«Граф д'Артуа, брат Людовика XVIII, сегодня вступил в Париж. В десять часов утра я была в Соборе Парижской Богоматери вместе с моей тетушкой де Брежи, и я вернулась оттуда в три часа дня. Граф д'Артуа приехал туда только в три часа, поэтому пришлось долго ждать, прежде чем увидеть его, но самый миг его появления изгладил долгие годы страданий и принес радость почти во все сердца.

Я его хорошо видела, когда он вошел в церковь и когда по окончании *Te Deum* вышел из нее»⁶¹.

На следующий день, 13 апреля, министры союзных держав, Нессельроде, Меттерних, Каслри и Гарденберг, собрались в Париже, чтобы обсудить конвенцию о перемирии. Они обязались работать вместе, чтобы «составить наше собственное представление о будущих границах этого королевства и о территориальных уступках сверх того, чем оно владело в 1789 году», и предложили королю выдвинуть человека, «с которым державы могли бы подготовить договор о мире с Францией»⁶². Таким образом, они стремились как можно быстрее покончить с ключевым вопросом о границах. Но, что интересно, на полях протокола встречи, который Нессельроде передал Александру I, царь оставил запись, подчеркивающую необходимость «обязать короля принять Конституцию без оговорок и исключений»⁶³: это показывает, насколько взаимосвязаны были для Александра I вопросы возвращения короля, триумфа либеральных идей и европейского мира.

14 апреля компромиссное решение было наконец найдено, благодаря настойчивому вмешательству⁶⁴ русского царя, а также усилиям Фуше, бывшего наполеоновского министра полиции. В этот день Сенат, в качестве единственного законного представителя временного правительства, согласился передать временное управление Францией графу д'Артуа, получившему звание «наместника королевства (...), в ожидании того, что Луи Станислас Ксавье Французский, призванный на трон французов, примет конституционную хартию»⁶⁵; в свою очередь, граф д'Артуа подписал торжественную декларацию, текст которой, очень тщательно составленный и опиравшийся на черновик, подготовленный Фуше, означал шаг к признанию Сенатской конституции, за исключением решительно раскритикованной статьи 6. Декларация гласила:

«Я ознакомился с конституционным актом, призывающим на трон Франции моего августейшего брата короля. Я не получил от него полномочий признать Конституцию, но я знаю его чувства и его принципы, и не боюсь быть дезавуированным, если от его имени заверю вас, что он согласится с основами Конституции»⁶⁶.

На самом деле Людовика XVIII, по-прежнему находящегося в Хартвелле⁶⁷, еще предстояло убедить в необходимости принять текст Конституции... Поэтому 17 апреля, в первом письме, в котором Алек-

сандр решил назвать будущего короля «Господин брат мой» и сообщил ему, что направляет к нему Поццо ди Борго, он попытался убедить Людовика придать новому режиму конституционное измерение:

«Впрочем, если мои действия в этой священной и упорной войне были в некоторой степени полезны делу Вашего Величества, и если я благодаря этому приобрел право на Вашу дружбу и Ваше доверие, Вы с интересом прислушаетесь к словам генерала Поццо ди Борго. (...) Не подлежит никакому сомнению, что французское королевство ожидает своего счастья и возрождения от Вашего Величества, но равным образом справедливо и то, что существует национальная воля. Вы покорите все сердца, если будете руководствоваться либеральными идеями, направленными на поддержание и укрепление естественных учреждений Франции»⁶⁸.

Тем не менее в ожидании приезда короля отношения между царем и Бурбонами оставались непростыми. Его до крайности раздражала приверженность Бурбонов белой кокарде, в то время как, с точки зрения Александра, французская армия должна была сохранить трехцветную⁶⁹, их желание придерживаться старинного этикета и их несгибаемое упрямство. Графиня де Буань рассказывает удивительную историю. Царь относился с глубоким уважением к Арману де Коленкуру, но Бурбоны, ошибочно считавшие, что Коленкур был замешан в убийстве герцога Энгиенского, подвергали его остракизму. Тогда Александр пригласил графа д'Артуа на ужин, на котором в числе прочих присутствовал и герцог Виченцкий, однако попытка примирения обернулась полным фиаско, вызвав у Александра чувство глубочайшего раздражения:

«Ужин был холодным и торжественным; Месье [граф д'Артуа] чувствовал себя оскорбленным. Встав из-за стола, он недовольно удалился. Император [Александр I] был в гневе; он ходил по зале в окружении близких и произносил яростные речи в адрес неблагодарных людей, которым он вернул королевство ценой собственной крови, потому что свою они берегли, и которые теперь не могут уступить ему в вопросе этикета. Когда он поуспокоился, ему сказали, что Месье, возможно, более щепетилен именно потому, что находится под гнетом слишком больших обязательств, и что речь идет не об этикете, а о чувстве, потому что Месье считает герцога Виченцкого виновным в Эттенгеймском деле⁷⁰.

– Я же ему сказал, что это не так.

– Конечно, мнение императора должно иметь большой вес для Месье, но общество еще не просвещено на этот счет, и можно отнестись с пониманием к отвращению, которое испытывает Месье, если вспомнить, что герцог Энгиенский был его близким родственником”.

Император зашагал быстрее:

“Его родственник... его родственник... его отвращение...”

Затем, внезапно остановившись и посмотрев на своих собеседников, добавил:

“А я каждый вечер ужинаю с Уваровым!”

Если бы в помещении взорвалась бомба, это не произвело бы большего впечатления. Император зашагал снова. На какой-то момент все оцепенели, а затем он заговорил о другом. (...)

Считалось, что генерал Уваров задушил императора Павла своими руками – большие пальцы у него в самом деле были громадными, – и Александра задело, что наши принцы отказывались пожертвовать своей щепетильностью в пользу политической целесообразности, тогда как ему пришлось пойти на куда более значимую жертву»⁷¹.

В ожидании прибытия короля граф д'Артуа создал совет, задачей которого было помогать ему в управлении государством, но он с трудом устанавливал свою власть: в провинциях и особенно в сельской местности наполеоновский режим оставался популярным. 23 апреля временное правительство, действовавшее по указке Талейрана, договорилось с коалицией о содержании соглашения о перемирии.

Документ предусматривал, что Франция будет освобождена от оккупационных войск – содержание которых лежит на ней, – как только она возвратит все крепости, которые она продолжает занимать в Германии, Бельгии и Италии. Франция вернется к границам 1792 года. Реквизиции отменяются, а все пленные выходят на свободу. Картина грядущего мира стала наконец вырисовываться.

24 апреля после двадцатитрехлетнего изгнания Людовик XVIII и его свита высадились в Кале. Затем они проехали через Булонь, Абвиль и 28 апреля прибыли в Амьен. Вечером 29-го под колокольный звон и 101 пушечный залп король прибыл в Компьен, где оставался до 1 мая. На следующий день он прибыл в Сент-Уан, а 3 мая вступил в Париж. В пути короля сопровождала его 36-летняя племянница, старшая дочь Людовика XVI, ставшая после брака с сыном графа д'Артуа герцогиней Ангулемской, а также бывшая гувернантка королевских детей: таким образом начинавшееся правление Людовика XVIII устанавливало связь с правлением его старшего брата. Людовик XVIII, слабосильный, разжиревший, страдающий от подагры, двигался с огромным трудом, опираясь на трость, но каким бы плохим ни было физическое состояние короля, его политический ум от этого не страдал.

29 апреля вечером ряд сановников Империи, в том числе Бертье, прибыли в Компьен, чтобы засвидетельствовать королю свою верность и приветствовать возвращение монархии, знак вновь обретенного мира. Король не проявил по отношению к ним и капли горечи или раздражения: осозная, что, если он хочет водворить в стране порядок и гражданский мир, в его интересах добиться того, чтобы большая часть военных элит наполеоновского режима перешла на его сторону, он принял их благосклонно. Через несколько часов он с таким же благоволением принял знаки почтения со стороны двадцати пяти депутатов Законодательного совета, тоже перешедших на сторо-

ну короля. Но в плане политическом все еще было не ясно: Людовик XVIII пока ничего не говорил о Конституции.

С шести часов утра 30 апреля король засел за работу вместе со своим братом, графом д'Артуа, и его старшим сыном, герцогом де Берри; во второй половине дня он провел аудиенцию и принял у себя ряд сановников, в том числе Талейрана. Но к глубокому неудовольствию князя Беневентского, ему пришлось два или три часа ждать, прежде чем он смог обменяться с королем куртуазными любезностями, лишенными какого-либо политического содержания. Людовик XVIII яснее ясного давал понять Талейрану, что он ничем ему не обязан и уж точно не обязан ему своим восстановлением на троне. Подобная же логика возобладала во время поистине удивительной встречи между Людовиком XVIII и Александром I, состоявшейся на следующий день.

Два монарха уже встречались и даже тесно общались. Дважды наследник Бурбонов пользовался гостеприимством русских царей. Сначала его пригласил в Россию Павел I, отец Александра, принимавший его с 1798 по 1801 год; затем сам Александр, у которого он жил с 1804 по 1807 год, расположившись со своим маленьким двором в Митавском дворце⁷², пока это гостеприимство не стало невозможным из-за подписания Тильзитского мира. Кроме того, Людовик и Александр встречались в Курляндии в марте 1806 года, и по-видимому, Александр в этот момент пообещал графу Прованскому «помочь ему вернуть себе французский трон, но указал, что он против полного восстановления старого монархического порядка во Франции»⁷³. Прошло восемь лет, но взгляды Александра I не переменялись.

1 мая в четыре часа пополудни Александр в сопровождении генерала Чернышева прибыл в Компьен под восторженные приветствия толпы. Его карета была попросту «запряжена шестеркой почтовых, ехала в сопровождении офицеров Национальной гвардии и нескольких гусаров. (...) Этот государь пожелал эскорт из одних французов»⁷⁴. Когда царь приехал, на крыльце Компьенского дворца его встречал принц де Конде⁷⁵, а затем его провели к королю, встретившему его лично. Два монарха расцеловались и заперлись в салоне-будуаре старинных апартаментов королевы Марии-Антуанетты⁷⁶. Александр I ожидал, что король выразит ему благодарность за помощь и за самопожертвование русских солдат, но Людовик XVIII не без некоторой снисходительности дал ему понять, что, будучи наследником самой древней королевской династии в Европе, он ничем не обязан наследнику Романовых. Беседуя с королем, Александр снова выступил в поддержку Конституции и монархии, которая не будет ни абсолютной, ни основывающейся на божественном праве: «Божественное право больше не имеет силы для Франции. (...) Датируйте Ваше правление с того дня, когда Вас провозгласят королем, Вы не сможете уничтожить историю»⁷⁷. Следуя этой же логике, он снова попросил короля сохранить трехцветную

французскую кокарду, «символ двадцати пяти лет славы». Но несмотря на все его увещания, Людовик XVIII оставался бесстрастным и неприступным, не желая, чтобы другой монарх, пусть даже и участник коалиции, диктовал ему, что делать.

К этим разногласиям добавились и совершенно неожиданные унижения, разозлившие Александра и заставившие его вернуться в Париж⁷⁸ сразу по окончании ужина. Хотя по натуре своей русский царь был человеком благодущным, его разгневало местонахождение отведенных ему апартаментов – в самой глубине дворца – а также их скромность:

«Его провели через трое или четверо [апартаментов], роскошно обставленных и находящихся на одном уровне. Ему объяснили, что они предназначаются для Месье [графа д'Артуа], для господина герцога Ангулемского, для господина герцога Беррийского, никого из которых во дворце не было. Затем ему устроили самое настоящее путешествие по коридорам и потайным лестницам, и остановились у маленькой дверцы, которая вела в очень скромное помещение: это была комната коменданта замка, совсем не входившая в число больших апартаментов»⁷⁹.

Поццо ди Борго, присутствовавший при этой сцене, «был как на иголках; при каждом повороте коридора он видел, как растет его [царя] справедливое недовольство»⁸⁰. Кроме того, ужин, на котором присутствовало около тридцати тщательно отобранных гостей, но имевший при этом характер официального и публичного приема, поскольку толпа получила дозволение ходить вокруг стола⁸¹, привел к новым унижениям в адрес царя. Следуя традиционному монархическому этикету, Людовик XVIII первым вошел в Большую обеденную залу, и обслужили его там тоже первым, и сидел он в просторном кресле, в то время, как его сотрапезники, в том числе и русский царь, всего лишь «представитель младшей ветви Голштинской династии»⁸², и наследный принц Швеции Карл Юхан, получили обычные стулья! «Ни слова благодарности или доверия не сошло с уст короля или Мадам [герцогини Ангулемской]» по отношению к русскому царю. «Более того, он не услышал ни одной любезной фразы»⁸³.

После этого Александр в узком кругу неоднократно сетовал на отношение к нему короля Франции, замечая, что «можно подумать, что это он⁸⁴ вернул мне мой трон. Его прием для меня был все равно, как если бы мне на голову опрокинули ведро ледяной воды»⁸⁵. Он высказал свое разочарование Гортензии де Богарне:

«Я только что приехал из Компьена. Вы видите, я печален. Я люблю Францию: я желал бы ее счастья, и я сильно опасаюсь, что эта семья Бурбонов не способна составить это счастье. Король показал мне свою прокламацию. Он ее датирует девятнадцатым годом своего правления. Я посоветовал ему убрать эту дату, но не похоже, чтобы он был расположен следовать моему совету. Я предвижу, что он заденет интересы многих

людей. Это не подойдет Франции. Мне это печально, потому что мне кажется, что это дело моих рук»⁸⁶.

Но Александр, по-прежнему склонный к миролюбию и не желавший выходить из образа великодушия и стремления к всеобщему согласию, в котором он пребывал с самого вступления в Париж 31 марта, не стал публично жаловаться на высокомерие, а то и дерзость короля Франции.

2 мая, перед въездом в Париж, король принял в Сент-Уане временное правительство и представителей Сената и Законодательного корпуса, чтобы ознакомить их с содержанием декларации, которую он подготовил вместе со своими советниками Блака, Витролем и Ла Мезонфором. Текст, опубликованный на следующий день в «Le Moniteur» и тотчас расклеенный по улицам Парижа, покончил с неясностями последнего месяца. Но он отнюдь не успокоил сторонников либеральной революции, поскольку король в этой декларации именовался «Людовик, милостью Божией король Франции и Наварры», а не «король французов» по воле народа или народных представителей в Сенате. Кроме того, хотя король действительно высказался в пользу Конституции, он считал, что проект, представленный Сенатом, составлен в спешке и потому не подходит:

«Внимательно прочитав план Конституции, разработанный Сенатом, (...) мы признали, что в основе своей он хорош, но, поскольку значительное число статей несет на себе отпечаток той спешки, в которой они составлялись, он не может в своей настоящей форме стать фундаментальным государственным законом»⁸⁷.

И король перехватил инициативу, поручив комиссии разработать Конституцию, которая составлялась бы по его требованию и в полном подчинении его власти. Таким образом, в начале мая либеральные инициативы Талейрана и Александра I потерпели неудачу. Однако, что очень важно, монархия, которую Бурбоны готовились реставрировать, уже не опиралась на божественное право и собиралась гарантировать населению некоторое количество политических прав и общественных свобод. Поэтому нельзя сказать, что схватка, в которую ввязались царь и Талейран, ни к чему не привела.

На следующий день, 3 мая, старый король вступил в свою столицу, и хотя пригороды выказали меньше энтузиазма, чем сам город, толпа, собравшаяся у него на пути, – возможно, около ста тысяч человек – искренне радовалась, если не обретению короля, то тому, что он привез с собой: надежду на мир. Именно таким было настроение юной Амели де Бом:

«Король приехал вчера. Мы видели, как он зашел к нашему меховщику на улице Сент-Оноре. Все окна были украшены драпировками, гирляндами, венками, надписями. Кортёж был поистине прекрасен, впереди

него шествовало множество солдат, а за ним ехала коляска, в которой сидели король и госпожа герцогиня Ангулемская. (...) На лице короля было выражение небесной доброты, один взгляд на него показывает, что он сделает своих подданных счастливыми. Герцогиня Ангулемская выглядит несчастной. Говорят, что у нее красные глаза, потому что она плакала.

Наконец-то мы все будем счастливы, все наши добродетели получили вознаграждение. Король в стенах нашего города, и он будет принадлежать нам всегда»⁸⁸.

С прибытием короля русские солдаты стали менее заметны: чтобы не возникло впечатления, будто короля возвращают на престол иностранцы, Александр I запретил солдатам покидать бивуаки, а офицерам – их квартиры. Некоторые, полные любопытства, нарушили приказ и, переодевшись в гражданскую одежду, смешались с толпой парижан, чтобы присутствовать при событии. Именно так поступил Иван Жиркевич:

«На крышах и в окнах выставлены были флаги и знамена белые, с вышитыми лилиями, а с балконов спускались разноцветные ковры. По обеим сторонам улицы стояли под ружьем национальные гвардейцы. Король проехал мимо этого места часу во втором. Он ехал в большой открытой коляске, запряженной цугом, в восемь лошадей, в мундире национальной гвардии и в голубой ленте ордена Св. Духа, без шляпы, кланяясь приветливо на все стороны. Рядом с ним сидела герцогиня Ангулемская, а напротив их, впереди, старик принц Конде, тоже без шляпы. (...) Впереди коляски прежде всех ехали жандармы, за ними три или четыре взвода легкой кавалерии, потом два взвода гренадер бывшей императорской гвардии. Весьма заметно было, что с концов фалд мундиров их и с сумок сняты были орлы, но ничем другим не были еще заменены. Перед самой коляской в буквальном смысле тащились в белых платьях с белыми поясами, с распустившимися от жару и поту волосами 24 каких-то привидения! В программе церемониала въезда эти несчастные названы “девицами высшего сословия”, чему трудно было поверить. Около коляски ехали французские маршалы и десятка два генералов, тоже французских. Ни русских, ни других иностранных войск при этом не было. Нам, русским, было отдано в приказе, чтобы находиться в этот день безотлучно при своих частях, но многие из офицеров, подобно мне, прикрываясь гражданским костюмом, смотрели на церемонию. Народу хотя и было довольно много, но нельзя было сравнить с той массой, которая толпилась при вступлении нашем в Париж, и приветственные клики как со стороны национальной гвардии, так и народа раздавались весьма вяло»⁸⁹.

Пусть, по словам русского офицера, парижане проявили в этот день меньше энтузиазма, чем тогда, когда в Париж вступали союзные армии. Нет сомнений, что значительная часть парижан выражала радость и облегчение, когда старый король приехал в свою столицу. Но в краткосрочной перспективе это возвращение ничего не изменило: Франция и, в частности, Париж, продолжали оставаться под оккупацией союзников.

III

РУССКИЕ В ПАРИЖЕ

НОВЫЙ МАРК АВРЕЛИЙ

Вступив в город победителем, Александр I, как мы видели, сыграл решающую роль в том, что Бурбоны приняли принцип конституционной хартии. И хотя ультраконсервативные сторонники режима, в том числе граф д'Артуа, отнеслись к вмешательству царя во внутренние дела Франции враждебно, другие поняли Александра и поддержали его. В частности, ему воздал должное Шатобриан в своих «Замогильных записках»:

«Государь, могущественный вдвойне, самодержец силою меча и силою религии, он один из всех европейских монархов понял, что Франция достигла того уровня цивилизации, при котором страной нельзя управлять иначе, чем посредством свободной конституции»¹.

Но влияние царя не ограничивалось политическими вопросами. Александр и его дипломатические советники сыграли важнейшую роль как в заключении апрельского перемирия, так и в выработке условий мирного договора. Действительно, если по условиям первого Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 года, Франция сравнительно легко отдалась, это стало возможным только благодаря великодушию царя и ловкости Талейрана, полномочного представителя Людовика XVIII.

Некоторые уже требовали возвращения Франции к границам 1790 года². Но благодаря поддержке Англии и России Франция сумела получить более выгодные границы, чем те, о которых шла речь при заключении апрельского перемирия, и даже более выгодные, чем границы на 1 января 1792 года: население Франции увеличилось на 630 тысяч человек (составив 29 миллионов)³. На севере благодаря присоединению Ландау и Саарбрюккена несколько укрепилась линия французской обороны. Кроме того, Франция сохранила Шамбери, Аннеси и большую часть Савойи. Остались французскими Авиньон и графство Венессен, Монбельяр и Мюлуз, а также многочисленные немецкие анклавы в Эльзасе. Однако Франция потеряла Фландрию и Люксембург, а также территории, аннексированные Наполеоном в Италии, Германии, Нидерландах и Швейцарии. Она не должна была выплачивать никаких репараций; более того, Англии пришлось вер-

нуть Франции все ее колонии, кроме Антильских островов Тобаго и Сент-Люсии, острова Иль-де-Франс в Индийском океане и Мальты. Парижский мирный договор предусматривал созыв всеобщего конгресса в Вене для урегулирования оставшихся нерешенными европейских вопросов и в первую очередь польского. Наконец, документ содержал статьи, по которым Венеция доставалась Австрии, а порт Генуя – Сардинскому королевству.

В этот же день Александр обратился с воззванием к своей армии. Снова, как в 1812 и в 1813 году, он связал воедино идеи «великодушия», «мира» и «освобождения» европейских наций и королевств:

«Совершена война, для свободы народов и царств подъятая. (...) Победа, сопровождавшая знамена ваши, водрузила их в стенах Парижа. При самых воротах его ударил гром ваш. Победенный неприятель простер руку к примирению! Нет мщения! Нет вражды! Вы даровали ему мир, залог мира во Вселенной!»⁴

Действительно, Александр I приложил все усилия, чтобы его пребывание в Париже ознаменовалось миролюбием и великодушием.

«Каждое слово из его уст выражает милосердие»

Пребывание Александра I в Париже известно нам по многочисленным французским источникам: писатели и интеллектуалы, теснившиеся в столичных салонах с целью приветствовать победителя – мадам де Сталь, Бенжамен Констан, Шатобриан, графиня де Буань – все они посвятили ту или иную часть своих воспоминаний встрече с царем и нарисовали его яркие портреты. Но если мы хотим проследить пребывание царя в Париже день за днем и почувствовать ту особенную атмосферу, в которой все происходило, два источника представляют исключительную ценность. Один из них – «Мемуары» адъютанта Александра I, генерал-лейтенанта Александра Михайловского-Данилевского, уже не раз упомянутые в этой книге и представляющие собой уникальный источник информации. Отважный воин (он был серьезно ранен в Бородинском сражении), умный и просвещенный человек, получивший образование в Гёттингенском университете, Михайловский-Данилевский говорил на французском и немецком так же хорошо, как и по-русски, знал латынь. Впоследствии царь поручил ему написать официальную историю войны 1812 года⁵. Но, кроме этого, Михайловский-Данилевский в 1808–1839 годах вел дневник на русском языке⁶, в котором с большой точностью и очень подробно описывал действия и поступки царя во время пребывания во Франции. Кроме того, в декабре 1814 года Михайловский-Данилевский отложил свой дневник в сторону, чтобы написать на фран-

цузском языке небольшую книгу воспоминаний под названием «Размышления о 1812, 1813 и 1814 гг., в той степени, в которой они имеют ко мне отношение» (книга будет опубликована после его смерти). Эта книга наряду с его дневником и представляют для нас особенный интерес. Второй источник – анонимная брошюра, опубликованная в Париже в 1815 году под названием «Александриана или остроумные слова и замечательные высказывания Александра I»⁷. Составленная штабным офицером – русским или французом, перешедшим на царскую службу, – брошюра прославляет царя и вместе с тем пересказывает анекдоты, содержит интересные подробности его пребывания в Париже.

Царь вовсе не хотел «расслабляться на диванах»⁸ Тюильри, не желая подражать Наполеону, который, как правило, завоеывая новые страны, всегда располагался в самых красивых дворцах своих побежденных врагов. На первом этапе своей парижской жизни, когда Талейран убедил его отказаться от мысли жить в Елисейском дворце, царь поселился в особняке самого Талейрана, где и оставался до утра 12 апреля. Когда же российские военные удостоверились, что Елисейский дворец не представляет никакой угрозы для безопасности царя, он переехал туда – в тот самый день, когда в Париж вступил граф д'Артуа, – и провел в Елисейском дворце второй этап своей парижской жизни, продлившийся до 2 июня. Царь жил на первом этаже в маленькой квартире Наполеона, выходившей в сад.

С самых первых часов своего нахождения в Париже Александр считал своим долгом донести до парижан послание мира и быстро приобрел благодарность столичных жителей. А вот его представители, к чему мы вернемся ниже⁹, встретили довольно прохладный прием: Луи де Рошешуар, парижский комендант, назначенный Александром I от Российской империи, сообщал, что они столкнулись с нежеланием сотрудничать со стороны французских гражданских и военных властей, в том числе со стороны префекта Сены, утвержденного в своей должности новой властью:

«Я расположил свои войска в боевом порядке на Гревской площади и поднялся в апартаменты префекта, которым тогда был г-н де Шаброль. Он встретил меня очень холодно, (...) находя препятствия к выполнению всего, о чем я просил. Я счел необходимым разговаривать с ним болес сурово, напомнив, что мне поручено вступить во владение ратушей, для чего мне выделены два батальона русских гвардейцев и две пушки (...) от имени императора России»¹⁰.

Действительно, хотя войска коалиции вошли в Париж с посланием мира, их численность, составлявшая почти шестьдесят тысяч человек, и их требования: предоставить жилье и стол офицерам, солдатам – достаточное количество съестных припасов¹¹, а лошадям еже-

дневный рацион сена и соломы – означали для Парижа суровые реквизиции. Без реквизиций не обошлась ни одна сфера жизни, от самых важных до самых анекдотических. 6 апреля русский полковник писал префекту де Шабролю:

«Я прошу Вас соблагovolить послать в бюро его превосходительства господина военного губернатора Парижа стопу бумаги и несколько фунтов испанского воска наилучшего качества.

Господин префект, имею честь выразить Вам свое глубочайшее уважение,

Ваш покорнейший слуга»¹².

Эти реквизиции стали предметом строжайшей административной процедуры. Оккупационные власти выдавали ордера на расквартирование и тщательно записывали расписки, исходя из компенсаций, которые в будущем должна была предоставить своим гражданам Франция. Вот, к примеру, документ от 1 апреля:

«Генерал-майор барон Будберг, я, нижеподписавшийся, получил для кирасирского полка императорской гвардии пятьсот восемьдесят пять рационов соломы, сена и шестьсот десять порций мяса, хлеба, крупы и вина.

Париж, 1 апреля 1814 года, генерал-майор барон фон Будберг»¹³.

Но несмотря на обещания будущей компенсации, реквизиции обходились населению дорого, что приводило к взаимному раздражению и напряжению в отношениях между представителями коалиционных сил и парижской администрацией.

Осознавая, что реквизиции и возможные при их взимании незаконные поборы могут привести к взрыву, Александр I издал указы, в которых потребовал безупречного поведения; по отношению к тем, кто нарушит данный приказ, предусматривались суровые кары, вплоть до смертной казни. Эти меры принесли свои плоды.

Царь задержался в Париже на два месяца. За это время он развил бурную деятельность. Он успевал повсюду, следил за всем, а если ему доводилось иногда передавать часть дел своему ближайшему окружению, в первую очередь Нессельроде, Каподистрии и Лагарпу, это происходило потому, что ему не хватало времени ответить на все обращения: авторитет Александра I и его популярность были столь велики, что к нему постоянно обращались просители, добивавшиеся его протекции, чтобы получить ту или иную должность. Посетители приставали к царю, выпрашивая у него подарки, повышения в должности, денежные вознаграждения и медали в обмен на проявления любви к России или на тексты во славу русского царя. Некоторые из таких писаний были анонимными, а другие принадлежали известным авторам. В частности, Шатобриан отличился яростным памфлетом против Наполеона¹⁴, который был опубликован 30 марта и, по мне-

нию многих современников, в том числе и самого Людовика XVIII, ускорил падение Империи – слишком отвратительным представал в памфлете Наполеон. Писатель рассчитывал, что царь вознаградит его за «услуги», и искал у него аудиенции. Графиня де Буань, близкая к Нессельроде, оставила в своих «Мемуарах» яркое описание обстоятельств этой встречи в своих «Мемуарах». По ее мнению, как и по мнению Нессельроде, царю совсем не понравилась брошюра Шатобриана. Принося Наполеона, этот памфлет рикошетом бил и по тому, кто Наполеона победил:

«Иностранцы, менее ослепленные, чем мы, чувствовали, как далеко бьет этот памфлет, и император Александр был им оскорблен. Он не забыл, что ему довелось жить в почтении к этому человеку, на которого так яростно нападали. Г-н де Шатобриан уже мечтал о карьере государственного деятеля; но никто, кроме него самого, об этом не знал. Он приложил большие усилия, чтобы добиться личной аудиенции у Александра.

Мне было поручено обратиться с этой просьбой к графу Нессельроде. Шатобриан получил свою аудиенцию. Император знал его только как писателя; ему сказали дожидаться в гостиной вместе с г-ном Этьеном, автором пьесы, которую император за день до этого видел на сцене. Проходя через свои апартаменты и направляясь к выходу, император увидел этих двух господ; сперва он поговорил с Этьеном о его пьесе, затем сказал пару слов г-ну де Шатобриану о его брошюре, которую, по его словам, он еще не успел прочитать, порекомендовал этим господам заключить мир, заверил их, что литераторы должны забавлять публику и ни в коем случае не заниматься политикой, и прошел мимо г-на де Шатобриана, не оставив ему возможности и слово сказать. Г-н де Шатобриан бросил на Этьена взгляд, далекий от примирения, и вышел в ярости.

Хотя граф де Нессельроде был недоволен тем, как все прошло, он не мог не засмеяться, рассказывая подробности этой аудиенции...»¹⁵

Адъютант Александра I Александр Михайловский-Данилевский подтверждает, что Шатобриан рассчитывал на вознаграждение царя и, о, суета сует, даже надеялся получить медаль. Мемуарист рассказывает, что Шатобриан приходил дважды, в первый раз, чтобы вручить брошюру, а во второй раз – за вознаграждением, на которое он так рассчитывал:

«Он убедительнейшим образом просил меня, нельзя ли в уважение беспредельной преданности его к государю исходатайствовать ему что-либо на память. Я, наконец, попросил его объясниться вразумительнее, и он после многих велеречных фраз наконец сказал: “Наименьшая из русских наград меня бы очастливила”, то есть, тогда бы он доволен был Владимирским крестом четвертой степени¹⁶; но как мне известно было, что император, который охотно награждал иностранных военных орденами, не жаловал их или чрезвычайно редко писателям, то я о сем не доложил»¹⁷.

Впоследствии адъютант горько упрекал себя в недалёковидности: Шатобриан сделал карьеру министра и, участвуя в Веронском конгрессе 1822 года как французский министр иностранных дел, получил из рук Александра I орден Андрея Первозванного, еще более престижный, чем орден святого Владимира. Таким образом, если бы он получил награду в 1814 году, это пошло бы только на пользу франко-русским отношениям...¹⁸

В Париже царь с радостным волнением встретил Лагарпа (в пасхальное воскресенье он вручит своему бывшему гувернеру тот самый орден Андрея Первозванного), и поручил ему отвечать от его имени на приходящие прошения. За два месяца в Париже Лагарп не знал ни минуты отдыха: он просмотрел восемь тысяч записок и писем и лично принял более трех тысяч человек!¹⁹ Вскоре его сил перестало хватать, и он попытался сдержать поток докучливых просителей:

«Вы обращались со мной с таким почетом, Сир, что господа парижане вообразили, будто бы я могущественный человек. Если я буду выслушивать всех тех, кто хочет посвятить Вам свои произведения, конца этому не будет. Я ответил, что все Ваше внимание отнимают общие дела, и у Вас не осталось времени на дела частные, а поскольку я не имею полномочий сам выслушивать все обращения, я не могу этим заниматься. Если, тем не менее, появится что-либо полезное, я хотел бы знать, Сир, к кому направлять этих людей и эти вещи»²⁰.

Поток прошений и ходатайств не иссякал, и царь был вынужден, чтобы покончить с ним, опубликовать через Нессельроде следующий документ:

«Находясь во Франции для водворения мира и счастья, Его Императорское Величество поставил себе долгом не вступаться в исполнение законов и в ход гражданских дел и приглашает посему всех лиц, имеющих ходатайства, обращаться к уполномоченным органам временного правительства»²¹.

По прибытии в Париж Александр, провозгласивший себя защитником французской столицы, всячески льстил гордости парижан: «Я нашел Париж очень красивым, – вскричал он, – и я надеюсь оставить его еще более цветущим»²². Царь стремился поддержать национальную гордость французов. 21 апреля царь присутствовал на торжественном заседании Французской академии. Секретарь Академии воздал хвалу русскому царю, заявив, что «великодушный Александр протянул нам руку помощи», а лауреат Академии Абель-Франсуа Вильмен произнес небольшую приветственную речь в его честь. Получив дозволение прочитать перед царем речь «Выгоды и неудобства критики», за которую он и получил премию, Вильмен начал свое выступление с того, что сравнил наследника Романовых с Марком Аврелием, государем-философом:

«Великодушие Александра представляет взорам нашим одного из тех людей, каких мы находим в античности, исполненного страстью к славе. Его могущество и его молодость обеспечат Европе долгий мир. Героический характер его в соединении с просвещением, свойственным новейшим народам, кажется достойным упрочить сей мир, а также воссоздать, и еще улучшить образ монарха-философа, представленный Марком Аврелием, и явить наконец на престоле мудрость, вооруженную властью, столь же великой, как и его стремление к благу всего мира»²³.

В своем ответе Александр I заявил, что он является великим почитателем «французского духа», сторонником прогресса, мира и свободы:

«Я всегда уважал достижения французов в науках и искусствах; они внесли большой вклад в распространение просвещения в Европе; я не виню их в невзгодах их страны, и я до крайней степени заинтересован в том, чтобы возродить их свободу. Быть полезным людям – единственная цель моих действий; когда я направлялся во Францию, у меня не было никакого другого мотива»²⁴.

Он проявил свое милосердие и на деле, отдав 2 апреля приказ об освобождении тысяч французских солдат, находившихся в плену в России с 1812 года. Благодарность властей Франции не заставила себя долго ждать, выразившись в статье, опубликованной в «Le Moniteur» 6 апреля:

«Отплатим вечной благодарностью за самый великодушный жест, когда-либо зафиксированный в мировых анналах. Русский император принесет утешение двумстам тысячам семей, вернув несчастных французов, которые благодаря военному счастью оказались в его руках, и сам торопит ту счастливую минуту, которая вернет нам наших братьев, наших друзей, наших сыновей»²⁵.

В то время, когда Наполеон все еще находился в Фонтенбло и продолжались переговоры об его отречении, многочисленные солдаты французской армии, раненые или больные, начали прибывать в Париж в поисках прибежища; но, поскольку мир еще не был подписан, они боялись показаться в военной форме в общественных местах. Узнав о сложившейся ситуации, царь немедленно издал приказ с целью защитить этих людей, предоставленных самим себе:

«Его Величество император всея Руси узнал, что многие французские военные разных чинов в настоящее время находятся в Париже, куда их привело развитие событий войны или необходимость лечить свое здоровье, пострадавшее от тягот войны или от почетных ран. Он не предполагает, что они хотя бы на миг могли поверить, что им необходимо скрываться; в любом случае, он с удовольствием заявляет от своего лица и от лица своих союзников, что они свободны, абсолютно свободны, и подобно всем другим французам, призваны принять участие в мерах, ко-

торые должны решить великий вопрос. Речь идет о счастье Франции и всего мира»²⁶.

Эта политика милосердия отражала великодушный характер царя, его «филантропию», как впоследствии напишет верный Лагарп²⁷. Но она в то же время вписывалась и в более фундаментальную политическую схему: Александр в очередной раз желал призвать к согласию и к забвению прошлого, чтобы добиться продолжительного политического мира.

С первых своих часов во французской столице царь продемонстрировал присущую ему нерушимую связь между политикой милосердия и христианской верой. Он издал специальный приказ, запретив своим солдатам под страхом серьезных наказаний ходить на театральные представления в Святую неделю. На Пасху, в воскресенье 10 апреля, Александр, демонстрируя свое стремление к вселенскому миру и согласию: в 1814 году католическая Пасха совпала с православной – устроил на площади Согласия торжественное богослужение в память покойного Людовика XVI. На возвышении был возведен большой алтарь, вокруг которого расположились войска, а то самое место, где королю отрубили голову, огласилось гимном «Тебе Бога хвалим». В своих мемуарах графиня де Шуазэль-Гуфье корошо передала торжественность момента:

«Площадь Людовика XV, навеки запечатленная на кровавых страницах истории Революции. Здесь по приказу Александра была приготовлена благородная и благочестивая жертва; семь служителей греческого культа при помощи певчих из императорской капеллы совершили богослужение со всей пышностью, подходящей для столь торжественной церемонии, на богато украшенном алтаре, перед которым проходили войска, возвращавшиеся с блестящего парада. Огромная толпа сбежалась, чтобы наблюдать это зрелище, новизна которого еще возбуждала природное любопытство парижан. Как только монархи поднялись к алтарю, гармоничные голоса запели “Тебе Бога хвалим”, воздух наполнился благоуханием ладана, и мы увидели, как государи, а также их армии, преклонили колени, чтобы получить Божественное благословение и смириться перед Тем, чьим благоволением правят короли»²⁸.

Пасхье, менее чувствительный к религиозной стороне церемонии, сразу же понял ее политическое значение:

«Погода была великолепна. Огромная толпа заполнила террасу Тюильри и примыкавшие [к площади] набережные и улицы. (...) Так получилось, что в этот год праздник Пасхи, отмечаемый по греческому обряду, выпал на тот же день, что и Пасха римской церкви (это случается крайне редко); этой возможностью ловко воспользовались, чтобы распространить в народе идеи мира и согласия»²⁹.

Сам царь в письме к своему другу Голицыну рассказал, какие сильные духовные чувства пережил он в эту минуту:

«Для моего сердца этот миг был торжественным, трогательным и грозным. Вот, говорил я себе, следуя непостижимой воле Провидения, я привел с собой своих православных воинов из глубины их холодной северной родины, и мы вместе возносим Господу молитвы в столице этих иностранцев, что еще недавно нападали на Россию, в том самом месте, где царственная особа пала жертвой народной ярости... Можно сказать, что дети Севера справили панихиду по королю Франции. Русский царь молился со своим народом, следуя православному обряду, очищая тем самым обгавленную кровью площадь... Наш духовный триумф в полной мере достиг цели. Меня даже позабавило зрелище того, как спешили и толкались французские маршалы и генералы, чтобы поцеловать русский крест!»³⁰

Вскоре солдатам империи, вошедшим в Париж бок о бок с царем, наденут на шеи серебряные медали, на которых с одной стороны будет изображен символ Провидения, а на другой – русский перевод стиха из Псалма 115: «Не нам, не нам, а имени Твоему»³¹.

Как мы видим, в Париже Александр I не переставал публично демонстрировать свою волю к миру и милосердию; но во время своего парижского пребывания он вел и светскую жизнь, стремясь показать, что и сам он европеец, и Россия – неотъемлемая часть старого континента. Опровергая антироссийскую пропаганду, в изобилии распространявшейся бюллетенями Великой армии, он желал показать французским элитам и французскому руководству, что его держава по праву занимает место в самом сердце европейской цивилизации.

Парижская жизнь

В Париже Александр, часто вместе со своими братьями Константином, Николаем и Михаилом, посещал важнейшие места, связанные с французской культурой и историей, показывался в столичных салонах и шлифовал свой образ культурного, остроумного и скромного человека. Ему случалось гулять по улицам города, «порой без охраны, среди парижан»³². 11 мая он прибыл в Версаль, где в сопровождении своих братьев Николая и Михаила и прусского короля с сыновьями посетил дворец, а затем Трианон. На Вандомской площади, увидев статую Наполеона в виде Цезаря, отлитую из бронзы пушек, захваченных у русских и австрийцев при Аустерлице, Александр заметил: «Если бы я был поставлен столь высоко, я бы боялся, что у меня закружится голова»³³. Вместе с тем на какое-то время он защитил статую от гнева роялистов, предложив заменить ее произведением искусства во славу мира. Статуя императора была демон-

тирована 7 апреля и перенесена в безопасное место, а там, где она стояла, взвился белый флаг – в ожидании нового проекта во славу мира³⁴. Когда французские роялисты предложили царю переименовать Аустерлицкий мост, он отказался, заявив: «Достаточно, чтобы люди помнили, что по этому мосту прошел император Александр со своим войском»³⁵.

✦ Царь ходил и по музеям. В 1809 году он получил в дар серию альбомов с рисунками под названием «Здания и памятники Парижа в правление Наполеона I. Персье и Фонтен, императорские архитекторы, посвящают книгу императору Александру». Пятью годами позже он пожелал встретить обоих архитекторов и посетил Тюильри и Лувр вместе с Фонтеном. Именно Фонтену он доверил разработать сценарий празднования Пасхи союзными войсками на площади Согласия³⁶. Посетив дворец Тюильри, он остановился в салоне мира, спросив с юмором у своих проводников, «зачем была нужна Буонапарте эта комната?»³⁷ В музее Наполеона, то есть в Лувре, он восхитился шедеврами, которые император собрал в ходе своих завоеваний, но был оскорблен недоверием, которое проявил по отношению к нему директор музея Виван Денон³⁸:

«[Александр] заметил, что многие пьедесталы пусты; узнав, что это было мерой предосторожности со стороны директора музея, спрятавшего многие из самых красивых предметов искусства, он был глубоко оскорблен: “Разве я не обещал уже в Бонди, что отнесусь с уважением к общественным памятникам? Неужели думают, что я хочу нарушить данное мною слово?” Пришлось отвечать ему, что меры предосторожности были приняты раньше, и все немедленно будет возвращено на свое место, что и было сделано»³⁹.

Денон сопровождал Бонапарта в Египетском походе и был назначен хранителем сокровищ, похищенных во время экспедиции. Неудивительно, что ему сложно было поверить в обещания царя... И однако в этом вопросе, как и в множестве других, Александр оставался непоколебим. 30 мая, когда обсуждались условия Парижского договора, не имеющие отношения к границам, именно он предложил, чтобы произведения искусства, вошедшие в парижские музеи в качестве наполеоновских трофеев, там и оставались, – под предлогом, что в Париже они будут более доступны посетителям, чем где-либо еще; это предложение было принято⁴⁰. Впоследствии он не взял свои обещания обратно, даже несмотря на Сто дней. В сентябре 1815 года, когда папа Пий VII призвал его помочь вернуть произведения искусства, похищенные наполеоновской армией в Риме, Александр ответил ему вежливым отказом⁴¹.

Вечерами Александр часто ходил в театр. Вскоре после прибытия в Париж он, по приглашению Талейрана, игравшего роль церемоний-

мейстера, присутствовал в Опере на грандиозном празднике в свою честь. Певцы и актеры наперебой прославляли нового героя «скверными куплетами»⁴²:

Слався, Александр,
Король всех королей!
Нас покоряет
Он скромностью своей.

Славен втройне он,
Прекрасен его трон.
Героем справедливым
Нам возвращен Бурбон!⁴³

Не раз, когда Александр посещал театр, в начале представлений распевали эту песню и другие в таком же стиле. В этой «александромании» приняли участие многие писатели, и многие выражали восхищение его великодушием. Примером может быть текст, который 19 апреля написал Луи-Эме Мартен. В своем «Послании г-ну де Сен-Виктору» он без конца пел хвалу русскому государю:

Послушайте: кричат! И равен счастью звук.
Великий Александр, Вы нам навеки друг!
И тронуты сердца, как имя Ваше слышно.
О, Александр! В Вашу честь устроим праздник пышный.
Король, отец, герой! Вы возвратили честь
И добродетель нам, свершив за землю месть!⁴⁴

Интересуясь различными сторонами административного и государственного устройства Франции, Александр I посещал важные учреждения: Французскую академию, Счетную палату, а также Уголовный суд, где адвокат и прокурор Беллар приветствовал его, охарактеризовав его таким словами: «...герой почти сказочный, герой. исключительный своим пленительным обращением не менее, чем своими рыцарскими добродетелями»⁴⁵. Царь явился на Монетный двор, где встретившие его администраторы и королевский комиссар показали ему рабочие помещения и отделение чеканки. На его глазах были отчеканены две монеты, золотая и серебряная, «с изображением Его Величества, и он соблаговолил благосклонно принять эти монеты, выгравированные г-ном Тиолье, монетным резчиком», и «найдя свой портрет весьма схожим с оригиналом, он соблаговолил выразить свое удовлетворение г-ну Андрие, одному из наших лучших резчиков, и члену Императорской Венской академии»⁴⁶. Наконец 1 июня, накануне своего отъезда, он посетил Королевский печатный двор. Там царю вручили книгу большого формата, переплетенную в полушагрень; на ее страницах, украшенных стилизованными орнаментами, была записана поэма в славу нового Александра Великого

на французском, русском, немецком, греческом, еврейском, латинском и арабском языках...⁴⁷

Кроме того, император посетил мастерские художников и оставил там заказы: сохранившаяся в Версале копия свидетельствует, что существовал портрет Александра I в большом коронационном плаще, ныне исчезнувший. Эта картина, как и другая, на которой царь был изображен пешим, но в кавалерийской униформе, были написаны Жераром в его парижской мастерской, куда Александр многократно приходил позировать. Но этих сеансов оказалось недостаточно, и вечером 2 июня, когда Александр уже покинул Париж, Лагарп ему писал с сожалением:

«Я навестил Ваш портрет у господина Жерара, который просил меня выразить Вам, насколько он признателен Вам за Вашу снисходительность, и засвидетельствовать Вам его уважение. Ваша голова на портрете прекрасно отображает Вас, когда Вы серьезны, и я доволен, что потомки будут помнить Вас таким. Вместе с тем, я сожалею, что господин Жерар не провел еще один сеанс, а я не настоял на том, чтобы привести к Вам монсеньоров, которые сделали бы сеанс чуть более веселым. Вы знаете, во что обойдется портрет; я буду наводить о нем справки»⁴⁸.

Спустя несколько недель Лагарп снова выступил в роли посредника между художником и царем. 27 июня, когда Александр направлялся обратно в свои владения, старый учитель писал ему:

«Господин Жерар настойчиво требует у меня одну из Ваших старых униформ, чтобы закончить Ваш портрет. Если у Вас какая-нибудь осталась, я бы передал ему ее для этой цели, а потом забрал бы назад; соблагovolите отдать соответствующий приказ»⁴⁹.

Александр послушал своего наставника, и все было сделано. Рукописный каталог Александровской коллекции, сохранившийся в архивах Эрмитажа, свидетельствует, что «два портрета были писаны с натуры в Париже и переданы в Эрмитаж приказом от 31 июля 1817 года»⁵⁰.

Царь интересовался не только искусствами, но и литературой и наукой. Его приезд в Париж позволил ему встретиться с писателями, в особенности либералами (с мадам де Сталь, с Бенжаменом Констаном) и с учеными, в том числе Шапталем и Кювье. Как из сыновних чувств, так и по причине личной симпатии, он пригласил на обед аббата Сикара. Этот аббат, директор Института глухонемых Франции и изобретатель первого языка знаков для глухонемых, был хорошо известен матери Александра, Марии Федоровне. Восхищаясь его трудами, царица-мать пригласила в Петербург одного из учеников Сикара, чтобы организовать в российских благотворительных заведениях курс обучения его методу. Александр еще при наполеоновской власти наградил аббата Сикара крестом ордена св. Владимира. Однако

Наполеон запретил ему носить эту награду⁵¹, поэтому приглашение на обед имело огромное символическое значение.

9 апреля Александр получил письмо от старого польского полковника Тадеуша Костюшко⁵², нашедшего убежище во Франции. В этом письме герой сражений за Польшу просил царя об «общей и неограниченной амнистии полякам», он призвал его провозгласить себя «королем Польши со свободной конституцией, приближающейся к английской» и развивать крестьянское образование на правительственные средства, чтобы со временем дать крестьянам свободу и сделать их хозяевами земли, которую они обрабатывают. В ответ 8 мая царь предоставил амнистию, о которой просил Костюшко, а также обещал ему сделать все, чтобы вернуть полякам «их родину и их имя»⁵³. Тем не менее, как станет ясно из хода Венского конгресса, хотя Александр действительно желал создать королевство Польское, «династически соединенное» с Российской империей и обладающее конституцией, для него и речи не могло быть о том, чтобы вернуть Польше границы, которые у нее были до разделов XVIII века...

В Париже царь не довольствовался встречами с элитами и общением с ними. Он стремился соответствовать образу простого монарха, который желает встречаться в том числе и с простыми людьми. Он отправился к инвалидам, где на него произвела сильное впечатление встреча со старыми солдатами императора:

«В Доме инвалидов он повстречал искалеченных солдат — тех самых, что разбили его армию при Аустерлице; они хмуро молчали, лишь стук деревяшек, заменявших им ноги, разносился по пустынным дворам и их оголенному храму; растроганный этим гласом отваги, Александр приказал прислать в подарок инвалидам дюжину русских пушек⁵⁴.

Кроме того, он проявил желание прийти на помощь приходским беднякам:

«Многие бедняки обратились к Его Величеству российскому императору с просьбами о помощи. Его Величество был не в состоянии выяснить, насколько велики нужды каждого из них и, желая справедливым образом распределить свою помощь, вручил каждому из парижских приходских священников некоторую сумму, с тем, чтобы они ее распределили среди бедняков своего прихода»⁵⁵.

Таким образом, «подобно новому Христу», Александр пошел на встречу обездоленным, что не могло не вызвать тревоги среди его окружения, без энтузиазма взиравшего на программу посещений царя. В краткой записке, датирующей апрелем⁵⁶, Лагарп предупреждал его:

«Сир,

Поскольку Ваше Императорское Величество посещает больницы, я считаю своим долгом предупредить Вас, что госпиталь Питье напротив

Ботанического сада содержит больных, зараженных чумой, известной как тиф»⁵⁷.

Наконец, этот монарх, баловень женщин, не мог устоять перед соблазном вызывать восхищение у парижанок. Госпожа де Мариньи, старшая сестра Шатобриана, записала в своем дневнике 14 апреля: «Мне предложили пойти посмотреть на императора Александра, который каждый день ходит в Дворец морского министерства слушать мессу. Я согласилась. Собралось много дам»⁵⁸. И спустя несколько дней, 1 мая:

«Я ходила смотреть на русского императора в Дворец морского министерства, куда он ходит к воскресной мессе. Собралось много народу, в особенности женщин, в весьма элегантных утренних нарядах. Император – очень красивый мужчина, слегка полноват. Он приветствовал толпу, кричавшую: “Да здравствует император!” Его Величество явился в карете, запряженной двумя лошадьми, без эскорта»⁵⁹.

Юная Амели де Бом не отставала от других: она тоже захотела увидеть царя и сумела этого добиться. В 10 часов вечера 4 апреля она оставила лирическую запись, вместе с тем выразив суждение о сущности императорской власти:

«Сегодня я видела императора Александра, государя всея Руси, повелителя самого обширного государства в мире. Одним словом, он может заставить трепетать миллионы людей, любое его желание может стать законом. Я видела его в окружении французов, и он принимал ходайства от самых незначительных из них, с той снисходительностью, с той трогательной любезностью, которая так подчеркивает сияние трона, и, вместе с тем с благородным достоинством. Его приветствовали криками “Да здравствует Александр! Да здравствует русский император!” Ах, как бы ему подошло прозвище Великого или Милосердного, его обожают его собственные народы, чье счастье он составляет, ах, какая сладостная доля!»⁶⁰

Она даже посвятила ему стихотворение, ничем не уступающее стихам современных ей поэтов:

Воспоем отвагу Александра,
Воспоем величие героя;
Добродетель, великодушие и славу.
Мы храним память о его подвигах.
Он принес мир дрожащим французам;
Он дал им Бурбона, как они и желали,
В его щедром, большом, добром сердце
Никогда не было и мысли о преступлении,
Он всегда шел путем добродетели.
Этому милому государю выпала прекрасная доля,
Его любят русские, любят и французы,
Каждое слово из его уст – милосердно,

И этого чудесного монарха каждый день
Благословляют храбрые русские, которых он так любит.
Амели⁶¹

Итак, Александр I предстал парижанам, как живое воплощение мира и согласия, пылкий христианин, европеец и представитель европейской державы. При этом он – и это, наверное, самая удивительная грань его парижского пребывания – воспользовался этими неделями, чтобы сблизиться с окружением Наполеона. Он показал себя любезным с Марией-Луизой и щедрым по отношению к Жозефине и ее детям. Александр позаботился о том, чтобы это осталось тайной – ни одна статья в тогдашней прессе не упоминает о его связях с семьей Наполеона. Но об этом интересе сообщают многие другие источники.

Близость с семьей Наполеона

С 2 по 6 апреля императрица находилась в Блуа, затем переехала в Орлеан, а оттуда – в Рамбуи, куда она прибыла 13 апреля навстречу своему отцу. На протяжении всего этого путешествия ее сопровождал эскорт: двадцать пять казаков из царской гвардии во главе с графом Шуваловым. Александр не мог подвергнуть Марию-Луизу опасности перед лицом толпы, которая могла оказаться враждебно к ней настроенной. Спустя шесть дней, по требованию своего отца, императора Франца, молодая женщина согласилась позавтракать с царем, прежде чем отправиться в Вену, что она сделала 23 апреля. По словам барона Боссе, свидетеля их встречи, Александр I был любезен с Марией-Луизой и более того, полон внимания к «маленькому королю римскому»:

«Он был столь любезен, столь приятен в общении, что мы были почти готовы поверить, что в Париже ничего не произошло. После завтрака царь попросил у императрицы дозволения увидеть ее сына. И, повернувшись ко мне, имевшему честь знать его с Эрфуртской встречи, он сказал мне: “Господин де Боссе, не изволите ли Вы провести меня к *маленькому королю?*” Это его собственные слова. Я шел впереди него, перед этим послав предупредить госпожу де Монтескью. Увидев этого красивого ребенка, император Александр поцеловал его, осыпал ласками и долго рассматривал»⁶².

Мария-Луиза была глуха к проявленному к этому вниманию и по-прежнему оставалась холодной и отстраненной, как из лояльности к Наполеону, так и потому что она была оскорблена поведением русских солдат по отношению к ней. Дело в том, что несколькими днями ранее казаки из арьергарда почетного конвоя, которым было предписано следить за принадлежавшими императрице повозками,

передвигавшимися по дороге из Блуа в Орлеан, разграбили один из ее фургонов, «содержавший в себе шляпы и шапки»; по мнению супруги генерала Дюрана, «они, возможно, ограбили бы все экипажи, если бы не вмешался их начальник [атаман Платов] и не заставил их все вернуть»⁶³.

А вот Жозефина и ее дочь Гортензия встретили царя гораздо более приветливо. 16 апреля Александр I в сопровождении своего адъютанта Александра Чернышева нанес Жозефине в замке Мальмезон первый визит. Мальмезон, украшенный произведениями искусства невероятной красоты, напоминал музей, если не храм. Здесь, по словам Жоржетты Дюкре, камеристки Жозефины, царила удивительная атмосфера:

«Замок Мальмезон невелик, здесь все принесено в жертву первому этажу, который, хотя и не великолепен, тем не менее, вполне годится для того, чтобы быть местопребыванием государя. У Наполеона здесь были удобные апартаменты, и еще оставалось достаточное количество хорошо распределенных комнат для блистательных приемов; вестибюль, бильярдная, салон, столовая очаровательны, а галерея, вероятно, была одним из самых прекрасных мест на свете, когда она была полна замечательных картин и удивительных статуй работы Кановы.

Императрица, сохранившая к императору привязанность, в которой было что-то от культа, не позволяла передвинуть ни один стул в его апартаментах; и, вместо того, чтобы жить в них, она предпочла расположиться в весьма простом помещении на втором этаже. Все оставалось в точности так же, как когда император покинул свой кабинет: книга по истории, лежащая на его письменном столе, в которой была отмечена страница, где он остановился; перо, которым он пользовался, все еще сохраняло чернила, которые минутой позже могли бы диктовать законы Европе; карта мира, на которой он показывал людям, посвященным в его планы, страны, которые он желал завоевать, несла на себе отпечатки нескольких нетерпеливых движений, вызванных, возможно, его неосторожностью при осмотре. Лишь сама Жозефина вытирала пыль, пачкавшую то, что она называла *своими реликвиями*, и редко она давала кому-либо другому дозволение на это»⁶⁴.

В ходе встречи царь постарался успокоить бывшую императрицу по поводу намерений союзников, заверив, что «ее покой будут уважать, и ее окружают всем соответствующим ее рангу почтением». В последующие дни он старательно отстаивал интересы Жозефины и ее детей. Как мы уже видели, по настоянию Наполеона и благодаря талантам герцога Виченцкого мир в Фонтенбло был сравнительно выгодным для семьи императора Наполеона: Жозефина должна была получить миллион франков ежегодной ренты и имела право сохранить свое движимое и недвижимое имущество. Но это благоволение, дорого обходящееся финансам Франции, пришлось совершенно не по

вкусу Бурбонам. Как граф д'Артуа, так и Людовик XVIII выражали свое недовольство суммами, которые, с их точки зрения, были чрезмерными. Кроме того, что особенно волновало Жозефину, будущее ее сына Евгения оставалось неясным, поскольку он еще не получил никакого конкретного поста. Надеясь найти союзника в лице русского царя, бывшая императрица принимала его благожелательно.

Камеристка Жозефины, мадемуазель Аврильон, оставила интересный рассказ о первой встрече между Александром и ее госпожой:

«Как только император Александр узнал, что императрица Жозефина прибыла в Мальмезон, он поспешил нанести визит Ее Величеству; он был с ней до крайности любезен. Упомянув в разговоре о занятии Парижа союзниками и о положении императора Наполеона, он всегда пользовался прекрасно выверенным языком; он ни на секунду не забыл, что разговаривает с той, что была женой его побежденного врага. Со своей стороны, императрица не скрывала от царя своих нежных чувств и горячей привязанности, которую она продолжала испытывать к императору Наполеону (...) В доброте своей Ее Величество говорила со мной о том, что было предметом ее разговоров с императором Александром, за чьим визитом сразу же последовали визиты других союзных государей. Она не раз повторила мне, что императора Александра больше всего раздражал тот факт, что император Наполеон, говоря о нем, всегда называл его северным варваром; он принимал это очень близко к сердцу. И хотя отвратительное присутствие иностранцев в сердце Франции не могло не вызвать глубокой скорби, нужно быть в высшей степени несправедливым, чтобы считать, что выражение Наполеона подходит тому человеку, к которому он его применял»⁶⁵.

Жозефина, любезная с царем, призвала свою дочь последовать ее примеру. Однако, впервые в этот день увидев российского императора, Гортензия была с ним холодна, как из патриотизма, так и из верности воспоминанию о французском императоре:

«В час дня я прибыла в Мальмезон. С изумлением увидев, что двор полон казаков и все находятся в движении, я спросила о причине происходящего. Мне сказали, что моя мать гуляет по саду в сопровождении императора России. Я решила к ним присоединиться и встретила их неподалеку от оранжереи. Мать, удивленная и счастливая тем, что меня видит, нежно обняла меня и сказала: “Вот моя дочь и мои внуки. Прощу любить и жаловать”. Она выпустила руку императора, и он сразу же подал руку мне. Не глядя друг на друга, ни сказав друг другу ни слова, император Александр и я оказались в одиночестве, в нескольких шагах от всех других, слишком смущенные, чтобы начать разговор (...) Холодная сдержанность была единственным чувством, которое я должна была проявлять в присутствии победителя моей страны. (...) К счастью, эта принужденная беседа не продлилась долго.

Мы прибыли в замок. (...) Он уехал, а мать обругала меня за мою холодность»⁶⁶.

Тем не менее в дни, следовавшие за этой первой беседой, лед тронулся, а Гортензия все больше поддавалась обаянию Александра и испытывала благодарность за его поддержку. Именно после его решительного обращения к Людовику XVIII «мадемуазель де Богарне»⁶⁷ стала «герцогиней де Сен-Ле», а земли Сен-Ле, купленные семьей Бонапарт в 1804 году, на которые претендовал принц де Конде, стали герцогством, которое после смерти Гортензии должно было перейти ее сыновьям – Наполеону-Луи и Шарлю-Луи-Наполеону⁶⁸, а не мужу Луи Бонапарту, с которым она рассталась. В мае царь почти каждый вечер навещал Жозефину в Мальмезоне или Гортензию в ее особняке на улице Серутти. Паскье отмечает в своих «Мемуарах», что царь «проводил там большинство своих вечеров. Там занимались музыкой, он чувствовал себя там легко (...), что, между прочим, отнюдь не вызывало радости во дворце Тюильри»⁶⁹. Гортензия принимала у себя небольшой кружок, слушавший музыку, обсуждавший культуру и искусства. Вскоре постоянная поддержка царя и благодарность, которую к нему испытывала Гортензия, привели к возникновению между императором всея Руси и новоиспеченной герцогиней де Сен-Ле любовной дружбы⁷⁰. Множество писем, написанных Гортензией к царю осенью 1814 года, сохранившиеся и дошедшие до нас⁷¹, показывают, какие отношения между ними завязались. 21 сентября, по возвращении из Бадена, молодая женщина написала из Сен-Ле длинное письмо Александру; делясь с ним своими путевыми впечатлениями, она дошла и до более интимных признаний:

«Вы не поверите, что я в Вас вижу двух людей: когда я думаю о государе, который проявил ко мне интерес и с добротой занимался моими делами, я испытываю признательность, я желаю счастья этому государю и все; но когда я думаю о мужчине, который удостоил меня своей дружбы, своего доверия, когда я вспоминаю, что он хотел любить меня, мои страдания советуют мне надеяться на Провидение; наконец, этот мужчина смог найти отклик в моем сердце, ведь я с тех пор столько раз, испытывая волнение или страх перед будущим, смирялась и говорила: Боже, я верю в Вас! Ах, тот, чьи чувства столь похожи на мои, это друг, поддержка, которую мне прислало само небо! Я нуждаюсь в том, чтобы писать ему, чтобы высказать ему все то, что я испытываю, даже глупости, приходящие в мою голову; он должен знать меня, должен судить меня, я, может быть, доставлю ему удовольствие, заняв его мной. Но когда я закончила письмо, когда осталось только написать адрес, я думаю, что ошиблась!

Как! Это Вам я пишу все это? Я, иностранка, к которой Вы не можете испытывать по-настоящему большого интереса! В самом деле, Вы должны счесть меня немного безумной, и это проявление моей слабости, что я продолжаю писать даже тогда, когда напоминаю себе, кому я пишу. Будьте ко мне справедливы, сожгите мое письмо, не дочитывая его»⁷².

Через три недели, 4 октября, сообщив, что Луи, желающий отнять у нее старшего сына, угрожает ей судебным процессом, она вновь призвала Александра на помощь, поручив его заботам и своего брата Евгения:

«Наверное, я действительно рассчитываю на Вашу дружбу, если я ставляю Вас вот так заниматься мною; но я нахожу столь сладостной возможность немножко на нее рассчитывать, я даже нахожу счастье в том, чтобы переложить на Вас те трудности, с которыми я могу столкнуться по вине других. Мой бедный брат, должно быть, находится в трудном положении при венском дворе; но я препоручаю его Вашей дружбе, чтобы оно стало менее неприятным. Вы так хорошо умеете угадывать то, что чувствуют другие! Поэтому нет нужды вновь писать Вам обо всех чувствах, что мое сердце испытывает к Вам»⁷³.

Похоже, что царь разделял это доверие и эти чувства; в июле он вернулся в Петербург, а в сентябре написал Гортензии, чтобы поделиться с ней всем своим горем, когда прекрасная Мария Нарышкина, его любовница на протяжении десяти лет, мать его маленькой дочери Софьи, решила прекратить отношения с ним...⁷⁴

14 мая 1814 года Александр был приглашен на завтрак в Сен-Ле. Он приехал туда без церемоний, в маленькой коляске, как всегда в сопровождении Чернышева. Жена маршала Нея, герцог Виченцкий, Евгений и Жозефина в сопровождении своей камеристки мадемуазель д'Аврильон тоже были в числе приглашенных. Это посещение вызвало сильное раздражение у Бурбонов, поскольку Александр I отправился к Гортензии в тот самый день, когда другие монархи вместе с королем Франции присутствовали на религиозной службе в память Людовика XVI. Нетрудно оценить, насколько провокационно выглядело это предпочтение, оказанное обществу Гортензии. Во время завтрака царь признался ей:

«Вы не знаете, но сегодня в Париже торжественная служба в честь короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты. Все иностранные монархи должны присутствовать на ней, и я, когда ехал сюда, делился с Чернышевым уникальностью моего положения. Я пришел в Париж полон враждебных чувств к вашей семье, но только в вашем окружении нахожу сладость. Я делаю вам зло, а всем остальным – добро, но только среди вас я нахожу настоящую привязанность. В общем сегодня я должен был бы находиться в Париже с другими монархами, а я в Сен-Ле»⁷⁵.

Однако этот сладостный день, проведенный в Сен-Ле, закончился трагически: Жозефина, долго ездившая в шарабане по лесу Монморанси в окружении своего небольшого круга друзей, и слишком легко одетая, простудилась. Ее состояние заметно ухудшилось в последующие дни. Узнав об этом от Гортензии, Александр отправил к бывшей императрице своего личного врача, а 28 мая нанес ей визит. Но Жо-

Жозефина находилась в постели и не могла его принять. Царь отобедал в Мальмезоне с Гортензией и Евгением, приехавшими ухаживать за матерью. На следующий день, 29 мая, Жозефина скончалась в возрасте 51 года.

Сильно опечаленный этой смертью, Александр I, тем не менее, не присутствовал на похоронах, состоявшихся в церкви города Рюэй. Сначала он собирался туда, но узнав, что Гортензия, тяжело потрясенная смертью матери, на похороны не пойдет, отправил вместо себя губернатора Сакена и Нессельроде, а также приказал, чтобы гвардейский казачий эскадрон в парадных мундирах сопровождал гроб Жозефины «от замка до церкви, оказав ей такие почести, каких она бы в прежние годы удостоилась от французской императорской гвардии»⁷⁶.

Двумя годами позже, в 1816 году, тридцать восемь картин, а также скульптуры, четыре из которых принадлежали резцу Канова, покинули Мальмезон, направившись в Петербург. Александр I оценил их красоту, любуясь ими в обществе Жозефины, и знал им истинную цену, но заплатил за них очень щедро, в очередной раз деликатно оказав помощь их владельцам, Гортензии и Евгению в их финансовых неурядицах...

В 9 часов утра 2 июня Александр в последний раз провел смотр своих войск во французской столице и отправился в Лондон. Он был первым из союзных монархов, покинувшим Париж. На следующий день должно было состояться первое заседание Палаты депутатов, и царь не хотел смущать Людовика XVIII, создавая впечатление, что он продолжает вмешиваться в политическую жизнь Франции. На пути в Кале он в последний раз остановился в Сен-Ле, чтобы попрощаться с Гортензией и ее братом:

«Он попросил меня приготовить ему комнату без каких-либо церемоний и приехал ночью. Наутро в десять часов мой брат привел его ко мне в комнату. Мне было так плохо, что я не могла встать. Они оба позавтракали у моей постели. (...) Наш разговор был грустным.

В течение дня император Александр получил множество писем, работал, гулял с моим братом. Я поднялась, и мы втроем пообедали в моем маленьком салоне.

Император провел еще одну ночь в Сен-Ле и рано утром отбыл в Англию»⁷⁷.

Через два дня после прибытия во французскую столицу русский государь покидал Париж со смешанными чувствами. Конечно, он в полной мере преуспел в своем желании очаровать элиты и общественное мнение, навязал Бурбонам Конституционную хартию и смягчил условия мира, которых союзники требовали для побежденной Франции. Но это не уменьшало той горечи, которую он чувствовал перед лицом несправедливости правящей династии, и хотя его и успокоила

Сент-Уанская декларация, он признавался Гортензии в апреле, что его тревожит возможность постепенной эволюции режима в сторону консерватизма.

Вслед за царем Париж покинули все русские полки, и генерал-губернатор Сакен тоже был освобожден от своей должности. Утром его отбытия, 3 июня, старый генерал внезапно получил подарок – шпагу с золотой рукоятью, усыпанной бриллиантами, и пару пистолетов великолепной работы⁷⁸. На шпаге была выгравирована надпись, в которой город Париж выражал свою благодарность «за хороший порядок, царивший в столице в то время, когда ею управлял этот генерал». Как объяснить подобную благодарность, редкое явление в истории современных оккупаций? Чтобы ее понять, обратимся к людям, которые вошли в Париж вместе с Александром.

ПАРИЖ В РУССКИЙ ЧАС

«Всемиловитейшая государыня! Торжества сего я не в состоянии описать; но верноподданейше доношу только, что в прошедших веках не бывало такового и едва ли будет в будущих. С обеих сторон было неизобразимое радостное восхищение, сопровождавшееся восклицанием многочисленного народа жителей Парижа: да здравствует великий Александр! устроивший благоденствие и мир целой Европы!»¹

Этими восторженными словами атаман Платов описывал императрице Елизавете Алексеевне чувства, которые он испытал при вступлении в Париж. Действительно, для тысяч солдат, сражавшихся на протяжении уже восемнадцати месяцев, пришел час триумфа и радости. Со своей стороны, население держало себя вежливо и даже добродушно по отношению к вступающим в Париж войскам; в глубине души оно ожидало худшего. Да, царь обещал милосердие и снисходительность. Да, первые часы прошли благополучно. Но как дальше будут себя вести оккупационные войска, в особенности казаки? Чего можно ждать от этих дикарей, «пожирателей свечей», которые с того самого момента, как форсировали Рейн, запятнали себя страшными бесчинствами и о которых вполголоса рассказывают, что когда они голодны, они едят детей?

Свирепые глаза и мохнатые шапки

В марте 1814 года, когда русские солдаты подходили к Парижу, их репутация была ужасной, особенно если речь идет о казаках; одно упоминание о них наводило ужас. В конце января Пьер Дарденн, столкнувшийся с их присутствием в Шомоне, насмешливо описывал этих полулюдей-полузверей в своем письме к другу-аптекарю в Сен-Жироне:

«Я уверен, мой друг, Вы никогда не видели казаков. Не сожалейте об этом: это не слишком интересное животное, хотя, по праву завоевания, оно и обитает в окрестностях Азовского моря, на берегах античного Тана-

иса². Представьте себе людей довольно подозрительного вида, среднего роста, бородатых как козлы и уродливых как обезьяны. Они одеты в нечто вроде сутаны священника, которая спереди перевязана крест-накрест и держится при помощи пояса. У самых зажиточных эта одежда из синего сукна, а пояс – красный. У одних на голове высокая цилиндрическая шапка, у других – круглая, плоская и широкополая, подобная тому головному убору, что носят наши овернцы, ходящие по миру ради удовольствия чинить наши кухонные принадлежности. Многие одеты в грубо сшитые овечьи шкуры мехом внутрь, что защищает их от холода; другие довершают это причудливое одеяние тем, что набрасывают себе на плечи большой плащ из медвежьей шкуры...»

Не довольствуясь описанием одежды казаков, Дарденн рассказал и об их психологии, обвинив их в стремлении к воровству и грабежам:

«Они все ездят верхом на лошадях или в повозках. Их лошади, как мне показалось, энергичны и быстры, хотя вместе с тем они тощи и плохо сложены. Седло находится очень высоко и оставляет пустое пространство на спине лошади: в этот тайник казаки обычно складывают свою добычу. Это высокое седло придает им такой своеобразный вид, что мне сложно его Вам описать. Они не пользуются шпорами; вместо этого они бьют своих лошадей чем-то вроде кнута. Они носят грубо сделанное копье или пику восьми-десяти футов длиной, которым владеют, по рассказам, крайне ловко.

У них нет униформы, они носят одежду разных цветов, часто изорванную или штопанную. Эти казаки – попросту русский сброд. И это – покорители Франции! До какой же степени унижения мы дошли!»

Так Дарденн описал нерегулярных казаков императорской армии; затем он переходит к регулярным казакам, которые, впрочем, тоже не пользуются его благосклонностью:

«Они входят в состав полков и чуть менее отвратительны, чем те, описанием которых я Вас только что развлек, хотя и принадлежат к той же самой нации; их в некоторой степени подчинили военной дисциплине, в то время как другие совершенно независимы и самые настоящие воры по своему ремеслу; их естественные порывы до такой степени располагают их к грабежу, что, когда они уже не могут грабить своих врагов, они начинают обкрадывать своих офицеров и друг друга. Их здесь прошло очень много; городу не пришлось особо жаловаться, конечно же, потому что они боялись *палок*³; ведь их хищные аппетиты смиряют только ударами палки. Но в походах они показывают себя наглыми грабителями; все говорят об их бесчинствах и разбое...»⁴

Ни во что не верящие, лживые, недисциплинированные воры, казаки сеяли ужас на своем пути, а множество песен и памфлетов еще более преувеличивало бесчинства этих «современных аттил». Это выражение часто употреблялось; к примеру, Беранже написал в январе 1814 года песню:

Следуя дорогою Аттилы,
Варвар одуревший
Вновь явился в Галлию за смертью.
Вот он, бивуак,
Что разбил у нас казак.
Вышел из своих болот,
Хочет поселиться во дворце –
Англичане ему это обещали⁵.

Эти тексты сопровождались ужасными изображениями, которые охотно перепечатывали журналы и брошюры, которые расклеивались на стенах города, вызывая всеобщую тревогу:

«Они были огромными, вращали свирепыми глазами из-под своих мохнатых шапок, размахивали копьями, красными от крови, а на шеях у них были ожерелья из человеческих ушей и цепочек от часов. Другие поджигали хижины и грели руки у сгорающих деревень. Париж был полон этих пугающих изображений»⁶.

Можно представить, сколь сильным было предубеждение против русских и какой была атмосфера, когда русская армия подошла к Парижу.

Барон Фабиан Остен-Сакен, назначенный царем генерал-губернатором, получил в помощь трех комендантов: от Австрии, Пруссии и России. Каждому было поручено оберегать порядок и безопасность и одном из четырех округов. Придерживаясь своей стратегии очарования французского населения, Александр I избрал комендантом от России французского эмигранта Луи де Рощешуара. Тем временем Остен-Сакен, выполняя требования царя, постарался как можно скорее успокоить население. Уже вечером 31 марта он призвал магазины и театры возобновить нормальную работу:

«Генерал-губернатор Парижа барон Сакен желает, чтобы все спектакли столицы вновь открылись в этот вечер, как обычно. Париж, 31 марта 1814 года»⁷.

А на следующий день он приказал опубликовать в газетах и расклеить на стенах успокаивающий приказ:

«Генерал-губернатор Парижа барон Сакен строго запрещает тревожить, беспокоить или оскорблять кого бы то ни было за политические мнения или за наружные знаки, которые бы кто-нибудь на себе ни носил»⁸.

Таким образом, пришло время «вернуться к нормальной жизни». Но в то же время Сакен держался весьма нестандартно для нового хозяина «столицы мира»:

«Упряжь в русских каретах была веревочной, бородатый кучер держит вожжи в вытянутых широко расставленных руках, с хлыстом, свисающим с правого запястья. Облачен он в халат и широкополую шляпу, а

форейтор скачет на правой лошади. И так выглядел даже экипаж барона Сакена, русского губернатора Парижа!»⁹

В соответствии с приказами царя Сакен и Рошешуар осуществляли очень строгий контроль над армией. Впрочем, не все войска вообще получили разрешение разместиться в Париже. Эта честь выпала лишь гренадерским полкам, императорской гвардии и полкам гвардейской казачьей кавалерии (солдатам и офицерам); что касается других полков, лишь офицеры, имевшие достаточно высокий чин, получили особые ордера, позволявшие им расположиться в городе. И внешний вид этих молодых офицеров тоже вызывал удивление:

«Некоторые из русских офицеров были почти дети, и на всех них были либо подтяжки, либо очень тесно обхватывавший их пояс чуть выше бедер; грудь их была простегана и сильно выдавалась вперед; они носили белые детские перчатки, а их густые волосы спускались до плеч»¹⁰.

Офицеры, получившие ордера на расквартирование, должны были обязательно, под страхом сурового наказания, жить по адресу, указанному в их ордерах. Кроме того, было регламентировано использование общественного транспорта. Чтобы не дестабилизировать местную жизнь и экономику, казакам, большим любителям рыбы, было воспрещено ловить рыбу в частных прудах. Впрочем, этот запрет не всегда соблюдался: в апреле 1814 года казачье подразделение расположилось рядом с замком Фонтенбло, и всего за несколько дней все окрестные пруды полностью лишились своих карпов...¹¹

Вопрос размещения на постой тоже порой оказывался непростым, а сосуществование парижан и русских солдат не всегда проходило гладко: «Сегодня четырнадцать русских с лошадьми и багажом расположились лагерем в моем дворе. Когда они знаками показали мне, что намереваются разделить мое жилище и мой стол, я счел нужным уступить им первое, чтобы спасти второй». И хозяин дома безотлагательно сбежал к родственнику, дабы избежать «неудобств совместной жизни с подобными гостями»¹². Это был не единственный такой случай; с каждой неделей их становилось больше. В службах полицейской префектуры сохранилось немало жалоб на то, что казаки вырывают и сжигают дощатые настилы домов, приготовляя себе пищу. Дело в том, что казаки, многочисленные и несколько неотесанные, ни в коем случае не могли жить в домах парижан и потому располагались лагерем прямо в Париже. В отличие от своих офицеров, хорошо образованных и говоривших на французском, они приводили в ужас французские элиты, не готовые к сосуществованию с такими людьми. Столкнувшись с необходимостью такого сосуществования, французская знать приходила в ярость. В апреле 1814 года Рошешуар полу-

чил письмо от герцогини де Ровиго, которую попросили приютить несколько десятков казаков. Она была возмущена и сообщила ему о причиненном ей ущербе. Комендант города проявил галантность и немедленно прислал на смену этому отряду красавца-адъютанта, гораздо более «приемлемого»:

«Она горько и небезосновательно жаловалась, что ее дворец на улице Серютти наполнили простыми казаками, прислав сорок человек, портивших дорогую мебель, украшавшую апартаменты. (...) Я немедленно выселил из ее прекрасного дворца эту орду казаков, которых послали туда лишь из мести против бывшего министра полиции; на их место я прислал одного из своих товарищей, императорского адъютанта, князя Лопухина, (...) выдающегося своей красотой и прелестями юного возраста; ему было всего двадцать пять лет»¹³.

Вплоть до ухода русских войск не прекращались прискорбные случаи нанесения ущерба, им были готовы приписать все новые и новые ужасы, и утром 3 июня на улицах столицы царил паника:

«Отбытие (...) русских войск ознаменовалось несколькими беспорядками. Этой ночью сообщили, что они собираются поджечь казармы, в которых находились, и уже выкидывают мебель из окон. На место немедленно явился отряд пожарников и достаточное число жандармов с приказом убивать на месте тех, кто предаста подобным бесчинствам. Полицейские агенты проникли в казармы, чтобы увидеть, откуда исходило это действие. В действительности его причиной не был ни коварный заговор, ни какая-либо злоба, но один из этих народных инстинктов...¹⁴ это неприятие...¹⁵ нужда разрушить то, что они оставляют. Впрочем, казармы удалось сохранить. Лишь мебель была сломана. Учитывая, что мы имели дело с русскими, мы легко отделались»¹⁶.

Оккупация, которую с трудом переносило гражданское население, была еще более неприемлема для французских военных, которые чувствовали, что затронута их честь и их патриотические чувства. Об этом недвусмысленно рассказывают полицейские рапорты апреля–мая 1814 года:

«Почти все письма полны поздравлений с приходом мира и порядка благодаря возвращению Бурбонов.

Многие сетуют на невзгоды, связанные с присутствием во Франции союзных армий. Отдавая должное их хорошему поведению в Париже, авторы писем возмущаются тем фактом, что некоторые воспринимают присутствие иностранных армий как благо. Особенно это раздражает военных»¹⁷.

Месяцем позже отношение стало еще более негативным, поскольку материальные трудности, не дававшие покоя ветеранам, только усиливали их гнев и недовольство:

«Лишь военные отказываются разделять любовь французов к августейшей семье Бурбонов. Желательно, чтобы быстрая реорганизация

армии удовлетворила амбиции наибольшего числа военных и, разместив всех по местам, позволила высшей власти надзирать за ними и направлять их. (...)

Ветераны горько жалуются, что правительство бросило их и подвергло всяческим лишениям. По их словам, им не предоставляют ни жилья, ни одежды, ни еды. (...) Поскольку положение не может не внушать опасений, есть мнение, что военному министерству имело бы смысл уделить, какое-то внимание судьбе ветеранов»¹⁸.

Предоставленные самим себе, выживающие в условиях нужды, ветераны затевали постоянные споры, а то и яростные драки, в которых оккупанты сталкивались с «бывшими» французскими офицерами или солдатами. В своем дневнике Андервуд свидетельствует, что были приняты меры для преодоления этой напряженности, но результат был не слишком убедителен:

«Французские офицеры и солдаты (...) начали вести себя очень дерзко, особенно в отношении дисциплинированных и терпеливых русских. Это заставило губернатора Сакена приказать всем офицерам союзной армии, у которых не было дел в Париже, вернуться в свои корпуса. Аналогичные меры приняло и французское правительство, Национальная гвардия получила приказ арестовывать всех, кто нарушит мир, а парижанам было запрещено вмешиваться в ссоры. Но это распоряжение нарушалось, французы продолжили свои нападения и пытались срывать с головных уборов союзников ветви, которые те всегда носили. Ссоры вспыхивали все чаще, и жители города вставали на сторону французских солдат. В пятницу 29 апреля в саду Пале-Рояля состоялось настоящее побоище, и несколько человек с обеих сторон были ранены»¹⁹.

4 мая, когда Людовик XVIII устроил смотр Национальной гвардии, на солдат коалиции были совершены новые нападения, а некоторые французские военные «попытались даже сорвать серебряные медали за московскую кампанию²⁰ с груди русских военных»²¹. В следующие дни инцидентов происходило все больше: 8 мая, когда король проводил смотр бывшей императорской гвардии во дворе Тюильри, «группа французов напала на австрийцев. Несколько человек было убито с обеих сторон; в числе погибших было несколько гризеток, танцевавших с союзниками»²². Происшествия, о которых рассказывает в своем дневнике Андервуд, не были исключительными: в полицейских рапортах весны 1814 года говорится о ссорах и даже дуэлях (хотя они были запрещены) между оккупантами и французскими солдатами, испытывавшими ностальгию по Империи. Три дуэли между французскими и русскими офицерами состоялись 4 мая прямо на Елисейских полях, в результате чего один француз и двое русских были смертельно ранены²³. Двумя днями позже полицейский бюллетень сообщал: «Сегодня, как и вчера, произошло бесчисленное множество ссор между французскими и иностранными военными»²⁴.

Русские источники тоже упоминают о частых спорах и дуэлях с «наполеонистами». Как рассказывает в своем дневнике Борис Икскуль, офицер эстляндского происхождения 21 года от роду:

«Наполеонисты задирали нас как-то в одном кафе, и вскоре началась грозная, хотя вместе с тем и потешная битва: мы сражались стульями и подсвечниками, бутылками и тарелками. Все было разгромлено в этом злосчастном помещении, а закончилась схватка несколькими дуэлями, из которых одна коснулась меня вплотную и имела печальный исход, поскольку пруссак, который был моим секундантом, после того, как я уложил своего противника, начал драться с его секундантом и был убит на месте! Но все это произошло втихомолку, тайком от властей»²⁵.

С каждым днем парижане все хуже переносят присутствие иностранных войск, которых они винили во всех своих бедах. И хотя Александра I в целом по-прежнему воспринимали благосклонно, терпение парижан было на исходе, а враждебность к оккупантам стала всеобщей:

«Этим утром [4 мая], когда русские войска пришли на набережные, чтобы подготовиться к параду, который должен был пройти в присутствии его величества, со всех сторон раздавался ропот против зеленых веток, которые они носили у себя на головах (*sic*) в знак победы. К счастью, пришел приказ снять эти ветки, что они немедленно и сделали ко всеобщему удовлетворению. Префект полиции предвидел необходимость этой меры и уже утром побывал у г-на де Талейрана, заклиная его обратиться с этой просьбой к императору России.

В целом состояние умов сейчас такое, что все действия союзных монархов толкуются в дурную сторону, тогда как вначале их воспринимали куда более благожелательно. Впрочем, общественное мнение всегда выделяет императора Александра, но многих людей не удастся переубедить в том, что Пруссия и Австрия требуют огромной контрибуции»²⁶.

Дело в том, что условия перемирия, а затем и мирного договора, считались невыгодными, что провоцировало всеобщую горечь и разочарование. Как сообщал бюллетень от 28 мая:

«В общественных местах продолжают всюду заниматься политикой. Условия мира, в той мере, в какой они известны, не удовлетворяют национальную гордость. Как говорят, союзники заявили, что хотят видеть Францию великой и сильной. Чтобы она была такой, ей нужны завоеванные ею естественные границы, которые пожелал перейти опрометчивый Бонапарт со своими амбициями. Франция, возвращенная в свои пределы 92 года или приблизительно им соответствующая, недостаточно велика и недостаточно сильна по сравнению с другими преобладающими европейскими державами, которые существенно расширяют свою территорию. В размышлениях по этому поводу нет ничего неприятного для правительства. Похоже, что народ убежден: в том состоянии, в каком король нашел Францию, ему сложно было выдвигать какие-либо требования.

Но люди досадуют на союзные державы, которые отнюдь не оказались, столь умеренными, как заявляли...»²⁷

Эта напряженность усугублялась политической неопределенностью – люди, разбогатевшие при Наполеоне, боялись мести старых дворянских элит и опасались за свои посты, а также за попавшее в их руки национализированное имущество. Кроме того, в Париже разразился экономический кризис. Масштабная безработица затронула как рабочий класс (в общей сложности почти двести тысяч человек), так и мелких служащих, что отнюдь не прибавило народу любви к Бурбонам. Что касается деловой буржуазии, поддерживавшей Наполеона и извлекавшей выгоду от континентальной блокады, она опасалась последствий поражения, которое угрожало оставить ее беззащитной перед лицом конкуренции со стороны британских товаров:

«Возможно, больше всего беспокоятся фабриканты, а еще больше – рабочие, занимавшиеся прядением и ткачеством хлопка. Они опасаются торгового договора, который последует за миром с Англией. 200 тысяч безработных рабочих и 12 тысяч капиталистов, которые потратили большие деньги на создание крупных предприятий и которые боятся, что уже не смогут извлечь из них никакой выгоды. Если эта масса недовольных потеряет всякую надежду, она станет опасной»²⁸.

Как мы видим, оккупацию воспринимали мрачно, если не с открытой враждебностью.

Русские тоже в некоторой степени были разочарованы условиями своего пребывания в Париже. Конечно, в момент их прибытия господствовала эйфория, нашедшая свое отражение в дошедших до нас дневниках и переписке. «Походные записки»²⁹ 22-летнего Ивана Ивановича Лажечникова, адъютанта генерала Александра Остермана-Толстого, отнюдь не лишены лиричности:

«Что сказали бы вы, почтенные Капеты, вы, основатели французского царства, и ты, Генрих, отец своего народа, и ты, великолепный Лудовик XIV? Какое чувство изъявили бы вы, скуллии, колберты, тюренны, расины и вольтеры, подпора и слава отечества своего? Что рекли бы вы, когда, стряхнув с себя сон смерти, услышали бы радостное “Ура!” славян на высотах Монмартра?...»³⁰

Другие свидетельства были выдержаны в том же ключе. Константин Батюшков в письмах к друзьям передал то возбужденное состояние, которое завладело солдатами, а также публикой, смотревшей на их въезд в Париж:

«Теперь вообрази себе море народа на улицах. Окна, заборы, кровли, деревья бульвара, все, все покрыто людьми обоих полов. Все машет руками, кивает головой, все в *конвульзии*, все кричит: “Да здравствует Александр, да здравствуют русские! Да здравствует Вильгельм, да здравствует император Австрии! Да здравствует Людовик, да здравствует король, да

здравствует мир!" (...) Государь, среди волн народа, остановился у полей Елисейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве. Народ был в восхищении, а мой казак, кивая головою, говорил мне: "Ваше благородие, они с ума сошли". "Давно!" – отвечал я, помирая со смеху.

Но у меня голова закружилась от шума. Я сошел с лошади, и народ обступил и меня, и лошадь. В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы, отчего они длинные? "В Париже их носят короче. Артист Дюлон вас обстрижет по моде". "И так хорошо", – говорили женщины. "Посмотри, у него кольцо на руке. Видно, и в России носят кольца"»³¹.

А Сергей Григорьевич Хомутов, офицер императорской свиты, записал в своем дневнике: «Кто видел наяву вход всероссийского императора в столицу Франции, тому, кажется, не остается ничего и желать!»³² Под воздействием этой эйфории, этой могучей радости и гордости Глинка написал красивейшее стихотворение:

И видел, что за все лишенья,
Пришли с царем пощады мы ж,
И белым знаменем прощенья
Прикрыли трепетный Париж.
И видел, что коня степного
На Сену пить водил калмык,
И в Тюильри у часового
Сиял, как дома, русский штык!..³³

Но эйфория первых дней быстро уступила место более смешанным чувствам. Прежде всего потому, что парижская жизнь не соответствовала ожиданиям: Николай Николаевич Муравьев сообщил, что частота военных смотров требовала дисциплины, соблюдать которую солдаты были совсем не склонны, тем более, что они не видели в ней смысла теперь, когда война окончилась. Это мнение разделял и солдат Памфил Назаров³⁴, чье суждение особенно ценно в силу своей исключительности: Назаров, сын крестьянина из маленькой деревушки в Тверской губернии, неграмотный, подобно большинству солдат царской армии³⁵, 20-летний на момент вступления на службу в сентябре 1812 года, принял активное участие в войне против Наполеона в России, Германии и Франции, и попал в число солдат, удостоившихся чести сопровождать русского царя в Париже. Он тоже был тронут «торжественным»³⁶ приемом, который парижане оказали императорским войскам, но быстро начал жаловаться: «Стоять в Париже было для нас невыгодно: частые парады, учение и караулы»³⁷. Кроме того, строгость контроля и нормы снабжения принудили солдат к скудной жизни, и некоторые даже не имели возможности есть досыта:

«Во все время пребывания нашего в Париже часто делались парады, так что солдату в Париже было более трудов, чем в походе. Победителей морили голодом и держали как бы под арестом в казармах»³⁸.

Многие, по крайней мере по приезду, столкнулись (мы увидим, что впоследствии это изменится) с финансовыми трудностями, о которых упоминает Лука Симанский в письме к родным:

«Вообразите же мое удивление, когда приехав в Париж, слышу, что офицеры живут в казармах на своем содержании, от государя ничего не шло на стол и который им становится очень дорог».³⁹

Конечно, некоторые русские, чувствительные к вопросам национальной гордости, приходили к выводу, что снисходительность, проявленная царем по отношению к французам, вредит русским...

Чтение этих текстов позволяет увидеть, что сосуществование русских и французов весной 1814 года было отнюдь не простым. Но мало-помалу враждебные предрассудки отступали, и им на смену приходило более мягкое отношение друг к другу, и даже некоторая взаимная симпатия.

Живописные встречи

Конечно, в Париже русские казаки не переставали удивлять и пугать местное население. Их высокий рост, впечатляющие усы, слегка раскосые глаза и смуглая кожа⁴⁰, не говоря уж о манере одеваться (шаровары и отороченные мехом шапки с киверами) и об их оружии (копья длиной более трех метров и сабли, никогда не находящиеся в ножнах⁴¹), – все беспокоило парижан и все подтверждало образ диких орд, чуждых какой-либо цивилизации. О нерегулярных казаках всегда отзывались сурово, с примесью отвращения:

«У большинства из них есть нечто вроде редингота, цветом и формой напоминающего сутану капуцина; одни подвязаны веревкой, другие – платком, некоторые – кожаными поясами; они плохо обуты, на головах у них грязные плоские шапки, они воняют; они пожираемы паразитами. Впрочем, они большие и крепкие. Моя горничная видела, как один из них воровал яйца – он взял в одну руку сразу пять яиц»⁴².

За исключением казачьего полка императорской гвардии, лишь казачье подразделение регулярной армии получило дозволение расположиться у Талейрана, на улице Сен-Флорантен. Другие встали лагерем на Елисейских полях и на Марсовом поле, поблизости от здания Военной школы. Гуляющие парижане могли наблюдать, как казаки приводят в порядок свою униформу, стирают белье, заботятся о своем мелком скоте (овцах, козах, домашней птице), готовят еду прямо на земле. Лажечников, оценивший весь юмор подобной ситуа-

ции, описал размах культурного столкновения, происходящего в самом сердце Парижа:

«20 марта⁴³, поутру. Казаки расположили свой стан на Елисейских Полях: зрелище, достойное карандаша Орловского⁴⁴ и внимания наблюдателя земных превратностей! Там, где парижский щеголь подавал своей красавице пучок новорожденных цветов и трепетал от восхищения, читая ответ в ласковых ее взорах, стоит у дымного костра башкирец в огромной засаленной шапке с длинными ушами и на конце стрелы жарит свой бифштекс. Гирлянды и флеровые покрывала сменены седлами и косматými бурками⁴⁵,⁴⁶.

Как на Елисейских полях, так и на Марсовом поле, за исключением упражнений и парадов, в которых солдаты были обязаны принимать участие, они проводили время так, как могли. Они жонглировали, делали акробатические упражнения и, не обращая ни малейшего внимания на осмелевших зевак, разглядывавших бивуаки, они не стеснялись раздеваться для мытья прямо на открытом воздухе, совершенно не соблюдая какие-либо приличия! На высоте моста Согласия они заходили в Сену по пояс, чтобы напоить своих лошадей и искупать их прямо на глазах у прохожих; вечером, у костра, выпивая немало водки, казаки пели военные или фривольные песни⁴⁷ и устраивали бешеные пляски, которые, по мнению русского офицера Липранди⁴⁸, очень нравились французам. Но, поскольку казаков было очень много для столь ограниченного пространства, а они обжили его как сельскую местность, это приводило к разрушениям, губельным для красоты Елисейских полей – любимого проспекта парижан. В скором времени это привело к протесту со стороны префекта Паскье, а затем и к вмешательству царя:

«Узнав от меня, что лошади его кавалерии, расположившейся лагерем на Елисейских полях, уничтожали посадки деревьев, он самолично отправился на место, удостоверился в нанесенном ущербе и отдал приказ прекратить опустошение, и даже, в меру возможного, восстановить то, что было; таким образом, его заслуга, что этот великолепный променад уцелел»⁴⁹.

Объем спиртного, которое поглощали русские солдаты, был столь велик, что присутствовавшие при этом начинали испытывать беспокойство. В своих воспоминаниях Николай Ковальский рассказывает забавный случай с неким Юрко, известным пьяницей, который, так же, как и он, служил в драгунском полку при императорской гвардии⁵⁰. Едва явившись в Париж, вышеупомянутый Юрко бросился в аптеку:

«Там он привел в трепет аптекаршу своими страшными нафабреными усами, каким-то чутьем он отыскал склянку с алкоголем, выпил, закусил луковицей и, потирая себе живот, отправился домой. За ним следом

в казарму прибежал растерявшийся аптекарь, с клятвами, что он ни в чем неповинен, что этот несчастный сам отравился, что он не отвечает за его неминуемую смерть, но Юрко и в ус себе не дул...»⁵¹

В своем «Дневнике пленника» англичанин Андервуд, в ходе воскресной прогулки заглянувший на Елисейские поля, чтобы, подобно многим парижанам, посмотреть на казаков, оставил яркое описание жизни на бивуаке:

«Елисейские поля от площади Людовика XV до Бурбон-Елисейского дворца были заполнены военными. Пруссаки разбили лагерь на южной стороне дороги со всей регулярностью дисциплинированных солдат. К северу находился лагерь казаков. В нем не было видно ни порядка, ни военной роскоши, ни даже оружия современных армий. Взорам представала лишь беспорядочная орда варваров с границ Дона, из пустынь Татарии и с берегов Каспийского моря. Казалось, что время отступило назад, и перед нами предстала другая эпоха, другое состояние общества и другие люди. Пассивность, в которую была погружена большая часть этого скопления людей, производила особенно сильное впечатление: она очень контрастировала с энергичностью, которую они столь долго выказывали, с трудностями, которые они столь долго переносили, и с сильнейшими чувствами, которые они столь недавно пережили. Они находились у входов в свои хижины, построенные скорее для хранения награбленного, чем для удобства их хозяев, поскольку они были недостаточно высоки даже для того, чтобы в них сидеть. Некоторые ставили заплатки на свою несуразную разномастную одежду, чинили свои сапоги или созерцали свою добычу; другие продавали различные предметы – шали, хлопковые изделия, часы и пр., а французы активно торговались, совершенно не волнуясь, что подобным образом соучаствуют в грабеже своей собственной страны. Некоторые готовили; но большинство просто валялись, погруженные в неуютную летаргию, посреди потрохов убитых ими животных, которыми была устлана земля, или прямо на подстилках своих лошадей, поедавших кору деревьев, к которым они были привязаны. Самое различное оружие было прислонено к этим деревьям или висело на их ветвях – копыя исключительной длины, луки и колчаны со стрелами, сабли, пистолеты, а также военные плащи, другие предметы одежды и грубые седла: это смешение было весьма живописно. По лагерю совершенно непринужденно расхаживали французы; варвары не мешали им и вообще совершенно не обращали на них внимания, до такой степени, что это сложно себе даже вообразить. Парижские торговцы продавали пряники, яблоки, апельсины, хлеб, красную селедку, вино, бренди и легкое пиво; сей последний напиток показался казакам отвратительным пойлом, поскольку, донеся его до губ, никто не мог проглотить его. При этом русские любого состояния и класса с огромной жадностью поглощали апельсины. Споры, возникшие по поводу сравнительной ценности иностранных монет и французских денег, благодаря добродушию и безразличию казаков обычно заканчивались в пользу торговцев, чьи попытки обмануть клиентов вызывали лишь благодушную усмешку. (...)

За всю нашу прогулку мы не заметили ни малейшей склонности к дерзости у какой-либо из союзных армий. Напротив, все они проявляли доброту и мягкость, которые отнюдь не могли быть следствием одной лишь дисциплинированности»⁵².

Это последнее наблюдение имеет огромную важность. Вместе с тем, хотя с течением времени горожане привыкли к представшему перед ними зрелищу, нерегулярные казаки с грубыми манерами по-прежнему выглядели бесстыдными ворами, несмотря на приказы и дисциплинарные меры.

2 апреля госпожа де Мариньи отметила, что «расстреляли казаков, укравших сеledку», а через два дня написала, что они – «настоящие разбойники. Они продолжают опустошать пригороды Парижа»⁵³. Казаки нередко грабили, а потом продавали награбленное. Что забавно, они привезли в Париж фальшивые рубли, которые Наполеон отпечатал для своего похода на Россию. Полицейский бюллетень от 25 мая сообщал, что «в обращении ходит много фальшивых российских банкнот. Меняла, обменявший вчера 450 франков на российские деньги, подал жалобу русскому генералу, от которого он их получил, но генерал ответил, что эти деньги сфабриковал Бонапарт (...)»⁵⁴.

И все равно мягкость казаков по отношению к местному населению, не лишенная наивности, в конечном счете очаровала парижан. В своих «Мемуарах» графиня де Буань описала добродушные отношения, постепенно установившиеся между падкими на экзотику парижанами и солдатами оккупационной армии:

«Удивительным зрелищем для глаз и для умов были эти донские жители, мирно жившие согласно своим привычкам и обычаям посреди Парижа. У них не было ни палаток, ни какого-либо иного убежища; к каждому дереву было привязано по три-четыре лошади, а их наездники сидели рядом на земле, и разговаривали друг с другом мягкими голосами на мелодичном языке. Большинство из них занималось шитьем: они штопали свои поношенные одежды, кроили и шили новые, чинили свою обувь, упряжь своих лошадей или занимались отделкой для своих нужд того, что было награблено в прошлые дни. Впрочем, это были регулярные гвардейские казаки, и, поскольку они редко использовались в качестве разведчиков, им меньше везло в мародерстве, чем их собратьям, казакам нерегулярным.

Их униформа была очень красивой: широкие синие штаны, туника из плотной шерстяной ткани, также синяя, с простеганной грудью и туго перехваченная широким поясом из блестящей черной кожи, со сверкающими медными пряжками и украшениями. За пояс было заткнуто оружие. Этот полувосточный костюм и их странная посадка на лошади (они почти стояли, поскольку высота их седла позволяла им не сгибать колени) сделали казаков предметом любопытства всех ротозеев Парижа. Они не возражали, чтобы люди к ним подходили. В особенности это ка-

салось женщин и детей, которые стали буквально ездить на них. (...) Время от времени они забавлялись тем, что издавали что-то вроде ворчания; любопытные женщины отшатывались в ужасе. Тогда (...) они хохотали от души, и те, кого они успели напугать, смеялись вместе с ними»⁵⁵.

Другие источники вторят графине де Буань. В письме от 16 апреля 1814 года граф Вольней, решительно опровергая образ полчищ русских варваров – могильщиков французской цивилизации, недвусмысленно заметил: «Мечта сбылась: мы обрели свободу, и я даже сказал бы, цивилизацию, из рук этих иностранцев, которых нам старательно изображали людоедами»⁵⁶. Юный Виктор Гюго, которому в то время было 12 лет, значительно позднее вспоминал, что «казаки нисколько не походили на свои изображения; они не носили на шее ожерелий из человеческих ушей; они не воровали часы и не поджигали дома; они были мягки и вежливы; они глубоко уважали Париж, считая его святым городом»⁵⁷.

Завязавшиеся между русскими и местным населением мирные отношения быстро привели и к небескорыстному вниманию, поскольку подвыпившие солдаты и офицеры стали излюбленной целью уличных торговцев и торговок. Иван Казаков, прапорщик Семеновского полка, хорошо передал удивительную атмосферу, царившую на подходе к бивуакам:

«Как нам, так и солдатам хорошее житье было в Париже; нам и в голову не приходила мысль, что мы в неприятельском городе. (...) Солдат наших тоже полюбили – народ видный, красивый. Около казармы всегда куча народа, и молодые торговки, с ящиками через плечо, с водкой, закуской и сластями толпились около солдат на набережной перед казармой»⁵⁸.

Молодые торговки, предлагавшие свежие яйца, сыры, ликеры и самые различные безделушки, неплохо зарабатывали, и вскоре, по словам Николая Броневского, «наши лагеря превратились в базары»⁵⁹. Дело в том, что русские солдаты и офицеры были богаты! Чтобы вознаградить их за храбрость и геройскую стойкость, Александр I удвоил жалованье за 1814 год и одновременно выплатил жалованье за 1812 и 1813 год; другими словами, у русских денег куры не клевали, и многие из них бросились это богатство без удержу тратить. Впоследствии Матвей Муромцев откровенно признается: «Право стыдно: ничего не видал, кроме музея Наполеона⁶⁰. Веселился, пил, ел и пр.»⁶¹ По прибытии в Париж казачьи офицеры вместе с офицерами регулярной армии не выходили из ресторанов, кафе, галерей Пале-Рояль, игорных заведений и публичных домов. И, подобно Борису Иксюлю, они уже не знали, куда и податься. (26 марта) 7 апреля он писал в своем дневнике:

«Мы ведем княжескую жизнь в этом Париже! Утро пролетает быстро, слишком быстро. Я бегу направо и налево, то посещаю суды, то музеи и кружки. Затем с несколькими друзьями ужинаю у Véry, в Rocher de Cancale или у Frères Provençaux. Я седлаю коня или нанимаю кабриолет и еду из города – в Сен-Жермен, Версаль, Марли, Булонский лес»⁶².

В ресторанах русские считались платежеспособными и действительно были щедры, тем более что стоимость жизни в Париже им казалась не слишком высокой. В своем дневнике Чертков подчеркнул, что офицеры получали по 5 франков в день, а офицеры Генерального штаба – вдвое больше, в то время как обед из шести блюд в Пале-Рояле обходился не дороже одного франка пятидесяти сантимов⁶³. Все приходило в восторг от красиво накрытых столов, изящных салфеток, хорошей еды и изысканных вин, которые подавались в хрустальных кубках⁶⁴. Не может быть сомнений, что за эти восемь недель русские оккупанты все как один прониклись французским искусством жить. Но в конечном счете оно обошлось недешево:

«К русским относятся очень предупредительно, но это не мешает им брать с нас большие деньги. Кабриолет обходится в 15 франков в день. Кучеры – отъявленные прохвосты, но довольно любезны, если увидят полный кошелек. Они болтуны и готовы на все, если их осыпать деньгами»⁶⁵.

Париж принес немало разочарований. Любовь к азартным играм, свойственная многим русским, приводила к большим расходам. Генерал Милорадович, страстный игрок, попросил царя выплатить ему авансом жалованье и денежное содержание пехотного генерала за три будущих года. К несчастью для Милорадовича, Александр I согласился – и еще до отбытия из Парижа все эти деньги были проиграны...⁶⁶

Именно в Париже русские, привычные к карточным играм, открыли рулетку, еще мало известную в России. Иван Казаков, знаменосец Семеновского полка, элитного подразделения императорской гвардии, оставил интересные замечания об этой «дьявольской» игре, популярной в Пале-Рояле:

«Редкий день проходил без того, чтоб я не бывал в Пале-Рояле – сборное место, куда все офицеры собирались, как самое приятное, веселое и, вместе с тем, самое пагубное. Пале-Рояль есть своего рода город в городе Париже: вы можете в четверть часа с головы до ног одеться франтом; можете отлично есть и пить и жить в прекрасной квартире и иметь все удовольствия и развлечения, не выходя из Пале-Рояля, лишь бы у вас были деньги. Можете и вконец разориться, проигравшись в № 129, в рулетку, в банк, в красное и черное, где найдете отличное общество. Сколько раз мне случилось видеть там наших генералов и старика Блюхера в партикулярном платье, горчайшего игрока, проигрывавшего большие суммы.

Я часто заходил туда, но не имел охоты играть. (...) Рулетка есть ад и рай для многих – выигрывающий в восторге, а проигравшийся испытывает все мучения ада, и в сумасшествии с отчаяния застреливается или бросается в Сену»⁶⁷.

Публичные дома Пале-Рояля также предлагали опасные искушения. Борис Икскуль признался в своем дневнике, что отведал прелестей «падших девушек» Пале-Рояля:

«Пале-Рояль, известный также как Орлеан, предоставляет больше всего развлечений, но вместе с тем и самые большие искушения и опасности для молодежи. Эти падшие девушки, миловидные и соблазнительные, очень опасны для меня. Я не смог противостоять их заигрыванию; я поднялся к нескольким из них, в первую очередь к негритянкам и крелолкам, которые по природе своей так отличны от нас и чьи манеры столь пикантны и исключительны»⁶⁸.

Венерические заболевания свирепствовали, от них пострадали весьма многие русские. Прапорщика Казакова от этой участи спас француз, у которого он жил, барон Гийом Дюпюитрен. Врач в больнице Отель-Дьё⁶⁹, он привел туда молодого офицера и показал ему больничные залы, где находились сифилитики, после чего Казаков пообещал ему хранить абсолютное воздержание⁷⁰.

Как можно увидеть из чтения этих различных источников, Париж, город самых разнообразных удовольствий и искушений, с точки зрения большинства русских, живших там, представлял собой «новый Вавилон»⁷¹. Но этой стороной все отнюдь не исчерпывалось. Пребывание в Париже сыграло роль инициации, позволив целому поколению молодых офицеров углубить знакомство с французской культурой, познакомиться с духом Просвещения, почувствовать вкус свободы и вернуться в Россию в новом настроении, с протестом против существующего порядка.

Свет парижского просвещения в русской душе

Осталось огромное множество свидетельств о глубоком очаровании Парижем, которое испытывали молодые русские офицеры во время своего пребывания во французской столице. Это очарование было прежде всего культурным: подобно самому Александру I, многие русские воспользовались восемью неделями в Париже для посещения музеев, театров, библиотек и парков. Их рассказы полны хвалебными отзывами о богатствах Лувра, об очаровании Тюильри, о величии собора Парижской Богоматери и внушительном Пантеоне; некоторые, как Александр Краснокутский, отправились в паломничество на могилы Руссо и Вольтера⁷². Неугомонные молодые офицеры проводили

вечера в Опере или в театре. В письме к другу Павлу Киселеву князь Сергей Волконский хвастался: «Я нахожусь в Париже десять дней, я уже много нагулялся по улицам, я был в некоторых салонах, я оказал честь по очереди всем спектаклям»⁷³. Борис Икскуль тоже рассказывал, что ритм его парижской жизни был совершенно безумным:

«Я посетил музей Наполеона, Пантеон, Лувр, которые заставили меня наблюдать и думать. Лишь здесь я почувствовал очарование, существующее в культуре изящных искусств, а также силу и могущество этого *гения*⁷⁴, который все это создал и собрал воедино. Хотя я с уважением пришел к памятникам, хранящим в себе прах великих людей Франции, я должен был вместе с этим сказать себе, что здесь было много суеты и иллюзий. Вообще в этом Париже столько всего стоит посмотреть, что не очень понятно, откуда и с чего начинать день»⁷⁵.

Но культурными открытиями все не ограничилось. Некоторые молодые офицеры впитали в себя и политические идеи.

В 1813 году, во время пребывания в Германии, им открылись либеральные идеи и дух тайных обществ. Теперь, годом позже, Париж закрепил в них стремление к свободе. Большинство из них жили в дворянских или буржуазных семьях, участвовали в парижской светской жизни, посещали масонские ложи, библиотеки, читальные залы; молодые офицеры ходили в самые модные салоны столицы – от легитимистских кружков бульвара Сен-Жермен до либеральных обществ. И отнюдь не случаен тот факт, что в числе основателей различных тайных обществ, которые появятся в России и Польше в 1815–1816 годы, были молодые люди, проникшиеся в ходе пребывания в Париже в 1814 году либеральными или демократическими идеями. Самые радикальные из этих обществ организуют заговор декабря 1825 года, поставив под удар сами основы самодержавного государства. А ведь некоторые из членов тайных обществ были очень близки к власти. Примером может служить Михаил Орлов, который в 1814 году принимал сдачу Парижа, а через одиннадцать лет – участник декабристского движения.

Один из тех, кого особенно преобразило пребывание в Париже, – Николай Тургенев⁷⁶, воспользовавшийся восемью неделями во французской столице, чтобы войти в контакт с «графиней де Лаваль, урожденной Александрой Козицкой, герцогиней Курляндской, мадам де Сталь, у которой он встретил Шатобриана и Бенжамена Констана, графа Блака, г-на де Дюра, герцогиню Рагузскую, герцогиню де Сен-Лё»⁷⁷. Никита Муравьев, один из главных декабристских мыслителей⁷⁸, жил у Коленкура, где он познакомился с Бенжаменом Константином, аббатом Грегуаром и Сийесом, «чьи труды станут для него незаменимым текстом для обучения демократии»⁷⁹. На допросе по делу о заговоре декабристов князь Сергей Волконский тоже под-

черкнет решающее значение своего пребывания в Европе, особенно в Париже:

«Полагаю, что до 1813 года не изменял тем правилам, которые получил в родительских наставлениях, и в домашнем и публичном воспитании, и по собственному о себе понятию. Считаю, что с 1813 года первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии, и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более же всего получил склонность к таковому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующее тогда мнение»⁸⁰.

Кондратий Рылеев, который будет повешен в июле 1826 года за участие в заговоре, сделает еще более откровенное заявление перед комиссией по расследованию: «Свободоумием первоначально заразился я во время походов во Францию в 1814–1815 годах»⁸¹. Как мы видим, эти восемь недель оказали огромное воздействие на часть российской элиты.

Пребывание в Париже, сыгравшее столь важную роль в их жизни, пролетело очень быстро, и, по признанию большинства молодых русских офицеров, оставивших записки и мемуары, расставание с этим городом было для них мучительным. Покинуть Париж пришлось в самом начале июня. Кто-то успел завязать дружбу, кто-то – любовные отношения, что сделало прощание с французской столицей еще более печальным, о чем свидетельствует 20-летний Николай Лорер, тоже будущий декабрист:

«Итак, Вы покидаете нас» – сказала старая графиня, прервав молчание. (...) Мы долго сидели на балконе; ночь была прекрасна (...), я взял руку Сесили в мою и, полный живого внимания, внимал каждому ее слову. (...) Я слушал ее и целовал ее руку. (...) У меня было так мало опыта тогда, это, наверное, была моя первая любовь. Мы вышли; мне было так горько, что я едва мог говорить»⁸².

Некоторые так и не решились покинуть Францию. Многие дезертировали из армии, но точный масштаб этого феномена оценить сложно. Отдельные случаи дезертирства зафиксированы во всех полках, даже в элитных, например, кавалергардских⁸³, но особенно большое их число было среди рядовых и солдат линейных полков. Вероятно, речь идет о тысячах дезертиров⁸⁴: русских солдат, трудолюбивых и выносливых, по достоинству оценили во французских деревнях.

А для тех, куда более многочисленных, кто решил вернуться на родину вслед за своим царем, возвращение оказалось краткосрочным: через пятнадцать месяцев случилось трагичное фиаско Ста дней, и всего через год с небольшим русская армия вновь оказалась на берегах Сены.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА ПОСЛЕ ИЮНЯ 1814 года

3 июня 1814 года Александр покинул Францию и в сопровождении Нессельроде и Каподистрии направился в Лондон, чтобы укрепить политические связи, завязавшиеся за время антинаполеоновской эпохи. Его прибытие, которого ждали «со страстным нетерпением и энтузиазмом»¹, вызвало в Лондоне такой же ажиотаж, как и в Париже, если не больший. Пришло время «александромании», и царь мог считать, что он добился своего: он сумел покорить британское общественное мнение и продемонстрировать Лондону, как и Парижу, что Россия – европейская страна. Но хотя эта операция по покорению сердец привела к существенному улучшению образа России на международной арене, пришлось испытать и немало разочарований.

Разочарования Александра

После своего пребывания в Западной Европе Александр I на несколько недель оказался в более родных ему землях: в конце июня он присоединился к Елизавете, гостившей у своей семьи в Бадене. Он провел там несколько дней в обществе своих близких, в том числе Лагарпа, также совершившего это путешествие. Там он встретился с делегацией четырех российских сановников, отправившейся ему навстречу, чтобы попросить его принять от Сената, Священного Синода и Государственного совета титул «Благословенного» и согласиться на возведение монумента в свою честь.

Как только пришли вести о победе и вступлении царских войск в Париж, с подачи вдовствующей императрицы Марии Федоровны страна начала прославлять триумф Александра I и его заслуги. В церквях служились благодарственные молебны, а в печати появились оды, поэмы и элегии, рассказывающие о триумфальном пребывании царя в Париже. Прочитируем отрывок из оды к Александру, написанной 16 апреля 1814 года графом Дмитрием Хвостовым². Ее мессианская настроенность, именование царя Спасителем и сыном Марии, заклинания «пришел я устроить», «пришел я низвергнуть»,

звучащие подобно словам Иисуса, показывают, как русские чувствовали своего государя:

Народов многих искупитель,
Отец Отечества, о Царь!
Друг смертных, ангел наш хранитель,
Кто вознесет Тебе алтарь?
Когда Петрополь восхищенный
Вновь узрит образ Твой священный (...)
Высокой доблести послушный,
Парижу Александр речет: (...)
Не грозный глас правдивой мести,
Меня привел на Юг долг чести,
От уз Европу свободить,
Враг безначалия, тиранства,
Пришел я чин устроить царства
И вашим другом вечно быть.
Пришел священные законы
В их перву лепоту облечь;
Царей гонимых взвесь на троны
И сокрушить гордыни меч.
Пришел кровавыми путями,
Европы с храбрыми сынами
Сразить величия призрак,
И ту железную десницу,
Что превращала мир в темницу,
Ничтожества низвергнуть в мрак.
Небесный исполнитель власти
За казнь невинного и кровь,
Зря претерпенные напасти,
Пришел к вам водворить любовь. (...)
Благословенный сын Марии
Средь грозных бурь не трепетал,
Он дух и мужество России,
Любовь к себе он твердо знал;
Его деяния высоки
Слез нежных исторгают токи,
Влекут к Спасителю сердца,
Всех смертных чувства им пленены,
В нем зрят народы побеждены
Царя, Героя и Отца^{3!}

В унисон с подобной литературой, не перестававшей петь хвалу государю, в конце 1814 года сановники предложили царю увековечить его воинские подвиги как в городском пространстве, так и в коллективной памяти. Но Александр отверг оба предложения: поскольку его победу обеспечил не он сам, а вмешательство Господа, единственный способ ее праздновать – молитва, обращенная к Богу. Спустя ко-

роткое время после этого визита он написал губернатору Петербурга, приказав ему отменить все празднества, предусмотренные в честь его скорого возвращения: не стоит радоваться пролитию русской крови в тяжелых испытаниях. (13) 25 июля, вернувшись в Петербург, он немедленно направился в Казанский собор, чтобы воздать хвалу Господу, причем очень скромно, без фанфар или внушительного кортежа.

Пребывание Александра на русской земле длилось недолго: спустя два месяца (31 августа) 12 сентября царь вновь двинулся в путь, на сей раз в Вену: он желал лично участвовать в конгрессе, которому предстояло переделать всю карту Европы⁴. С точки зрения Александра I, это был момент истины, когда России предстояло сыграть роль в судьбах старого континента. Но этот интерес к общеевропейскому будущему не мог отвлечь его от французских дел, которые нравились ему меньше и меньше.

В начале июня, сразу после отбытия Александра I из Парижа, Талейран написал ему очень длинное письмо, в котором выражал ему признательность за оказанную поддержку, а также «успокаивал» его по поводу эволюции режима. Этот документ чрезвычайно интересен: помимо того, что князь Беневентский произнес пламенную речь в защиту монархии, опирающуюся на весьма оригинальное представление Франции и французов, его слова, помимо обычной лести, показывают исключительные отношения, сложившиеся между Александром и Талейраном, разделявшими либеральные идеалы. До нас дошли две, несколько отличные версии. Одна, опубликованная, фигурирует в письмах и бумагах канцлера Нессельроде⁵ и датируется 13 июня 1814 года; другая, рукописная, приобретенная Французским дипломатическим архивом в 1975 году и датированная 1 июня 1814 года, представляет собой черновик письма, скопированный писарем, с двумя поправками рукой Талейрана. Мы решили придерживаться именно этой версии, хотя датировка письма вызывает сомнения: поскольку Александр покинул Париж только 2-го числа, письмо было написано не раньше этого дня:

«Я не смог увидеть Ваше Величество до Вашего отъезда, и я осмеливаюсь упрекнуть Вас в этом со всей искренностью, свойственной моей нежнейшей к Вам привязанности. (...)

Вы спасли Францию. Ваше вступление в Париже знаменовало конец деспотизма; каковы бы ни были Ваши молчаливые наблюдения, если бы Вас позвали вновь, Вы бы вновь сделали то, что Вы уже сделали, ведь Вы не можете отступить от своей славы, даже если бы Вы сочли, что, как Вам кажется, монархия склонна забрать в руки чуть больше власти, чем Вы считаете необходимым, а французы недостаточно заботятся о своей независимости. В конце концов, кто мы такие, и кто может предаваться

иллюзии, что, пережив подобную бурю, он сможет за каких-то два месяца понять характер французов? (...)

Либеральные принципы сопутствуют духу нашего века. А дух нашего века, если и остановится на миг, не может не двинуться снова в путь. И если Ваше Величество желает верить моему слову, я обещаю Вам, что у нас будет монархия, тесно связанная со свободой, что при ней достойные люди будут находить во Франции хороший прием и занимать высокие посты. Перед лицом Вашей славы я обещаю, что моя страна будет счастливой и свободной»⁶.

Мысль Талейрана понятна: несмотря на некоторые трудности, Александр I должен сохранять веру в развитие Франции. Князь Беневентский был настроен оптимистично. Но в скором времени Александру предстояло горько разочароваться.

Покинув Париж, Александр I оставил там своего верного Поццо ди Борго, назначив его послом и поручив ему две важнейшие миссии. Во-первых, следить за сохранением, а то и упрочением либеральной составляющей режима. Во-вторых, работать над улучшением франко-русских отношений, что позволит укрепить равновесие европейских держав и поможет проекту обновления европейского континента, к чему Александр продолжал стремиться. Но, несмотря на всю энергичность Поццо ди Борго, результаты этой двойной миссии не были обнадеживающими. Посол очень быстро начал разделять беспокойство своего государя по поводу политической ситуации во Франции. Конечно, в письме к Нессельроде, отправленном через три дня после опубликования Конституционной хартии⁷, он выражал радость, что такой документ существует. Хартия, обнародованная 4 июня, была пожалована королем, «возвращенным волею Божественного Провидения в свои владения после долгого отсутствия» и представляла собой компромиссный документ. Она гарантировала равные права всем французам и предоставляла им основные свободы (свободу прессы, свободу слова, религиозную свободу, хотя католицизм и признавался государственной религией). Права собственности подтверждались, а продажа государственных имуществ пересмотру не подлежала. Исполнительная власть принадлежала королю, «государю милостью Божией», который вдобавок обладал правом на законодательную инициативу и ратификацию законов. Законодательная власть была разделена между королем и двумя палатами: Палатой пэров, назначаемых королем, и Палатой депутатов от департаментов, избиравшихся путем цензового голосования. Судебная власть оказалась в руках несменяемых судей, которых назначал король. Большинство административных структур, унаследованных от революции и наполеоновского периода, были сохранены. Стремясь ко всеобщему примирению, Хартия сообщала, что старинному дворянству будут воз-

вращены титулы, а имперская знать свои сохранит. Был сохранен и Почетный легион. Таким образом, Хартия стремилась к равновесию между Францией Старого порядка и Францией 1789 года и Империи. Но Поццо ди Борго подчеркивал, что никаких гарантий нет, что все будет зависеть от интерпретации Хартии в дальнейшем⁸, и, не отказывая королю в добрых намерениях, уже смотрел в будущее с пессимизмом:

«Теперь стабильность монархии зависит от этого великого проекта [внедрения Конституционной хартии]. О ней в первую очередь и беспокоятся, но растет всеобщее волнение, вызванное нехваткой денег, громадностью притязаний и тем, что карьера множества людей была прервана произошедшей политической революцией. Это волнение быстро не закончится»⁹.

В последующие недели его сомнения переросли в активную критику. 13 июня Поццо ди Борго забил тревогу. В разговоре с герцогом де Блака он откровенно высказал все, что у него было на душе:

«Я сказал ему, что (...) нация нуждается в том, чтобы ее вытащили из неопределенного состояния, где она оказалась из-за стольких различных интересов, что законы должны быть незыблемы, а принимаемые меры должны объявляться в открытую; что Палаты следовало бы окружить уважением и почтением; что самое главное – определиться с будущим армии; что следует оставить под ружьем лишь тех, кому можно регулярно платить, а остальных необходимо уволить в отставку, где они перестанут составлять армейские корпуса, а значит, и перестанут быть опасными; что дела Почетного легиона должны быть улажены с максимальной деликатностью, чтобы не оскорбить тех, кто носит этот орден»¹⁰.

В своем письме он описывает нестабильность режима, его неспособность достучаться до сердец французов; он даже вполне резонно предсказал новые треволнения в будущем и вместе с тем подчеркивал, что стабильность Франции, на его взгляд, жизненно необходима для мира в Европе и имеет решающее значение для российских финансов¹¹. Поццо ди Борго обращает особое внимание на размах недовольства в армии, которая насчитывала несколько сот тысяч человек и, естественно, не могла не представлять собой источник нестабильности¹². Кроме того, дипломат не одобрял консервативного и даже реакционного подхода властей к вопросам религиозным, видя в этом еще одну опасность для гражданского мира¹³.

Таким образом, летом 1814 года Поццо ди Борго наблюдал за консервативным креном новой власти с раздражением и ощущением собственного бессилия.

При этом, несмотря на все усилия дипломата, русско-французским отношениям по-прежнему недоставало теплоты и взаимного

доверия. И два новых спорных вопроса отнюдь не способствовали их улучшению.

Во-первых, «дело Коленкура». Как мы помним, уже в апреле Александр I безуспешно пытался заступаться за герцога Виченцского перед графом д'Артуа. Впоследствии, покинув Францию, и будучи уверен, что заслуживает благодарности за помощь России в ходе переговоров, которые привели к заключению Парижского мирного договора, царь поручил Поццо ди Борго вновь ходатайствовать о Коленкуре перед королем; но посол вновь встретил отказ, что вызвало гнев Александра I¹⁴.

Кроме того, сорвалась попытка брака между великой княжной Анной Павловной и герцогом Беррийским. Дело в том, что в мае, чтобы скрепить дипломатическое сближение, наметившееся между двумя династиями и восславить как принадлежность России к европейской цивилизации, так и возвращение «освобожденной от Наполеона» Франции в концерт наций, Александр I выразил готовность отдать свою сестру Анну в жены герцогу Беррийскому, наследнику французского трона. Это предложение было тем более знаменательно с политической и символической точки зрения, что в 1810 году Наполеон просил руки Анны Павловны, и отказали ему лишь под предлогом, что великой княжне едва исполнилось четырнадцать лет¹⁵.

На первых порах российское предложение показалось лестным и вызвало интерес при французском дворе, и Поццо ди Борго не жалел расходов на брачные переговоры. Он был убежден в политической важности подобного альянса:

«Не стоило бы упускать подобную возможность. Мир еще в должной степени не оценил Францию. Это уже не Хартвелльская Франция Людовика XVIII; это французская монархия с легитимными королями, и я обещаю вам, что в течение нескольких лет она вернет себе свой блеск, а возможно, и свои амбиции, но уж безусловно вернет свою важность»¹⁶.

Но камнем преткновения стал вопрос религии: король Франции потребовал обращения юной Анны в католичество, на что российский двор ответил категорическим отказом. Переговоры вяло тянулись до самого начала Венского конгресса и окончились ничем.

Венский конгресс стал эпохальным дипломатическим событием: его целью было перекроить карту Европы, устранив большинство геополитических новаций, возникших благодаря Французской революции и наполеоновским завоеваниям, опираясь при этом на другие принципы – в первую очередь европейскую безопасность и равновесие. В этом деле победители в целом сумели сохранить доброе согласие: Венский конгресс подтвердил условия первого Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 года, за которые так от-

чаянно бились Талейран и Александр I. Для «сдерживания» французской опасности были созданы буферные государства: на севере – Бельгия, присоединенная к Голландии, на востоке – Пруссия, получившая приращения на Рейне, на юго-востоке – Пьемонт-Савойя. Был создан новый Германский союз, состоявший из тридцати восьми германских государств с сеймом во Франкфурте. Но между союзниками не замедлили возникнуть разногласия: Австрия и Пруссия начали спорить из-за гегемонии в Германии, Пруссия и Англия – из-за Саксонии, а Австрия и Англия выступили против российских притязаний на Польшу.

Сразу после открытия конгресса Александр потребовал, чтобы великое герцогство Варшавское, увеличенное за счет территорий, приобретенных Пруссией и Австрией при последнем разделе Польши, перешло под его скипетр, стало своего рода буферным государством, которое гарантировало бы безопасность России. Чтобы доказать великим державам обоснованность своих требований, император подчеркивал, сколь великими были жертвы, на которые ему пришлось пойти во время войны, требовал «справедливого» возмещения и указывал на необходимость обезопасить западные границы России при помощи этого нового государства. Он даже прибегнул к угрозам: «Я завоевал герцогство – провозгласил Александр во время конгресса – и у меня есть 480 тысяч солдат, чтобы его защитить»¹⁷. Его предложение было воспринято как заявка на гегемонию в Европе: британская дипломатия, которой до середины февраля 1815 г. руководил Каслри¹⁸, а затем Веллингтон, не верила в «фикцию» независимого польского государства¹⁹ и видела в этих требованиях лишь средство наращивания мощи России; другие государства, в том числе Австрия, поддержали британскую позицию, предлагая либо создание полностью независимого польского государства, либо новый раздел Польши.

Талейран, вновь руководивший французским министерством иностранных дел, увидел в этом новом противостоянии благоприятную возможность вернуть Франции вес в европейских делах и сумел воспользоваться этим шансом с присущими ему умом и цинизмом. 3 января 1815 года был подписан тайный оборонительный союз Франции, Австрии и Англии, в действительности направленный против России и Пруссии. За каких-то несколько месяцев союз, закаленный в крови войн 1812, 1813 и 1814 годов, разлетелся вдребезги. Талейран написал Людовику XVIII: «Коалиция разрушена, причем навсегда»²⁰. Но он не предвидел высадки Наполеона в бухте Жуан 1 марта 1815 года.

1815 год. Возвращение царя в Париж

«Дорогая мама, случилось неожиданное событие, которым Вы будете поражены не меньше нашего и которое полностью меняет все наши планы. Наполеон вновь оказался в Изере. (...) Не только Бурбоны не смогли принять необходимые меры, чтобы воспрепятствовать ему покинуть свой остров, но даже англичане, претендующие повелевать морями и имевшие при Наполеоне полковника по имени Кэмпбелл, не смогли ни выбрать на это место подходящего человека, ни обеспечить его необходимыми для надзора кораблями. В общем, 26 февраля Наполеон покинул свой остров Эльбу, причем не один! Он взял с собой всех своих людей – два батальона и 200 всадников с несколькими полевыми артиллерийскими орудиями, в общей сложности 1200 человек!!! Он погрузился на шесть местных фелук и два капёрных корабля, которые находились на острове, чтобы защищать его от берберийских пиратов. И его стражи оказались столь беззаботными, столь бестолковыми, что заметили его бегство лишь на следующий день. (...) На первый взгляд, если бы ненавистный субъект, бич рода человеческого, появился с отрядом в 1200 человек посреди страны, освободившейся из его рабства, где большинство населения настроено против него, а у власти находятся его смертельные враги, это означало бы, что у него нет особых шансов, и все шло бы к гибели его и его приспешников. Но если мы задумаемся о той неуклюжести, с которой часто действовало новое правительство, когда нужно было покорить умы, зажечь их новыми надеждами, приручить армию, если мы осознаем, как много сторонников Наполеона в этой армии осталось, станет ясно, что это неожиданное явление должно побудить нас к самым серьезным раздумьям. (...) Узрев Наполеона во всей его славе, подивившись его блеску и его сокрушительному падению, теперь мы можем увидеть, как тот, кто был ничем, снова воссядет на французский трон. И как тут не придти к выводу, что то, что кажется людской мудростью – лишь безумие, а великим и прочным может быть лишь то, что строит сам Господь? Впрочем, я убежден, что этот гений зла в конечном итоге будет повержен и уничтожен; мое убеждение не слабеет, будучи основано на словах нашей Святой Религии – однако и нам придется исполнить свой долг и стоять до конца. Поэтому, дорогая мама, я предложил самые энергичные меры. В Италии будет создана австрийская армия в 150 тысяч человек, перед Келем и Страсбургом сформируется баварско-вюртембергско-баденская армия в 100 тысяч человек, ее усилит вторая австрийская армия в 150 тысяч человек. Итак, 250 тысяч солдат. 60-тысячное прусское войско с 10-тысячным австрийским корпусом, находящееся в Майнце, будет усилено гессенцами, кассельцами и дармштадцами и развернется между Майнцем и Люксембургом. Справа от него, в Нидерландах, будет находиться англо-батавская армия. В сумме получится более 150 тысяч человек, которых усилит большое прусское войско численностью в 100 тысяч человек. Итого 250 тысяч солдат. Наконец прусская армия, готовая к походу, которая в случае необходимости соберется вокруг Нюрнберга, численностью в 200 тысяч человек. Вот масса из 850 тысяч человек, которая будет

готова сражаться с гением зла и уничтожить его, если даже он на недолгое время восстановит свою злую власть. Однако вся эта внушительная мощь, вместе с тем успокаивающая, насколько это только возможно, не мешает мне думать о Вас, мама, и обо всем том горе, что Вы испытаете от одной только мысли о возобновлении борьбы. (...)

Вот весьма длинное письмо, дорогая мама. Заканчивая его, от всей души убеждаю Вас полностью довериться единому Господу, ведь наш главный долг – выполнить его священную волю»²¹.

Александр отреагировал на известие о высадке Наполеона этим письмом к матери, и сразу проявил прозорливость и боевой дух: следовало действовать как можно быстрее и вновь организовать силы, которые можно будет противопоставить французам. В самом деле, высадившись на французской земле 1 марта 1815 года, Наполеон уже 20 марта, после бегства Людовика XVIII, вновь встал во главе государства. Узнав о тайном договоре, заключенном Францией, Австрией и Великобританией против Пруссии и России, он прислал его копию царю, чтобы указать на предательство его союзников. Но это откровение, вызвав у Александра гнев, горечь и досаду, ни в коей мере не изменило избранного им курса: Наполеон по-прежнему оставался врагом, которого нужно было сокрушить. Бой длился недолго. Сто дней закончились 18 июня катастрофической битвой при Ватерлоо, в которой Россия не участвовала. Четырьмя днями позже Наполеон I во второй раз отрекся от трона. С наполеоновской авантюрой было покончено.

В конце июня Александр вернулся во французскую столицу для переговоров, в результате которых 8 ноября 1815 г. был заключен второй Парижский мирный договор. На сей раз он остановился в Елисейском дворце как личный гость короля Людовика XVIII, где играл роль великодушного устроителя праздников. Он написал письмо великому повару Антонену Карему, находившемуся в тот момент на службе у Талейрана, «реквизируя его, чтобы он стал распорядителем и руководителем банкета» в честь коалиции, который состоялся 10 сентября 1815 года на равнине Вертю. Речь шла о трех банкетах, на каждом из которых присутствовало по триста приглашенных. Кулинарный гений, стоявший во главе 35 поваров, организовал блестящий пир наперекор своему собственному сердцу. «Мне ничто никогда не удавалось лучше, гнев сделал меня гением»²², – напишет впоследствии об этом событии Карем, известный своей преданностью Наполеону.

На сей раз переговоры были гораздо более жесткими, чем годом ранее. Британские и в первую очередь прусские эмиссары, самым озлобленным из которых был Блюхер, стремились навязать Франции беспощадные условия. Царь вновь попытался умерить пыл союзни-

ков и уже 7 июля заявил, что «не нужно обращаться с Францией, как с вражеской страной. Державы не могут пользоваться здесь правом завоевания»²³. Но на этот раз ему было сложнее заставить услышать себя: чрезмерное до наивности доверие, которое царь проявил к Наполеону, выделив ему остров Эльбу, дискредитировало Александра. В то же время, уже не зная, какого ангела-хранителя молить о помощи, очень встревоженный ожесточенностью союзников, Людовик XVIII обратился 23 сентября 1815 года к Александру с просьбой вступить за Францию. В знак своей доброй воли он назначил министром иностранных дел герцога де Ришелье, который, прослужив двенадцать лет губернатором Одессы, пользовался доверием и уважением царя. Этот жест был показателен. Теперь, в 1815 году, поведение Бурбонов изменилось. Больше не было и речи о заносчивости, положение требовало, чтобы Франция обратилась ко всем своим потенциальным союзникам. Александру действительно удалось свести к минимуму французские территориальные потери: он настоял на том, чтобы Франция сохранила Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте и Бургундию, на которые имела виды Пруссия. Опять же, благодаря его вмешательству режим иностранной оккупации Франции был смягчен. Милосердие Александра было по достоинству оценено самими французами; граф де Моле, видный деятель эпохи Реставрации, написал об этом в своих «Мемуарах»:

«В 1815 году Россия защищала от всех не интересы, а само существование нашей злосчастной родины. Если Франция по-прежнему остается Францией, она обязана этим трем людям, чьи имена нельзя никогда забывать: Александру и двум его министрам, Каподистрия и Поццо ди Борго. Англия, Пруссия и Австрия стремились лишь к тому, чтобы ослабить нас. Россия, напротив, была заинтересована в том, чтобы мы остались великой державой»²⁴.

Но хотя русский монарх продолжал оказывать Людовику XVIII неизменную поддержку, за которую король теперь был признателен, второй Парижский мирный договор оказался очень тяжелым для Франции. Она вернулась к границам 1790 г.: ей позволили сохранить Авиньон и графство Венессен, Монбельяр и Мюлуз, но она потеряла герцогство Бульонское, крепости Филиппвиль и Мариенбург, переданные Нидерландам, Саарлуис и Саарбрюккен, возвращенные Пруссии, Ландау, отошедшую к Баварии, район Же, присоединенный к Швейцарии, и значительную часть Савойи, переданную королю Пьемонта. Потеря Сент-Люсии, Тобаго, острова Иль-де-Франс и Мальты была закреплена. Кроме того, Франция подверглась и финансовым санкциям: государство обязывалось выплатить 700 миллионов франков репараций (сумма была снижена по настояниям Александра), из которых 137 миллионов предназначалось на возведение

крепостей вдоль французской границы. Кроме того, в северных и восточных приграничных территориях Франции на пять лет (а не на семь, как изначально требовали союзники, и тут уступившие требованиям Александра I) устанавливалась военная оккупация силами 250 тысяч солдат, которых Франции предстояло полностью финансировать, и которая заставляла опасаться нового витка насилий и бесчинств, сравнимых с тем, что пришлось пережить за год до этого. В этот же день, 20 ноября 1815 года, четыре союзницы – Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия – торжественно возобновили пакт, заключенный в Шомоне: Франция вновь стала изгоем на международной арене. Сто дней обошлись очень дорого, как в территориальном плане, так и в политическом, дипломатическом, социальном и финансовом аспектах.

В 1815 году, в отличие от 1814-го, царь не задерживался во французской столице, он покинул Париж уже 28 сентября. Присутствия Александра требовала его империя, в которой он практически не показывался на протяжении почти двух лет. Но он оставил во Франции почти 250 тысяч солдат и офицеров оккупационных войск под руководством Михаила Воронцова. Царь спешил покинуть Париж: полный горечи по отношению к союзникам, он был глубоко задет «изменой» Наполеона, не сдержавшего своего слова, разочарован Талейраном, подписавшим секретный союз в январе 1815 года, и опечален близкими свергнутого императора, которым он доверял. Гортензия решила поддержать своего отчима в Сто дней, и Александр уже не восстановил с ней связь и никогда больше ее не видел. В ответ на письмо, которое она ему написала, чтобы оправдаться за то, что поддерживает Наполеона, он ответил коротко: «Ни мира, ни перемирия, никакого примирения с этим человеком»²⁵.

Таким образом, его второе пребывание в Париже было сплошным разочарованием, и отразило эволюцию, произошедшую с самим царем: спустя год после триумфального въезда в Париж Александр уже не собирался ходить по музеям и посещать спектакли в Опере. Все более и более склонный к мистицизму, теперь он избегал светских салонов и празднеств, довольствуясь тем, что отвечал на приглашения Людовика XVIII, прусского короля или герцога Веллингтона. В конце дня, разобравшись с текущими делами, он в обычной одежде ездил верхом по окрестностям Парижа. Вечерами он погружался в сосредоточенные размышления, вознося молитвы или читая Библию вместе с баронессой Криденер, пиетисткой родом из Ливонии, с которой он уже к этому моменту несколько месяцев переписывался и которая находилась в это время в Париже. Нетрудно увидеть, как сильно изменился Александр I всего за год.

Новая европейская значимость

В геополитическом плане потрясения, последовавшие за вторым отречением Наполеона, привели русскую дипломатию к безусловным успехам.

На Венском конгрессе, как мы уже отметили, Александр I показал себя особенно горячим и активным в польском вопросе, в котором он видел один из ключей к безопасности России. Во имя безопасности и в вознаграждение за предпринятые Россией военные усилия, он добился создания Королевства Польского, династически единого с Россией. Впрочем, его успех не был абсолютным, поскольку под давлением союзников царь был вынужден несколько отступить от своих первоначальных требований, что и было зафиксировано в договоре о дружбе и сотрудничестве, заключенном (21 апреля) 3 мая 1815 года Россией, Австрией и Пруссией, а также в Заключительном акте Венского конгресса²⁶. Эти уступки вызвали критику со стороны части русской элиты и даже его собственного дипломатического аппарата, упрекавшего Александра в том, что он слишком сосредоточился на Польше и уступил Пруссии Мемель²⁷.

Тем не менее достигнутый результат был весьма положительным для Александра, который сумел одним выстрелом убить двух зайцев: Россия оказалась в большей безопасности и, приблизившись к Западной Европе благодаря своей новой связи с Польшей, она в некотором смысле переместилась к западу, увеличив свою европейскую значимость.

Таким образом, как в случае с границами Франции, зафиксированными во Втором Парижском договоре, так и в случае со статусом Польши царь сумел защитить интересы России в сферах геополитики и безопасности, а также поддержать дорогие его сердцу либеральные и конституционные идеи. Кроме этого, он сумел положить начало общеевропейскому союзу.

В июне 1815 года Александр предложил австрийскому императору Францу I и прусскому королю Фридриху-Вильгельму III подписать «Священный Союз». Исходя из того, что католическое, протестантское и православное государства принадлежат к одной и той же семье, «христианской нации», он подчеркивал необходимость укреплять между ними братские, гармоничные и мирные отношения в согласии с принципом христианской любви к ближнему. Александр выдвигал проект мирного содружества европейских держав еще в 1804 году, но тогда в нем отсутствовали ссылки на религию. Теперь это содружество было уже не столько геополитическим, сколько моральным и духовным.

Сразу же после своего оглашения договор о Священном Союзе стал сенсацией. Англичане отнеслись к нему скептически, видя в нем «произведение, состоящее из возвышенного мистицизма и нонсенса»²⁸. Меттерних встретил его с иронией, изболчив «филантропические устремления, спрятанные под плащом религии»²⁹, а папа, не склонный поддерживать экуменические устремления, отреагировал враждебно. Но доминирующее положение России на европейской арене вынудило Австрию и Пруссию пойти на уступки: (14) 26 сентября Франц I Австрийский и Фридрих-Вильгельм III Прусский согласились, «во имя Пресвятыя и Нераздельныя Троицы» подписать «Священный Союз», добившись, с подачи австрийского императора, нескольких поправок. Преамбула текста договора вписывает его в христианскую парадигму, которая отныне должна служить основой любым дипломатическим актам:

«Их Величества Император Австрийский, король Прусский и Император Российский, вследствие великих происшествий, ознаменовавших в Европе течение трех последних лет, наипаче же вследствие благоденствий, которые Божиему Провидению было угодно излиять на государства, коих правительства возложили свою надежду и упование на единого Бога, восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо предлежащим Державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя:

Объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть пред лицом Вселенной их непоколебимую решимость, как в управлении вверенными им Государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей Святой Веры, заповедями любви, правды и мира»³⁰.

Духовная тональность этого текста и стиль, проникнутый мистическими излияниями, многих убедили в том, что решающую роль в его составлении сыграла баронесса фон Криденер. Действительно, она была знакома с содержанием документа, но его единственным составителем был сам царь, как впоследствии засвидетельствовал Александр де Стурдза, в то время бывший его личным секретарем.

В дипломатическом плане Священный Союз был успехом, поскольку между 1815 и 1817 годом к нему примкнули Австрия, Пруссия, Франция, Норвегия, Испания, Пьемонт, Королевство Обеих Сицилий, Нидерланды, Дания, Саксония, Бавария, Вюртемберг и Португалия, а также Швейцария и мелкие немецкие государства. Отказались подписывать договор лишь британское правительство (все же объявив, что соглашается с принципами союза) и папа римский. Османская империя гневно осудила новый союз, который, как она считала, создает удобные условия для нового крестового похода

да. Но никакая критика и никакие противоречия не помешали царю насладиться своим геополитическим и дипломатическим успехом. В сентябре 1815 года, одержав верх над наполеоновской пропагандой, стремившейся отбросить Россию за пределы цивилизованного сообщества европейских государств, Александр I сумел пришвартовать Россию к Европе. Через год, 21 марта 1816 года, по-прежнему храня верность пацифистскому настрою Священного Союза и желая действительно установить в Европе мир, Александр I предложил в конфиденциальном письме британскому премьер-министру лорду Каслри сократить все военные силы в Европе. Идея разоружения была подсказана ему Талейраном весной 1814 года в Париже, но лишь в 1816 году Александр I воплотил ее в конкретное предложение. И хотя оно натолкнулось на враждебность британцев и не привело ни к чему конкретному, оно свидетельствует, если в этом еще есть надобность, что Россия после потрясений наполеоновской эпопеи действительно завоевала свое место в Европе.

А вот менталитет и коллективные представления изменялись куда медленнее. В 1815 году, после новых насилий и бесчинств, которыми характеризовались первые недели иностранной оккупации, возвращение казаков на французскую землю на время возродило тревогу и страхи. Но корректное в целом поведение русских войск успокоило французов: вначале предоставленные самим себе, в марте 1816 года они были взяты под строгий контроль Михаила Воронцова, под которым и оставались до его отбытия в 1818 году³¹. Это улучшение в отношении к русским было недолгим: при Николае I, начиная с 1830 года, сначала подавление польского восстания, а затем Крымская война привели к тому, что на передний план вновь выступили образы азиатского деспотизма и варварства; ставший бестселлером памфлет маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» задавал тон на протяжении нескольких десятилетий. И лишь с правлением реформатора Александра II, а затем с выходом на сцену таких проводников влияния, как Иван Тургенев, Проспер Мериме или виконт де Вогюз, во Франции началась волна руссомании, наследницы александромании 1814 года. Образ «доброего генерала Дуракина», придуманный графиней де Сегюр, урожденной Ростопчиной, пришел на смену образу ужасного «пожирателя свечей». Дело шло к франко-русскому союзу...

БЛАГОДАРНОСТИ

Окончив это увлекательное интеллектуальное приключение – погружение в историю французской кампании и русской оккупации Парижа в 1814 году, – я желаю выразить искреннюю дружескую благодарность всем, кто поддержал меня в этом проекте.

Прежде всего, я выражаю признательность моей издательнице Софи Берлен, радостно приветствовавшей мое новое исследование, а также Полине Кипфер за ее тихую, но неустанную поддержку, благодаря которой я смогла завершить его.

Я хочу поблагодарить директоров и хранителей архивов и библиотек, которые оказали мне помощь, в первую очередь Виктора Федорова, президента Государственной библиотеки Российской Федерации, позволившего мне ознакомиться с изданиями, находящимися в отделе редкой книги, которые были для меня чрезвычайно полезны; Ольгу Кадочигову, директора отдела редких книг Научной библиотеки Уральского Федерального университета (бывшей библиотеки Императорского Царскосельского лицея); Хелен Салливан, директора славянской коллекции в библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн); Ивона Бионньера, ассистента руководителя Сенатской библиотеки; Анну Мэтр, хранительницу фонда Гагарина и фонда святого Георгия в библиотеке Лионской Высшей Нормальной школы литературы и общественных наук; а также Надин Орьер, позволившей ознакомиться мне в центральной библиотеке университета Тулуза–Ле Мирай с микрофильмами всех русских военных архивов, которые цитируются в моей книге.

Некоторые из моих коллег и друзей (Дмитрий Горшков, Жан-Поль Кауфманн, Юлия Запарий) указывали мне на ту или другую ценную деталь для анализа, и я им признательна за это; Александр Бобриков, хранитель музея казаков императорской гвардии (Курбева) и Жорж ван Веен, Генеральный секретарь общества памяти Российской Императорской гвардии, помогли мне познакомиться с воспоминаниями о казаках в 1814 году и открыли мне свои бесценные коллекции, за что я горячо их благодарю.

В написании книги мне оказал экспертную помощь Тьерри Ленц, директор Фонда Наполеона, который был настолько добр, что читал ее и делился со мной своими познаниями о наполеоновской эпохе; благодаря его помощи текст был значительно улучшен, и за это я ему очень признательна.

Наконец, мои родные на протяжении долгих месяцев жили в ритме французской кампании, им я и посвящаю свое новое произведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 111.

² Константин Николаевич Батюшков, Николай Михайлович Карамзин и Иван Андреевич Крылов посвятили этой кампании немало прекрасных страниц, а писатель-декабрист Николай Александрович Бестужев, написавший роман «Русский в Париже в 1812 году», и Катерино Альбертович Кавос, поставивший балет-дивертисмент под названием «Торжество России, или Русские в Париже», сделали кампанию 1814 года главным сюжетом своим творений.

³ См.: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. М.: Типография С. Селивановского, 1815–1816, 8 Т. Ч. VII (доступно на сайте http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0060.shtml). См. также: Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1935. Ч. III.

⁴ См.: Norris S. A War of Images, Russian Popular Prints, Wartime Culture and National Identity, 1812–1945. Dekalb, Northern Illinois Press, 2006. P. 25.

⁵ См.: Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1989. Выражаю благодарность моим коллегам из Федерального Уральского университета (УРФУ, Екатеринбург) и в особенности Юлии Запарий, указавшим мне на эту книгу.

⁶ См. на эту тему: Liechtenhan F.-D. La Russie entre en Europe, Paris: CNRS Éditions, «Histoire moderne», 1997.

⁷ См.: Malia M. L'Occident et l'énigme russe: du cavalier de bronze au mausolée de Lénine, Paris: Seuil, «L'Univers historique», 2003.

⁸ Новый взгляд на русскую кампанию 1812 года см.: Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012. Русский перевод: Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М.: РОССПЭН, 2015.

⁹ Caulaincourt A., de. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence. grand écuyer de l'Empereur. Introduction et notes de Jean Hanoteau. Paris: Plon. 1933. T. II. P. 213.

¹⁰ На тему этого общего места см. письма Пьера Дарденна: Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «lettres historiques» de Pierre

Dardenne (1768–1857), et éditées par Jacques Hantraye. Paris: CTHS, «Collection de documents inédits sur l'histoire de France». 2008. Vol. 4.

¹¹ См. замечательное исследование Галины Кабаковой: Kabakova G. *Mangeur de chandelles, l'image du Cosaque au XIXe siècle // Dmitrieva K., Espagne M. (dir.). Philologiques IV: transferts culturels triangulaires, France-Allemagne-Russie. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 1996. P. 207–230; Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814–1818) // Slavica occitania. Toulouse. 1999. № 8.*

¹² Этот миф впоследствии станет одним из общих мест рассказов о 1812 году. См. утверждение Наполеона в: *Le Mémorial de Sainte-Hélène. Édition J. Barbezat. Paris, 1830, T. XVIII. Année 1816. P. 28: «Разве меня уничтожили усилия русских? Нет, моя неудача вовсе не была предreshена, все произошло из-за чистой случайности: (...) это зима, похолодание, быстрота и сила которого были феноменальны».*

¹³ Corbet Ch. *A l'ire des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967. P. 86.*

¹⁴ См. его бестселлер «Россия в 1839 году».

¹⁵ Общий взгляд на Реставрацию см.: Waresquiel E., de, Yvert B. *Histoire de la Restauration, 1814–1830. Naissance de la France moderne. Paris: Perrin, 1996. Rééd. coll. «Tempus», 2002.*

¹⁶ Так Париж называли некоторые лица из окружения императора Александра I. См.: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. СПб.: Российская Национальная библиотека, серия «Рукописные памятники». 2001. № 6. См. также: Higonnet P. *Paris, capitale du monde. Des Lumières au surréalisme. Paris: Tallandier, 2006.*

¹⁷ Этот тезис в особенности отстаивает Доминик Ливен в своем грандиозном труде: Lieven D. *Russia Against Napoleon, the Battle for Europe, 1807 to 1814. Londres/New York, Allen, Lane, 2009.* Русский перевод: Ливен Д. *Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012.*

¹⁸ Эта библиография весьма значительна, хотя и меркнет по сравнению с головокружительным объемом литературы, посвященной походу 1812 года. См. ссылки на историографию в приложении.

¹⁹ См.: Богданович М. И. *История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. СПб.: 1865; Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб.: издательство А. С. Суворина, 1897–1904, 4 т.; Орлов Н. А. *Заграничные походы 1813 и 1814 годов. М.: Образование, 1911.**

²⁰ Он был первым, кто задался этим вопросом, в своей монографии, опубликованной на русском языке в Петербурге. См.: Великий князь Николай Михайлович. *Император Александр I: опыт исторического исследования. СПб., Экспедиция заготовления государственных бумаг. 2 т.*

²¹ См.: Tarle E. V. *Наполеон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.* Доступно на сайте: <http://militera.lib.ru/bio/tarle1/index>

²² См.: Манфред А. З. *Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1974; Бескровный Л. Г. Русское военное искусство. М.: Наука, 1974.*

²³ Среди этих работ особо выделяются следующие: Орлов А. А. *Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеонов-*

ских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005; Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. М.: Европа, 2006; Безотосный В. М. Наполеоновские войны. М.: Вече, 2010; а также диссертация Могилевского Н. А., защищенная в МГУ в сентябре 2011 года и опубликованная под названием «От Немана до Сены. Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.». М.: Кучково поле, 2012.

²⁴ Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris: Paulin, 1845–1862. Vol. 21; Sorel A. L'Europe et la Révolution française, publié en 8 volumes entre 1885 et 1904. Plon, Paris; Henry Houssaye. 1814. Paris: Perrin, 1888 (впоследствии часто переиздавалась).

²⁵ В этом ключе написана недавняя книга Майкла Леджиере: Leggiere M. V. The Fall of Napoleon. The Allied Invasion of France, 1813–1814. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. Этот труд основывается на огромной массе архивных материалов и в высшей степени ценен. См. также: Mir J.-P. La Bataille de Paris, 30 mars 1814. Paris: Archives & cultures, 2004.

²⁶ Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч.; Lentz T. Nouvelle Histoire du Premier Empire. T. II: L'Effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Paris: Fayard, 2004.

²⁷ Общее представление о вопросе франко-русских культурных заимствований и взаимной оценки см.: Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris: Fayard, «L'Histoire sans frontières», 1967; Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. Op. cit. 28.

²⁸ Многие офицеры, оставшиеся в составе оккупационных войск в 1814 и 1815–1818 годах, вернулись в Российскую империю лишь в 1818 году.

²⁹ О политической культуре декабристов см.: Grandhaye J. Les Décembristes. Une génération républicaine en Russie autocratique. Paris: Publications de la Sorbonne, «Série internationale», 2011; idem. Russie: La république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe–XXIe siècles). Seyssel: Champ Vallon, «La chose publique», 2012.

³⁰ См.: Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, Belin, collection «Histoire & société», 2005.

Пролог

¹ Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern, 1777–1858. Publiés d'après le manuscrit original et annotés par M. H. Weil. Paris: Albert Fontemoing éditeur, 1903. T. II. P. 387.

² Ibid. P. 388.

³ См.: Bournand F. Russes et Français, souvenirs historiques et anecdotes. 1051–1897. Paris: Librairie Delagrave, 1898. P. 66.

⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 40–41.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Commandant Weil. La Campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne. Paris: Librairie militaire de L. Baudoin, 1895. Vol. 4/4. P. 221.

⁷ Ibid. P. 222.

⁸ См.: *Mémoires du chancelier Pasquier: histoire de mon temps*. Publiés par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. T. II. 1812–1814. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1893. P. 255: «Абсолютное большинство хранило тишину; (...) это в первую очередь объяснялось зрелищем белых шарфов, которые носили на руке иностранные военные; (...) все думали, что союзники открыто высказывались за ту партию, чьей эмблемой был этот цвет».

⁹ Кавалергарды были элитным кавалерийским подразделением российской императорской гвардии.

¹⁰ Цит. по: Bournaud F. *Russes et Français*. Op. cit. P. 66.

¹¹ Comtesse de Choiseul-Gouffier. *Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la Cour de Russie*. Publiés par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Fisenhaus, ancienne demoiselle d'honneur à la Cour. Paris: R. Lergoux, 1829. P. 74–75. Девичья фамилия графини де Шуазэль-Гуфье в разных источниках пишется как «Тизенгаузен» или «Физенгаузен».

¹² См.: Рэй М.-П. *Страшная трагедия*. Указ. соч. *Passim*.

¹³ Choiseul-Gouffier. *Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la Cour de Russie*. Op. cit. P. 141–142.

¹⁴ Цит. по: *Mémoires du chancelier Pasquier*. Op. cit. P. 246.

¹⁵ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier pendant son séjour dans Paris; précédé d'un précis des opérations de l'empereur de Russie et de ses augustes alliés pour rétablir Louis XVIII sur le trône de ses ancêtres; et suivi de détails sur les derniers moments [sic] du général Moreau. Anonyme. Paris: Lemercier, 1815. P. 39–40.

¹⁶ *Mémoires du chancelier Pasquier*. Op. cit. P. 246.

¹⁷ *Ibid.* P. 254.

¹⁸ Выражение принадлежит Александру Михайловскому-Данилевскому. См.: Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же. С. 49–50.

²² Там же. С. 40–41.

²³ Речь идет о театре Варьете. Он был основан в 1807 году. Его создательница, мадемуазель Монтансье, на самом деле звалась Маргарита Брюне, и театр тоже был известен как театр Брюне. Как видим, это название было известно молодому калмыцкому офицеру! Brazier N. *Chronique des petits théâtres de Paris depuis leur création jusqu'à ce jour*. Paris: Allardin, 1837. Цит. по: Montclos B., de. *Les Russes à Paris au XIXe siècle, 1814–1896*. Paris: Musée Carnavalet, 1996. P. 16.

²⁴ Цит. по: Bournaud F. *Russes et Français*. Op. cit. P. 67.

²⁵ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 41.

²⁶ Chateaubriand F.-R., de. *Mémoires d'outre-tombe*. 3e partie. Livre IV. Chap. XIII. Русский перевод: Шатобриан Ф.-Р., де. *Замогильные записки*. Пер. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 258.

²⁷ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 41–42.

²⁸ *Дневник Пьер-Франсуа-Леона Фонтена*. Цит. по: Simond Ch. (dir.). *La Vie parisienne à travers le XIXe siècle*. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes

et les mémoires du temps. T. I: 1800–1830, le Consulat, le Premier Empire, la Restauration. Paris: Plon, Nourrit et Ce, 1900. P. 385–386.

²⁹ Племянница (жена племянника) князя Талейрана, герцогиня Дино, затем жена Талейрана.

³⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 42.

³¹ Там же.

³² Батюшков К. Н. Сочинения. СПб, 1886. Т. III. С. 252–253. Цит. по: Ponfily R., de. Guide des Russes en France. Paris: Guides Horay. P. 52.

³³ Caulaincourt A., de. Mémoires du général de Caulaincourt. Op. cit. P. 87–88.

³⁴ Comte de Langeron. Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagnes de 1812, 1813, 1814. Publiés pour la Société d'histoire contemporaine par LGF. Paris: Picard, 1902. P. 472.

³⁵ Ресторан «Скала Канкаль» находился в то время на перекрестке улиц Монтрегей и Мандар.

³⁶ Mémoires du général-major russe, baron de Lowenstern, 1777–1858. Op. cit. P. 390–391.

³⁷ Батюшков К. Н. Сочинения. Указ. соч. С. 254–255. Цит. по: Ponfily R., de. Guide des Russes en France. Op. cit. P. 43–44.

³⁸ Нельзя исключить, что он сам приказал написать эту записку!

³⁹ Так его называет Наполеон. См.: Le Mémorial de Sainte-Hélène. Op. cit.

⁴⁰ Это распространенное во Франции выражение подхватили и русские, употреблявшие его в ироничной манере.

1. Победить Наполеона

¹ Рэй М.-П. Страшная трагедия. Указ. соч.

² Образование Александра и его отношения с верой подробно рассмотрены в кн.: Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013.

³ Именно там царей крестили и короновали.

⁴ Цит. по: Рэй М.-П. Александр I. С. 284–285.

⁵ Могилевский Н. А. От Немана до Сены. Указ. соч. С. 19.

⁶ Письмо от (13) 25 января 1813 года. Цит. по: в кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 138.

⁷ В 1816 году он станет министром иностранных дел.

⁸ Цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 380.

⁹ Указ Александра I от (11) 23 ноября 1812 г., опубликованный в «Казанских известиях». № 48 от 30 ноября 1812 г. и воспроизведенный на русском интернет-сайте «1812», на котором содержится множество оригинальных документов по истории Отечественной войны.

¹⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Указ. соч. Т. III. С. 134.

¹¹ Стурдза Р. Тайны царского дворца. С. 122–123. Цит. по: Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 293.

¹² Цит. по: Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la Cour de Russie. Op. cit. P. 134–135.

¹³ Подробнее об этом проекте см.: Rey M.-P. Le projet européen du tsar Alexandre Ier // Napoléon et l'Europe. Paris: Fayard, 2005.

¹⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 367.

¹⁵ Об этих спорах см.: Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 234–235.

¹⁶ Записка барона Штейна, поданная 17 ноября 1812 года, содержится в: Pertz G. H. *Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein*. Berlin: Berlag von Reimer, 1850–1855. Т. III. S. 212.

¹⁷ Могилевский Н. А. От Немана до Сены. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Об отношении Кутузова к войне за пределами России и о дискуссиях историков на эту тему см.: Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 234–235.

¹⁹ Wilson R. T. *The French Invasion of Russia*. Bridgnorth: First Empire, 1996. P. 234. Цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 343.

²⁰ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. Т. I. С. 167–168.

²¹ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. Доступно на сайте: <http://militera.lib.ru/h/tarle1/10.html>

²² Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 234.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Отечественная война. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 282.

²⁶ Lentz T. *La Conspiration du général Malet, 23 octobre 1812. Premier ébranlement du trône de Napoléon*. Paris: Fayard, 2012.

²⁷ Он заявил, что «одержал в России верх над всеми препятствиями, созданными рукой человека, но чрезмерная и преждевременная суровость зимы все изменила». Цит. по: Mir J.-P. *La bataille de Paris*. Op. cit. P. 14.

²⁸ Lentz T. *L'effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 358.

²⁹ Ibid. P. 359.

³⁰ Ibid. P. 360.

³¹ См.: Mir J.-P. *La bataille de Paris*. Op. cit. P. 14: «Согласно официальным документам, Великая армия на Эльбе, находившаяся под командованием князя Евгения, составляла 100 тысяч человек, воинский набор 1813 года дал еще 300 тысяч человек, 10 тысяч составлял почетный караул, и, если добавить еще оставшиеся союзные контингенты, общая численность войск должна была приближаться к этой цифре».

³² Как царская, так и советская историография склонны, хотя и по разным причинам, преуменьшать, а то и замалчивать трудности, с которыми столкнулись русские в отношениях с союзниками. См.: Могилевский Н. А. От Немана до Сены. Указ. соч. С. 10–13.

³³ Отечественная война. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 282.

³⁴ В наше время Таураге (Литва).

³⁵ Дибич сам был немецкого происхождения.

³⁶ См.: Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 136.

³⁷ Lentz T. *L'effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 375.

³⁸ Ibid. P. 376.

³⁹ Во главе этого совета Александр поместил генерала Василия Ланского, чьи полномочия продолжались до 9 июня 1815 года.

⁴⁰ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 18.

⁴¹ Цит. по: Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 142.

⁴² Письмо от (16) 28 марта 1813 года. Там же. С. 148.

⁴³ Курсив наш.

⁴⁴ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 380–381.

⁴⁵ Цит. по: Martin P.-R. Histoire des deux campagnes de Saxe en 1813. Paris: 30 Place Saint-André-des-Arts, 1836. P. 22.

⁴⁶ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 383.

⁴⁷ Цит. по: Brun J.-F. Du Niémen à l'Elbe: la manœuvre retardatrice de la Grande Armée // Revue historique des armées. 2012. № 267. P. 3–32.

⁴⁸ Несмотря на союзный договор между Францией и Австрией, подписанный в марте 1812 года.

⁴⁹ И не вполне справедливо, Австрия тоже приложила руку к разделу Польши.

⁵⁰ Prince de Metternich. Mémoires, documents et écrits divers publiés par son fils, le prince Richard de Metternich, classés et réunis par A. de Klinkowstroem. Vol. 1 et 2: 1re partie: depuis la naissance de Metternich jusqu'au congrès de Vienne, 1773–1815. Paris: Plon et Nourrit, 1879. T. II. P. 425.

⁵¹ Со своей стороны, Нессельроде высказался за независимость Голландии, возвращение Бурбонов на испанский престол и изгнание французов из Италии, но не потребовал никаких территориальных компенсаций.

⁵² О Коленкуре в России см.: D'Arjuzon A. Caulaincourt, le confident de Napoléon. Paris: Perrin, 2012 ; Рэй М.-П. Александр I. Указ. соч. Passim.

⁵³ Цит. по: Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 147.

⁵⁴ 1 333 334 фунта стерлингов.

⁵⁵ Цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 433.

⁵⁶ Текст депеши приводится в: Metternich. Mémoires, documents et écrits divers. Op. cit. P. 461.

⁵⁷ Ibid. P. 462–463.

⁵⁸ По словам Нессельроде, «еще не бывало более смехотворного конгресса». Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Révolution française. Op. cit. T. VIII. P. 154.

⁵⁹ Барон Фен в своей книге приводит много интересных подробностей о том, как разворачивался конгресс: Manuscrit de 1813, contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon par le baron Fain. Paris: Delaunay, 1825. P. 85–101.

⁶⁰ Ibid. P. 72.

⁶¹ Он был старшим братом знаменитого натуралиста Александра фон Гумбольдта.

⁶² D'Arjuzon A. Caulaincourt, le confident de Napoléon. Op. cit. P. 248.

⁶³ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 436–437.

⁶⁴ Депенша лорда Каслри лорду Кэткарту. Лондон, 7 августа 1813 г. Цит. по: Webster S. K. British Diplomacy, 1813–1815: Select Documents Dealing with the Reconstruction of Europe. London: G. Bell and Sons Ltd., 1921. P. 16–18. Курсив наш.

⁶⁵ Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 151.

⁶⁶ Mir J.-P. La bataille de Paris. Op. cit. P. 17.

⁶⁷ То есть чуть более трети задействованных войск.

⁶⁸ То есть 16 % задействованных войск.

⁶⁹ Цит. по: Mir J.-P. La bataille de Paris. Op. cit. P. 17.

⁷⁰ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Указ. соч. С. 237–243.

⁷¹ Арман де Коленкур был шурином барона де Сент-Эньяна.

⁷² Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 12.

⁷³ В следующей главе Франкфуртской декларации будет уделено больше места.

2. «Враг вступил на землю Вогезов, как на порог гостиной»

¹ Французы обычно называют эту реку Moskova.

² Великую княгиню Екатерину.

³ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Publiée par Jean-Charles Biaudet et Françoise Nicod. T. II. 1803–1815, Neuchâtel, La Vaconnière, 1979. Письмо № 238, Фрайбург-им-Брайсгау, (22 декабря 1813 г.) 3 января 1814 г. С. 504. Лагарп покинул Париж 19 января 1814 года с паспортом, который ему по приказу Наполеона предоставил министр полиции герцог де Ровиго; через несколько дней он уже прибыл в Лангр и встретился там с Александром.

⁴ О подготовке плана кампании см.: Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 297.

⁵ Там же. С. 298.

⁶ Он неоднократно говорит об этом в переписке с Лагарпом!

⁷ Письмо Александра I Бернадоту (Карлу Юхану), (29 октября) 10 ноября 1813 г. Цит. по: История русской армии, 1812–1864 гг. СПб.: Полигон, 2003. С. 157.

⁸ Некоторые труды, например, энциклопедия «Отечественная война» (Указ. соч. С. 283), оценивают число русских солдат в этой армии в 65 тысяч человек. Мы предпочли цифру в 61 тысячу человек, указанную в кн.: История русской армии. Указ. соч. С. 155.

⁹ Mir J.-P. La bataille de Paris. Op. cit. P. 22.

¹⁰ Очиров У. «И видел, что коня степного на Сену...» // Родина. 2013. № 11. С. 83.

¹¹ Разные авторы по-разному оценивают численность этой армии. Некоторые французские исследователи, например, Тьерри Ленц, оценивают численность Силезской армии в 87 тысяч человек; энциклопедия РОССПЭН говорит о 75 тысячах (Отечественная война. Энциклопедия. Указ. соч. С. 283), но в других российских текстах приводится более значительная цифра: 96 тысяч человек. См.: История русской армии, 1812–1864. Указ. соч. С. 155. Впрочем, все российские авторы согласны по поводу численности русских войск в составе Силезской армии.

¹² Mir J.-P. La bataille de Paris. Op. cit. P. 22.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Все данные об армии коалиции и русских войсках в ее составе взяты из кн.: История русской армии. Указ. соч. С. 155.

¹⁵ Он принадлежал к старинной семье савойской знати.

¹⁶ *Mémoires du chancelier Pasquier*. Op. cit. P. 244.

¹⁷ *Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric par le baron Antoine Henri de Jomini*. Paris: édition Anselin, 1827. Т. IV. P. 376. Шварценберг был назначен генералиссимусом коалиции в сентябре 1813 года.

¹⁸ А именно глава его штаба генерал Гнейзенау, генерал Муффлинг и полковник граф фон Гольц.

¹⁹ *Langeron A. Mémoires de Langeron, général d'infanterie de l'armée russe*. Op. cit. P. 208–209.

²⁰ История русской армии. Указ. соч. С. 156.

²¹ Об этом часто говорят русские источники, в частности, Александр Михайловский-Данилевский и генерал Ланжерон.

²² В 1815 году он высказался об Александре I так: «Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения». Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 239.

²³ История русской армии. Указ. соч. С. 157.

²⁴ *Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui-même*. Op. cit. P. 377–378.

²⁵ История русской армии. Указ. соч. С. 156.

²⁶ Рэй М.-П. Страшная трагедия. Указ. соч. Глава I.

²⁷ Точная дата подачи записки не известна, но это было раньше (8) 20 ноября 1813 года. См.: Безотосный В. М. Наполеоновские войны. Указ. соч. С. 297.

²⁸ *Mémoire présenté à Sa Majesté l'Empereur par l'aide de camp général Tchernytchev, à l'arrivée du grand quartier général à Francfort-sur-le-Main // Papiers du prince Tchernychev, pendant le règne d'Alexandre Ier // Recueil de la Société impériale historique russe*. Saint-Petersbourg. Т. CXXI, 1906. P. 232–235.

²⁹ Манифест воспроизводится в кн.: Koch C. *Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie*. Bruxelles: Meline, Sans et Compagnie. Т. III. P. 517–518. Русский текст опубликован в: Санкт-Петербургские ведомости. 19 декабря 1813. № 101. Доступно на сайте: http://www.runivers.ru/doc/patriotic_war/1813/hostilities/?dat=1.12.1813. Курсив наш.

³⁰ *Le Journal de l'Empire*. 4 января 1814 г.

³¹ Цит. по: Mir J.-P. *La bataille de Paris*. Op. cit. P. 32.

³² Располагавшиеся в Кёльне войска Макдональда впоследствии приблизились к Намюру и Льежу.

³³ См.: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 12: «175 тысяч новобранцев, вступивших в Рейнскую, Северную и Пиренейскую армии или прибывшие во французские казармы от Вана до Рима, к несчастью, не были готовы к бою. Прежде чем вести их на врага, нужно было обучить их, одеть, вооружить. Времени на обучение не доставало».

³⁴ См.: Waresquiel E., de Yvert B. *Histoire de la Restauration*. Op. cit. P. 17: «В парижских казармах на 1 января лишь двое из троих были одеты и, что еще хуже, лишь каждый второй был вооружен».

³⁵ Через два дня этот доклад был запрещен к распространению и публикации.

³⁶ Цит. по: Thiebaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les Corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire. Paris: SPM, «Kronos», 2011. P. 27.

³⁷ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 501.

³⁸ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 14.

³⁹ Ibid. P. 16.

⁴⁰ Цит. по: Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 523.

⁴¹ Цит. по: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 16.

⁴² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 28.

⁴³ Батюшков К. Н. Сочинения. СПб, 1886. Т. III. С. 246. Цит. по: Ponfilly R., de. Guide des Russes en France. Op. cit. P. 352. Курсив наш.

⁴⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 27.

⁴⁵ Цит. по: Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier, la guerre des idées. Paris: Bernard Giovanangeli éditeur, 2002. P. 333.

⁴⁶ Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1993. Vol. 34. № 1–2.

⁴⁷ Мэр города, считая, что старинное княжество слишком невелико, чтобы быть жизнеспособным, ходатайствовал перед царем за присоединение Монбельяра к Франции. Он добился своего: в мае 1814 года по предложению Александра I город вошел в состав Франции.

⁴⁸ Знаменитая петербургская школа.

⁴⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 27–28.

⁵⁰ Письмо графа Нессельроде жене, Лангр, (14) 26 января 1814 г // Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Extraits de ses archives, publiés et annotés par le comte A. de Nesselrode. T. V, 1813–1818. Paris: A. Lahure, 1908–1912. P. 151–152.

⁵¹ Письмо Александра I Екатерине. Лангр, (17) 29 января 1814 г. // Переписка императора Александра I со сестрой великой княгиней Екатериной Павловной, принцессой Ольденбургской, королевой Вюртембергской. 1815–1818, опубликованная вел. кн. Николаем Михайловичем. СПб, 1910. С. 163.

⁵² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 28.

⁵³ Ponfilly R. de. Guide des Russes en France. Op. cit. P. 345.

⁵⁴ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше. Указ. соч. С. 120, 132. Цит. по: Goubina M. La Perception réciproque des Français et des Russes dans la littérature, la presse et les archives (1812–1827). Диссертация, защищенная в университете Париж IV Сорбонна в 2007 г. Рукопись. С. 205.

⁵⁵ Чертков А. Д. Mon Journal de Voyage ou Itinéraire de route depuis les bords du Rhin jusqu'à Paris et puis mon séjour dans cette ville // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии 1812–1814 гг. М.: Терра, 1992. С. 419–420 (оригинал). С. 429 (перевод).

⁵⁶ Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise, 1810–1814, par la générale Durand, première dame de l'impératrice Marie-Louise. Paris: Calmann-Lévy, 1886. P. 158–160.

⁵⁷ Ibid. P. 160.

⁵⁸ Baron Fain, Agathon Jean François. Souvenirs de la campagne de France (manuscrit de 1814). Paris: Perrin, 1914. P. 11.

⁵⁹ Годы, которые юный Бонапарт провел в Бриенском коллеже, описаны в кн.: Patrice Gueniffey. Bonaparte, 1769–1802. Paris: Gallimard, NRF biographies, 2013. P. 55–57.

⁶⁰ Mir J.-P. La bataille de Paris. Op. cit. P. 33.

⁶¹ Langeron A. Mémoires de Langeron, général d'infanterie de l'armée russe. Op. cit. P. 389.

⁶² Каслри процитировал Блюхера в одном из писем к собственной жене Эмили! Цит. по: Adam Zamoyski. Rites of Peace: the Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. Londres: Harper Press, 2012. P. 153.

⁶³ Цит. по: Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris: Perrin, 1886. P. 400.

⁶⁴ Письмо от 7 февраля 1814 г., цит. по: Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 552.

⁶⁵ Цит. по: Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Idem.

⁶⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 29–30.

⁶⁷ Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 605.

⁶⁸ См.: письмо Александра I Блюхеру от (26 января) 7 февраля 1814 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3399. Л. 121об-122.

⁶⁹ Archives Caulaincourt. 95 AP 14. Цит. по: D'Arjuzon A. Caulaincourt, le confident de Napoléon. Op. cit. P. 260.

⁷⁰ Hantraye J. (éd.), Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Op. cit. Introduction.

⁷¹ Письмо от 5 февраля 1814 г. // Ibid. P. 25.

⁷² Письмо Александра I атаману Матвею Платову, (24 января) 5 февраля 1814 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д.3399. Л. 120–120об.

⁷³ Письмо от 29 января 1814 г. // Hantraye J. (éd.), Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Op. cit. P. 13–14.

⁷⁴ Отрывок из Горация (Послания, I, 10, 24). «Вилой природу гони, она все равно возвратится» (Пер. Н. С. Гинцбурга). Приблизительный аналог: «Как волка не корми, он все в лес смотрит»).

⁷⁵ Письмо от 31 января 1814 г. // Hantraye J. (éd.), Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Op. cit. P. 18.

⁷⁶ Philippe-Paul comte de Ségur. Histoire et mémoires. Paris: Firmin Didot frères, fils et Ce, 1873. T. VI. P. 305.

⁷⁷ Письмо лорда Каслри премьер-министру лорду Ливерпулю, (18) 30 января 1814 г. Цит. по: Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 156.

⁷⁸ Письмо Карла Нессельроде Александру I. Базель, (1) 13 января 1814 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Серия первая, 1801–1815 гг. М: Издательство политической литературы, 1960–1967. Т. VI (январь–май 1814 г.).1970. С. 543. Курсив наш.

⁷⁹ Он говорит о царе и его ближайших военных советниках, в числе которых были Штейн и Поццо ди Борго. Курсив наш.

⁸⁰ Письмо графа Нессельроде жене, Базель, (4) 16 января 1814 г. // *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*. Op. cit. P. 152–155.

⁸¹ См.: Вел. кн. Николай Михайлович. Царь Александр I. Указ. соч. С. 156.

3. В Шампани

¹ См. предыдущую главу.

² Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч.

³ Письмо Александра I маршалу Блюхеру, (14) 26 января 1814 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3399. Журнал исходящих бумаг (1 августа 1813 г. – 15 мая 1814 г.). Документ № 62. Курсив наш.

⁴ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 65.

⁵ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 535.

⁶ Ibid. P. 536.

⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 31–32.

⁸ См.: Simond C. (dir.) *La Vie parisienne à travers le XIXe siècle*. Op. cit. P. 280.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3398. Журнал операций русско-прусской армии (*Journal der operationen der Russisch-Preussischen Armee*) под ред. Баркляя де Толли, 1813–1814 гг.; 26 января 1814 г. Листок № 121. Письмо Баркляя де Толли фельдмаршалу Шварценбергу (документ № 61).

¹⁰ Шварценберг писал об этом, находясь в Лоэрахе 21 декабря 1813 года и в Труа 3 марта 1814 года; Блюхер на берегу Рейна 1 и 2 января и в Лане 13 марта, Барклай де Толли в Ножане 19 февраля, фон Бюлов в Лане 1 марта.

¹¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 29.

¹² Hantraye J. (éd.), *Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814*. Op. cit. P. 46. P. 55.

¹³ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 28.

¹⁴ Hantraye J. (éd.), *Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814*. Op. cit. Introduction. P. LXXVIII.

¹⁵ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 44.

¹⁶ Comte Bertrand de Vogüe. *La Grande Dame de la Champagne. À la conquête pacifique de la Russie*. Reims: Imprimerie du Nord-Est, 1960. P. 7.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Hantraye J. (éd.). *Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814*. Op. cit. P. 41–42.

¹⁹ Lecomte-Wallet V. *L'invasion de février-avril 1814 dans le Laonnois* // *Mémoires de la Fédération des sociétés d'histoire et d'archéologie de l'Aisne*. T. VIII, 1961–1962. P. 92. Цит. по: Breuillard J. *Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814–1818)*. Op. cit. P. 68–69.

²⁰ *Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France*. Paris: imprimerie de Aubry, 1814. P. 7.

²¹ Письмо г-на де Ванле, заведующего канцелярией Ножанского суда, в Париж, г-ну Андриану де ла Шапелю, 22 февраля 1814 г. Ibid. P. 2.

²² Вот что рассказывает Эме Дюпюи: «В 1814 году в отдаленных провинциях, к примеру, в Оверни и Форе, часто путали австрийцев (...) и казаков, поскольку и те и другие находились под командованием Шварценберга».

А дальше автор цитирует источник 1814 года: «По сообщению газет, австрийцы занимают Луару и Верхнюю Луару; баварцы и вюртембергцы - Пуи-де-Дом. Как сказал каретник, они могут быть одеты в белое, зеленое, черное – это все равно казаки». Aimé Dupuy. *Les Cosaques dans l'histoire et la littérature napoléoniennes* // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*, 1971, № 3 (июль–сентябрь). Р. 443–444.

²³ Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 44.

²⁴ Московский генерал-губернатор, в ходе войны 1812 года внезапно узнавший, что Москву не будут защищать, предпочел ее сжечь, но не оставлять наполеоновским войскам, и с этой целью вывез из города все пожарные насосы. См.: Рэй М.-П. *Страшная трагедия*. Указ. соч. С. 142.

²⁵ Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 50–53.

²⁶ Цит. по: Thiry J. *La Campagne de France de 1814*. Paris: Berger-Levrault, 1946. Р. 160.

²⁷ Письмо от 2 марта 1814 г. // Hantraye J. (éd.). *Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814*. *Op. cit.* Р. 50.

²⁸ Рэй М.-П. *Страшная трагедия*. Указ. соч. *Passim*.

²⁹ Pingaud L. *Les Français en Russie et les Russes en France*. *Op. cit.* Р. 69.

³⁰ Hantraye J. (éd.). *Le Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814*. *Op. cit.* Р. 69.

³¹ Письмо от 26 марта 1814 г. // *Ibid.* Р. 79.

³² Записка Карла Нессельроде Меттерниху, Каслри и Гарденбергу, Труа. (1) 13 февраля // *Внешняя политика России XIX и начала XX века*. Указ. соч. Т. VII (январь 1813 г. – май 1814 г.), 1970. С. 568.

³³ *История русской армии*. Указ. соч. С. 153.

³⁴ *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами с 1808 г.* Сост. Ф. Мартенс. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1905. Т. XI. С. 234.

³⁵ Там же. Т. XIV. С. 235–236.

³⁶ Там же. С. 236.

³⁷ Цит. по: Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 93. Курсив наш.

³⁸ Цит. по: D'Arjuzon A. *Caulaincourt, le confident de Napoléon*. *Op. cit.* Р. 268–269.

³⁹ Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 78.

⁴⁰ *Ibid.* Р. 79.

⁴¹ Моро действительно был заключен под стражу и предстал перед следствием, которое 24 марта решило, что генерал должен предстать перед военным трибуналом. Но в конце марта он был освобожден из-под стражи новым временным правительством, а в начале апреля примкнул к Бурбонам и служил им до самой старости.

⁴² Цит. по: Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 154. Шесть орудий, о которых идет речь, принадлежали суассонскому гарнизону.

⁴³ К примеру, Тьера.

⁴⁴ Langeron A., comte de. *Mémoires de Langeron* (текст из архива Министерства иностранных дел). Цит. в: Houssaye Н. 1814. *Op. cit.* Р. 269. В опубликованной версии «Мемуаров» Ланжерона отрывок в данной форме не фигурирует.

⁴⁵ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 32.

⁴⁶ Входящим в корпус Тенненборна.

⁴⁷ Цит. по: Commandant Weil. La Campagne de 1814, d'après les documents des Archives impériales et royales de la guerre à Vienne. Op. cit. T. III. P. 503.

⁴⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 33–35.

⁴⁹ Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 633.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Подробный рассказ об атаке казачьего подразделения под руководством Александра I при Фер-Шампенуаз содержится в: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 36–37.

⁵² На Урале есть деревня под названием Фершампенуаз (см. Пролог).

⁵³ Langeron A. Mémoires de Langeron, général d'infanterie de l'armée russe. Op. cit. P. 447. Можно предположить, что если бы шампанского в подвале оказалось больше, это могло бы создать серьезные трудности Александру I.

4. 30 Марта 1814 года: битва под Парижем

¹ Journal de Thomas Richard Underwood, in Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny, née comtesse de Chateaubriand, augmenté du journal de Thomas Richard Underwood, publié avec une introduction et des notes de Jacques Ladreit de Lacharrière. Paris: Émile-Paul, 1907. P. 105.

² Ibid. P. 105–106. P. 119–120. P. 106. P. 117. Улица Серютти в настоящее время носит название улица Лафит.

³ Амели родилась в 1798 году. Она была дочерью Виктории де Жирарден и Кретьена-Андре-Гийома де Боме. Впоследствии она вышла замуж за барона де Бей и стала известна как баронесса Бей.

⁴ Journal autographe d'Amélie de Bohm, 7 février 1814. Cote 8 FG MS 000 13. P. 47. Collections de la Bibliothèque historique de la ville de Paris. Département des manuscrits. P. 49 (11 февраля 1814 г.). P. 52 (16 февраля 1814 г.).

⁵ Journal de Thomas Richard Underwood. Op. cit. P. 122.

⁶ Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Op. cit. P. 34.

⁷ Ibid. P. 25.

⁸ Запись от среды 2 марта 1814 г. // Ibid. P. 23–24.

⁹ Ibid. P. 26.

¹⁰ Запись от среды 9 марта 1814 г. // Ibid. P. 28–29.

¹¹ Mémoires du duc de Rovigo écrits de sa main, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris: A. Bossange, 1828. T. VI. P. 319–322.

¹² Journal de Thomas Richard Underwood. Op. cit. P. 133.

¹³ Цит. по: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 449–450.

¹⁴ Доклад герцогу де Ровиго от генерального комиссара полиции, получившего специальное поручение. Ла-Ферте-су-Жуар, 8 марта 1814 г. Цит. по: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 449.

¹⁵ Journal de Thomas Richard Underwood. Op. cit. P. 119.

¹⁶ Lentz T. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 555.

¹⁷ Письмо Камбасереса Наполеону от 11 марта 1814 г. Цит.: Ibidem.

¹⁸ Отрывок из кн.: Charles de Rémusat. Mémoires de ma vie. Цит. по: Vivent J. La Vie privée de Talleyrand. Paris: Hachette, Les vies privées, 1940. P. 198.

¹⁹ Письмо Карло-Андреа Поццо ди Борго Карлу Нессельроде, (14) 26 сентября 1814 г. // *Correspondance diplomatique de Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode, depuis la Restauration des Bourbons jusqu'au congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814–1818*. Paris: Calmann-Lévy, 1897. P. 79.

²⁰ Waresquier E., de. *Talleyrand, le prince immobile*. Paris: Fayard, 2003. P. 424.

²¹ *Ibid.* P. 425.

²² *Ibid.* P. 433.

²³ См. его письмо герцогине Курляндской от 20 марта, цит. по: Houssaye H. 1814. *Op. cit.* P. 439: «Если бы император был убит, его смерть обеспечила бы права его сына на престол, в настоящий момент находящиеся под такой же угрозой, как и его собственные. Пока он жив, все остается смутным... Если император умрет, регентство удовлетворит всех, поскольку будет назначен Регентский совет, который понравится всем, и будут приняты меры, чтобы братья императора не имели никакого воздействия на дела в стране... Сожгите это письмо».

²⁴ Houssaye H. 1814. *Op. cit.* P. 438.

²⁵ Цит. по: Waresquier E., de. *Talleyrand, le prince immobile*. *Op. cit.* P. 434.

²⁶ Это его собственное выражение. См.: Waresquier E., de. *Talleyrand, le prince immobile*. *Op. cit.* P. 276.

²⁷ См. главу 1.

²⁸ См.: Рэй М.-П. Александр I. Указ. соч.

²⁹ Впоследствии он станет правителем первого независимого греческого государства.

³⁰ Либеральные убеждения Александра I оказали влияние не только на судьбу Франции. В 1815 году они подтолкнули его к тому, чтобы наделить Польшу, оказавшуюся под властью России по итогам Венского конгресса, конституцией и парламентом (сеймом). В своей декларации, произнесенной во время открытия польского сейма 1818 года, царь выразил свое желание, чтобы конституционный режим распространился и на остальную территорию его империи, как только обстоятельства позволят. Рэй М.-П. Александр I. Указ. соч. С. 346.

³¹ Цит. по: Waresquier E., de. *Talleyrand, le prince immobile*. *Op. cit.* P. 390.

³² Письмо герцога де Дальберга барону де Витролю. *Mémoires de Vitrolle*. T. I. P. 68. Цит. по: Houssaye H. 1814. *Op. cit.* P. 440–441.

³³ Houssaye H. 1814. *Op. cit.* P. 440.

³⁴ *Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond*. T. I: Versailles. L'émigration. L'Empire. La Restauration de 1814. Publiés intégralement d'après le manuscrit original. Paris: Émile-Paul, 1921–1923. 4e partie. La Restauration de 1814. P. 303–304.

³⁵ Не позднее 18 марта. Установить дату более точно не представляется возможным.

³⁶ Письмо-меморандум генерал-майора Шарля-Андре Поццо ди Борго. не позднее (6) 18 марта // *Внешняя политика России XIX и начала XX века*. Т. VII. С. 612.

³⁷ Цит. по: Lentz T. *L'effondrement du système napoléonien*. *Op. cit.* P. 530.

³⁸ Houssaye H. 1814. *Op. cit.* P. 420.

³⁹ Это было первое участие в битве Политехнической школы, располагавшей собственным артиллерийским подразделением. Студентам Политехнической школы была поручена оборона «Тронной заставы» («Венсенской заставы»), и они защищали ее с беззаветной храбростью. В знак уважения на первом знамени Политехнической школы была размещена надпись: «ОБОРОНА ПАРИЖА 1814».

⁴⁰ Доклад Паскье Монталиве, 16 марта 1814 г. Цит. по: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 424.

⁴¹ Ibid. P. 425.

⁴² Ibid. P. 429–430.

⁴³ Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Op. cit. P. 48.

⁴⁴ Письмо графа Нессельроде жене, Куломье, (16) 28 марта 1814 г. утром // *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*. Op. cit. P. 183–184.

⁴⁵ Ливен Д. Россия против Наполеона. Указ. соч. С. 637–638.

⁴⁶ Ход совета изложен в кн.: Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 455.

⁴⁷ Ibid. P. 458.

⁴⁸ *Correspondance de Napoléon*. Письмо № 21 497.

⁴⁹ Об отъезде Марии-Луизы и ее жизни в Блуа см.: *Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise, 1810–1814, par la générale Durand*. Op. cit. P. 172.

⁵⁰ Это отрывок из одной из версий дневника Томаса Ричарда Андервуда, опубликованного в приложении к книге Луи-Никола Рапетти: *Rapetti L.-N. La Défection de Marmont en 1814*. Paris: Poulet-Malassis et de Broise Libraires-éditeurs, 1858. P. 314.

⁵¹ Mir J.-P. *La bataille de Paris*. Op. cit. P. 70.

⁵² Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Op. cit. P. 49.

⁵³ Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Указ. соч. Т. VII. С. 628.

⁵⁴ Цит. по: Lentz T. *L'effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 559.

⁵⁵ Цит. по: Giraud P.-F.-J. *Campagne de Paris en 1814, précédée d'un coup d'oeil sur celle de 1813*. Paris: A. Eumery, 1814. P. 81.

⁵⁶ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 475.

⁵⁷ Замка Бонди более не существует. От него остался лишь павильон, расположенный на улице генерала Галлиени.

⁵⁸ Слова Александра I пересказала королева Гортензия. *Mémoires de la reine Hortense*. Paris: Plon, 1927. Т. II, P. 233.

⁵⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 38.

⁶⁰ Т. е. Кларк, военный министр.

⁶¹ *Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise*. Op. cit. P. 166.

⁶² Orlov M. *La capitulation de Paris* // Miltchina V., Ospovat A. (dir.). *Les Russes découvrent la France*. Paris: Editions du Globe, 1989. P. 103–104. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Издательство Академии наук, 1963. С. 6.

⁶³ Запись от 30 марта 1814 г. // *Journal autographe d'Amélie de Bohm*. Op. cit. P. 53.

⁶⁴ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 490.

⁶⁵ Ibid. P. 492.

⁶⁶ Ibid. P. 495.

⁶⁷ Ibid. P. 501.

⁶⁸ Ibid. P. 513.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 105.

⁷¹ Ibid. P. 105–106; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 8.

⁷² Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 107; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 9.

⁷³ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 108–109; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 10.

⁷⁴ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 109; Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 10.

⁷⁵ Houssaye H. 1814. Op. cit. P. 528.

⁷⁶ Этот отрывок, не приведенный в произведении Les Russes découvrent la France, фигурирует в русских военных архивах: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4134. Капитуляция Парижа в 1814 году, отрывки из неизданных мемуаров Михаила Орлова (La capitulation de Paris en 1814, extraits des Mémoires inédits de Mikhaïl Orlov). Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 16.

⁷⁷ Там же. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 17.

⁷⁸ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 119. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 18–19.

⁷⁹ Ibid. P. 120.

⁸⁰ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 121. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 20.

⁸¹ Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 129. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Указ. соч. С. 25.

⁸² Mémoires du chancelier Pasquier. Op. cit. P. 240.

⁸³ Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М.: Кучково поле, 2009. С. 138.

Mémoires d'Ivan Jirkevitch, général d'infanterie. Цит. по: Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 133.

⁸⁴ Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. Указ. соч. С. 139; Miltchina V., Ospovat A. (dir.). Les Russes découvrent la France. Op. cit. P. 133.

⁸⁵ Находясь в Жювизи, на пути к Парижу.

⁸⁶ Caulaincourt A., de. Mémoires du général de Caulaincourt. Op. cit. T. III. P. 66. На самом деле речь идет о заставе Пантен, которой заканчивается улица Фобур-Сен-Мартен.

⁸⁷ Ibid. P. 69.

⁸⁸ Ibid. P. 70.

⁸⁹ Ibid. P. 71.

⁹⁰ Ibid. P. 72.

⁹¹ Ibid. P. 76.

⁹² Цит. по: Paléologue M. Alexandre Ier, un tsar énigmatique. Paris: Plon. 1952. P. 192.

5. Александр I, архитектор Реставрации

¹ Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 40.

² Comtesse de Boigne. Цит. по: Waresquier E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 31.

³ Письмо графа Нессельроде жене, 10 марта 1814 г. // *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*. Op. cit. P. 176.

⁴ Orlov M. F. *La capitulation de Paris* // Miltchina V., Ospovat A. (dir.). *Les Russes découvrent la France*. Op. cit. P. 103–104. Орлов М. Ф. *Капитуляция Парижа* // Орлов М. Ф. *Капитуляция Парижа*. Указ. соч. С. 6.

⁵ Этой идеи, в частности, придерживается Эмманюэль де Варескиль: Waresquier E., de Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 442; Waresquier E., de Yvert B. *Histoire de la Restauration*. Op. cit. P. 35.

⁶ См.: Waresquier E., de Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 442.

⁷ Цит. по: Ponfily R., de. *Guide des Russes en France*. Op. cit. P. 36.

⁸ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 43.

⁹ Underwood T. *A Narrative of Memorable Events in Paris, Preceding the Capitulation, and During the Occupancy of that City by the Allied Armies, in the year 1814; Being Extracts from the Journal of the Détenu, who Continued a Prisoner, on Parole, in the French Capital, from the Year 1803 to 1814. Also, Anecdotes of Buonaparte's Journey to Elba*. London, 1828. P. 155–156. Французский перевод: *Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny augmenté du journal de T.-R. Underwood*. Publié avec introduction et notes par Jacques Ladreit de Lacharrière. Paris: Emile-Paul, 1907. P. 262–263.

¹⁰ Впоследствии Александр I требует, чтобы для него в Россию ввозили «бургундских улиток», решив, как и многие после него, что эти улитки происходят из Бургундии, тогда как в действительности они были просто приготовлены «на бургундский лад».

¹¹ См.: Waresquier E., de Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 448.

¹² Ibid. P. 702.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Цит. по: Waresquier E., de Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 444.

¹⁵ *Déclaration d'Alexandre Ier, empereur de Russie, du 31 mars 1814, sur les intentions des puissances alliées à l'égard de la France*, Paris: Imprimerie de Morival, 1814.

¹⁶ Waresquier E., de Yvert B. *Histoire de la Restauration*. Op. cit. P. 37.

¹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ См. главу 6.

¹⁹ Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары, 1814–1815*. Указ. соч. С. 48.

²⁰ Там же.

²¹ *Archives parlementaires. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises de 1800 à 1860*. P. 7.

²² Waresquier E., de Yvert B. *Histoire de la Restauration*. Op. cit. P. 37.

²³ *Collections de la Bibliothèque du Sénat. Sénat conservateur. Documents divers. Procès verbal de séances. Messages. Vol. 3, 1809–1814. Séance du vendredi 1er avril 1814 après-midi, présidée par Son Altesse Sérénissime le prince de Bénévent, vice-grand électeur*. P. 114.

²⁴ А именно, кроме Талейрана: «Господин сенатор граф де Бернонвиль, господин сенатор граф де Жокур, господин герцог де Дальберг, государственный советник, господин де Монтезкью, бывший член Учредительного собрания». Idem.

²⁵ *Sénat conservateur. Documents divers. Procès verbal de séances. Messages*. Op. cit. P. 115.

²⁶ Ibid. P. 116.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Этот подход в историографии сохранился и после распада СССР. К примеру, Николай Троицкий возвращается к этой идее в своей книге: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: Высшая школа, 2003 (переиздание). С. 55–57.

²⁹ Оригинал этого документа хранится в коллекциях Сенатской библиотеки (*Bibliothèque du Sénat*). Он особенно интересен тем, что содержит пометки и исправления, позволяющие проследить ход мысли его составителей.

³⁰ *Sénat conservateur. Documents divers. Procès verbal de séances. Messages*. Op. cit. P. 118–119.

³¹ Цит. по: Waresquiel E., de Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 118–119.

³² Письмо графа Нессельроде жене, 4 апреля 1814 г. (дата по западному календарю) // *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*. Op. cit. P. 184–185.

³³ *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. P. 85.

³⁴ Цит. по: Arjuzon A., d. Caulaincourt, le confident de Napoléon, Op. cit. P. 283.

³⁵ Ibid. P. 286.

³⁶ *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. P. 118.

³⁷ Ibid. P. 143. P. 144.

³⁸ Ibidem.

³⁹ *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. P. 155.

⁴⁰ Об этом разговоре рассказывают Тьер, Богданович и Надлер. Цит. по: *Destins souverains. Napoléon Ier, le tsar et le roi de Suède*. Collectif. Catalogue de l'exposition tenue au Palais de Compiègne, 23 septembre 2011 – 9 janvier 2012. Paris: RMN, 2011. P. 44.

⁴¹ *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. P. 157–158.

⁴² Цит. по: Arjuzon A., d. Caulaincourt, le confident de Napoléon, Op. cit. P. 288.

⁴³ Caulaincourt, A. de. *Mémoires du général de Caulaincourt*. Op. cit. P. 167.

⁴⁴ Вопреки широко распространившимся мифам. Ценный разбор этой мифологии см.: Lentz T. *Les Vingt Jours*

de Fontainebleau. La première abdication de Napoléon, 31 mars – 20 avril 1814. Paris: Perrin, 2014. La «grande scène» des maréchaux.

⁴⁵ См. сноску Жана Аното: *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. P. 190.

⁴⁶ *Mémoires du chancelier Pasquier*. Op. cit. P. 309.

⁴⁷ Акт об отречении. 11 апреля 1814 года. Цит. по: Lentz T. *L'Effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 573.

⁴⁸ Ibid. P. 573–574.

⁴⁹ *Mémoires, documents et écrits divers du prince de Metternich publiés par son fils, le prince Richard de Metternich*. Op. cit. T. I. P. 195.

⁵⁰ Шувалов узнал, что будет сопровождать Наполеона до Сен-Тропе 13 апреля от Нессельроде. См.: *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Указ. соч. Т. VII*. С. 649.

⁵¹ Цит. по: Valloton H. *Le Tsar Alexandre Ier*. Paris: Berger-Levrault, 1966. P. 228.

⁵² Цит. по: Lentz T. *L'Effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 576.

⁵³ Письмо графа Шувалова графу Нессельроде. Фрежюс, (15–16) 27–28 апреля 1814 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Указ. соч. Т. VII. С. 666–667.

⁵⁴ Письмо Александра I сестре Екатерине, (20) 8 апреля 1814 г. // Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. Указ. соч. С. 185–186.

⁵⁵ Waresquiel E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 45.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibid. P. 45–46.

⁵⁹ Séance du mercredi 6 avril 1814 // Registres du Sénat conservateur. Collections du Sénat conservateur. Bibliothèque du Sénat.

⁶⁰ См.: Waresquiel E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 46.

⁶¹ Journal autographe d'Amélie de Bohm. Op. cit. P. 65–66.

⁶² Протокол заседания (1) 13 апреля 1814 г. между Нессельроде, Меттернихом, Каслри и Гарденбергом // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Указ. соч. Т. VII. С. 647–648.

⁶³ Там же. С. 647.

⁶⁴ Waresquiel E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 49.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Он страдал от сильнейшего приступа подагры.

⁶⁸ Цит. по: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами с 1808 года. Указ. соч. Т. XIV. С. 237.

⁶⁹ См.: Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 359.

⁷⁰ На территории Бадена, откуда герцог Энгийенский был похищен полицией Наполеона и привезен во Францию, в Венсен, где он будет казнен.

⁷¹ Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 361–362.

⁷² В настоящее время Елгава в Латвии.

⁷³ См.: Рэй М.-П. Александр I. Указ. соч. С. 199.

⁷⁴ Escuyer G. Histoire de Compiègne et de ses environs. Paris, 1884. Т. VII. P. 175–177 // Цит. по: Destins souverains. Op. cit. P. 111.

⁷⁵ Отец герцога Энгийенского.

⁷⁶ См.: Destins souverains. Op. cit. P. 111.

⁷⁷ Цит. по: Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier. Op. cit. P. 329.

⁷⁸ Первоначально предполагалось, что он пробудет в Компьене двадцать четыре часа.

⁷⁹ Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 341–343.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ См.: Destins souverains. Op. cit. P. 114.

⁸² См.: Waresquiel E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 54.

⁸³ Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 343.

⁸⁴ Речь о Людовике XVIII.

⁸⁵ Воспоминания графа де Виллеля. Цит. по: Troyat H. Alexandre Ier. Le sphinx du Nord. Paris: Flammarion, 1980. P. 270.

⁸⁶ Beauharnais H., de. Mémoires de la reine Hortense. Op. cit. P. 26.

⁸⁷ Le Moniteur. 3 mai 1814.

⁸⁸ Journal autographe d'Amélie de Bohm. Op. cit. P. 68–69.

6. Новый Марк Аврелий

¹ Шатобриан, Ф.-Р. де. Замогильные записки. Указ. соч. С. 259.

² Это будет сделано после Ста дней, по второму Парижскому мирному договору, заключенному в ноябре 1815 года. См. эпилог.

³ См.: Waresquier E., de, Yvert B. Histoire de la Restauration. Op. cit. P. 63.

⁴ Цит. по: Архангельский А. Н. Александр I. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 202.

⁵ Александр Михайловский-Данилевский стал фактически первым русским историком, специализирующимся на войне 1812 года. Он собрал огромное количество документов этой войны и посвятил ей множество работ. Его документальные источники и рукописные заметки хранятся в Отделе рукописей Петербургской Императорской библиотеки, фонд 488.

⁶ Этот дневник был частично издан до 1917 года, а в 2001 году записи за 1814 и 1815 годы были опубликованы под названием «Мемуары, 1814–1815 годы». В полной версии дневник хранится в рукописном виде в Отделе рукописей Петербургской Императорской библиотеки, фонд 488.

⁷ Alexandrana, ou Bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier, pendant son séjour dans Paris: précédé d'un précis des opérations de l'empereur de Russie et de ses augustes alliés, pour rétablir Louis XVIII sur le trône de ses ancêtres. Paris: Lemercier, 1815.

⁸ Упоминание об этом имеется уже в рапорте от (19 февраля) 3 марта 1814 года русского офицера из высшего командования, вернувшегося в Мангейм из Шомона. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4165.

⁹ См. главу 7.

¹⁰ Rochemouart L.-V.-L., de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration par le général comte de Rochemouart. Mémoires inédits publiés par son fils. Paris: Plon, 1892 (2e édition). P. 328–329.

¹¹ Действительно, в отличие от офицеров солдаты расположатся лагерем на Елисейских полях.

¹² Collections de la Bibliothèque historique de la ville de Paris. Département des manuscrits. MS 1012: DÉFENSE DE PARIS, 1814. Feuillet № 82.

¹³ Ibid. Feuillet № 76.

¹⁴ Chateaubriand F. R., de. De Buonaparte et des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Paris: Mane frères, 1814. Русский перевод: Шатобриан Ф.-Р. де. О Бонапарте и Бурбонах, и о необходимости восстановить законных наших королей для благоденствия Франции и Европы. СПб.: В Морской тип., 1814.

¹⁵ Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 311.

¹⁶ Этот орден, учрежденный при Екатерине II, был весьма почетным при Александре I, его вручали как за гражданские, так и военные заслуги. Но Александр I закрепил его в первую очередь за отважными офицерами. В ходе войны 1812 года император вручил не более ста орденов святого Владимира, и всего около десяти из них относились к четвертому классу.

¹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 76–77.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier. Op. cit. p. 519. Note.

²⁰ Ibid. P. 516.

²¹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 47.

²² Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 75.

²³ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 60.

²⁴ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 77.

²⁵ Текст, опубликованный в «Le Moniteur», также воспроизводится в кн.: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 51.

²⁶ Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 65.

²⁷ См. статью, которую он опубликовал в «Le Globe» 15 августа 1829 года: «Если Александр I прибыл в Париж во главе своей армии, причиной этому было то, что властелин Франции приходил к нему в его столицу; но французы не могут забыть его [Александра I] великодушие. Люди, имевшие честь быть поблизости от него в эту эпоху, могли точно убедиться, что оно [великодушие] было результатом не политического расчета, но филантропии, лежавшей в основе его характера.

²⁸ Choiseul-Gouffier, comtesse de. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie. Publiés par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Fisenhaus, ancienne demoiselle d'honneur à la Cour. Bruxelles: Auguste Wahlen, 1829. P. 181–182.

²⁹ Mémoires du chancelier Pasquier. Op. cit. P. 339.

³⁰ Цит. по: Valloton H. Le Tsar Alexandre Ier. Op. cit. P. 225.

³¹ См.: «Le Journal des Débats». 28 апреля 1814 года: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу». Это два первых стиха Псалма 115 (113В), приписываемого Давиду. Этот псалом предположительно относится к VI веку до н. э.

³² Esneaux J., Chennechot L.-E. Histoire philosophique et politique de Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: J. Corréard, 1828–1830, 5 vol. T. V. P. 445.

³³ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 75.

³⁴ Этот проект никогда не будет осуществлен.

³⁵ Choiseul-Gouffier, comtesse de. Mémoires. Op. cit. P. 176.

³⁶ Destins souverains. Op. cit. P. 27.

³⁷ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 76.

³⁸ Денон был назначен на свой пост Наполеоном и сохранял его при Людовике XVIII вплоть до ноября 1815 года.

³⁹ Mémoires du chancelier Pasquier. Op. cit. P. 280.

⁴⁰ Destins souverains. Op. cit. P. 44.

⁴¹ Александр I – Пию VII // Archivio segreto Vaticano. S. di St. Rubr. 245. A. 1815. Fasc. 2.

⁴² «Скверными» их называла графиня де Буань. См.: *Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne*. Op. cit. P. 307.

⁴³ Vive Alexandre

Vive ce roi des rois!

Sans rien prétendre,

Sans nous dicter des lois.

Ce prince auguste

A ce triple renom

De héros, de juste

De nous rendre un Bourbon!

Mémoires de la comtesse de Boigne. Op. cit. P. 331.

⁴⁴ Mais un cri de bonheur vient de se faire entendre

La joie a répété le grand nom d'Alexandre.

Alexandre ! à ce nom tous nos coeurs sont émus!

Il fait croire à l'honneur, il fait croire aux vertus!

C'est un héros vainqueur ! C'est un roi, c'est un père!

Bienfaiteur des Français et vengeur de la terre. Перевод Марии Тагамлык.

Portrait d'Attila. Par Mme la baronne de Staël-Holstein. Suivi d'une épître à M. de Saint-Victor sur les sujets que le règne de Buonaparte offre à la poésie par Louis-Aimé Martin. Paris, s.n., 1814. P. 23.

⁴⁵ Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 59.

⁴⁶ Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. P. 90–91.

⁴⁷ Эта книга сохранилась в исторических коллекциях Парижа (collections historiques de la Ville de Paris).

⁴⁸ Лагарп – Александру I, 2 июня 1814 г. // *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier*. Op. cit. P. 520–521.

⁴⁹ Лагарп – Александру I, 27 июня 1814 г. // *Ibid.* P. 537.

⁵⁰ *Destins souverains*. Op. cit. P. 67. В письме от 8 января 1818 года граф де Ноай, французский посол при петербургском дворе, сообщил Жерару о прибытии этих портретов в Петербург.

⁵¹ См.: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Op. cit. P. 85.

⁵² В ту пору ему было 68 лет.

⁵³ Отрывки из переписки царя и Костюшко цитируются по кн.: Rain P. *Un tsar idéologue*. Paris: Perrin, 1913. P. 247–248.

⁵⁴ Шатобриан, Ф.-Р. де. *Замогильные записки*. Указ. соч. С. 259–260.

⁵⁵ Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 51.

⁵⁶ К сожалению, более точной датировке она не поддается.

⁵⁷ Записка Лагарпа Александру I, Париж, апрель 1814 г. // *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier*. Op. cit. 514–515.

⁵⁸ *Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny*. Op. cit. P. 83.

⁵⁹ *Ibid.* P. 92.

⁶⁰ *Journal autographe d'Amélie de Bohm*. Op. cit. P. 14–15.

⁶¹ *Chantons d'Alexandre la brillante valeur*

Chantons de ce héros la touchante grandeur;

Célébrons ses vertus, ses bienfaits, sa gloire,

Que de ses doux exploits on garde la mémoire.
Aux Français alarmés, il apporta la paix;
Il leur donna Bourbon, au gré de leurs souhaits,
Son cœur si généreux, si grand, si magnanime
Jamais ne réfléchit l'ombre même du crime,
Toujours de la vertu, suivant l'heureux chemin,
Ce monarque si cher eut un noble destin,
Adoré de son peuple, adoré de la France
Chaque mot de sa bouche est un mot de clémence,
Et ce prince chéri, bénissent chaque jour,
Les Russes courageux, objets de son amour.
Amélie.

Ibid. P. 53–55.

⁶² Цит. по: Saint-Amand A.-L. I., de Marie-Louise et l'invasion de 1814. Paris: Dentre, 1885. P. 364.

⁶³ Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise. Op. cit. P. 194–195.

⁶⁴ Ducrest G. Mémoires sur l'impératrice Joséphine. Ses contemporains, la cour de Navarre et de la Malmaison. Edition présentée et annotée par Christophe Pincemaille. Paris: Mercure de France, «Le temps retrouvé», 2004. P. 246–247.

⁶⁵ Mémoires de Mademoiselle Avrillion, première femme de chambre de l'Impératrice, sur la vie privée de Joséphine, sa famille et sa cour. Paris: Ladvocat, 1833. T. II. P. 396.

⁶⁶ Mémoires de la reine Hortense. Op. cit. P. 211–212.

⁶⁷ Именно так ее называет патентное письмо, составленное Людовиком XVIII, жаловавшее Гортензии титул герцогини де Сен-Лё. Это наименование, отрицавшее за Гортензией ее прежний титул королевы, вызвало ее негодование и повлекло за собой повторное вмешательство Александра I.

⁶⁸ Будущий Наполеон III.

⁶⁹ Mémoires du chancelier Pasquier. Op. cit. P. 433.

⁷⁰ Это была любовная дружба, а не связь.

⁷¹ Эти письма хранятся в российских архивах. Некоторые были опубликованы в октябре 1907 года в журнале «Revue de Paris».

⁷² Гортензия Богарне – Александру I, Сен-Лё, 21 сентября 1814 // Revue de Paris. Octobre 1907. P. 678–679.

⁷³ Гортензия Богарне – Александру I, Сен-Лё, 4 октября 1814 // Revue de Paris. Octobre 1907. P. 682.

⁷⁴ В своем письме от 5 октября Гортензия выразила царю всяческое сочувствие. Ibid. P. 682.

⁷⁵ Mémoires de la reine Hortense. Op. cit. P. 232.

⁷⁶ Mémoires du chancelier Pasquier. Op. cit. P. 434.

⁷⁷ Mémoires de la reine Hortense. Op. cit. P. 251–253.

⁷⁸ В настоящее время они хранятся в коллекциях Музеев Кремля.

7. Париж в русский час

¹ Атаман Матвей Платов – императрице Елизавете Алексеевне, 2 апреля 1814 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Альманах, 1996. Т. VII. С. 188.

² Античное название Дона.

³ Дарденн использует слово «шлаг» (от немецкого schlagen – бить).
Прим. перев.

⁴ Письмо, написанное в воскресенье 30 января // Hantraye J. (éd.). *Le Récit d'un civil dans la campagne de France*. Op. cit. P. 15–17.

⁵ Цит. по: Dupuy A. *Les Cosaques dans l'histoire et la littérature napoléoniennes* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, juillet-septembre 1971. P. 436.

⁶ Hugo A. *Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie*. Paris: Nelson editeurs, 1863. T. I (1802–1818). P. 197.

⁷ Proclamation du baron Sacken, en date du 31 mars // Collections de la Bibliothèque historique de la ville de Paris. Département des manuscrits. MS 1012: DÉFENSE DE PARIS, 1814. Feuillet № 75.

⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. Указ. соч. С. 48; Underwood T. *A Narrative of Memorable Events in Paris*. Op. cit. P. 147.

⁹ Underwood T. *A Narrative of Memorable Events in Paris*. Op. cit. P. 156.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Безотосный В. М., Иткина Е. И. *Казачи в Париже*. М.: Кучково поле, 2007. С. 68.

¹² Fontaine P. *Journal*. Paris: IFA, 1982. P. 401. Цит. по: Montclos, Brigitte de. *Les Russes à Paris au XIXe siècle*. Op. cit. P. 10.

¹³ Rochemouart L.-V.-L., de. *Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration par le général comte de Rochemouart*. Op. cit. P. 340.

¹⁴ Нечитаемо.

¹⁵ Нечитаемо.

¹⁶ *Полицейский бюллетень от 3 июня 1814 г.* // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

¹⁷ *Полицейский бюллетень о письмах из Парижа и департаментов, письма от 23, 24, 25 и 26 апреля* // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

¹⁸ *Полицейский бюллетень от 21 мая 1814 г.* // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

¹⁹ Underwood T. *A Narrative of Memorable Events in Paris*. Op. cit. P. 187–188.

²⁰ Российская медаль за войну 1812 года была серебряной и на лазурно-синей ленте. С одной стороны на ней изображался треугольник в лучах солнца и со всевидящим оком Провидения в центре, а внизу – дата «1812 год». На реверсе по-русски было написано: «Не нам, не нам, но имени твоему!» Ibidem.

²¹ Underwood T. *A Narrative of Memorable Events in Paris*. Op. cit. P. 188.

²² Ibid. P. 192.

²³ *Полицейский бюллетень от 4 мая 1814 г.* // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Uxkull B. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Journal d'un vainqueur de Napoléon, 1812–1819. Edité par Jürgen-Detlev von Uexhüll. Paris: Fayard, 1965. P. 132. Военный дневник Бориса Икскюля издал его правнучатый племянник Юрген-Детлев фон Икскюль.

²⁶ Полицейский бюллетень от 4 мая 1814 г. // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

²⁷ Полицейский бюллетень от 27 и 28 мая 1814 г. // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

²⁸ Полицейский бюллетень от 29 апреля 1814 г. // Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

²⁹ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 1836. Сын богатого купца, Лажечников (1792–1869) обучался дома и получил прекрасное образование.

³⁰ Там же. С. 189. Новое издание: Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле, Евробонд, 2013. С. 85–86.

³¹ Батюшков К. Н. Сочинения. Письма. М.: Художественная литература, 1989. Т. II.

³² Хомутов С. Г. Дневник за период с марта по июнь 1814 г. Описание событий во время расположения русской армии в Париже и возвращение в Москву // Русский архив. № 8. 1870. С. 164.

³³ Глинка Ф. Н. Ура!

³⁴ Записки солдата Памфила Назарова // Русская старина. № 8. 1878. С. 529–556.

³⁵ В сентябре 1816 года он начал самостоятельно учиться читать и писать. Благодаря своей храбрости – за эти годы он не раз будет ранен – он, закончив службу в 1836 году, получил пенсию от Николая I, случай редчайший по тем временам. Выйдя в отставку, он начал записывать свои воспоминания и обнаружил в себе сильнейшую веру в Бога, которая привела его в монастырь. В 1839 году Памфил Назаров стал монахом под именем брата Митрофана.

³⁶ Там же. С. 539.

³⁷ Там же.

³⁸ Муравьев Н. Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1886. Кн. 1. № 2. С. 106.

³⁹ Письма Луки Александровича Симанского к матери и братьям его по выступлении его в поход в бывшую с французами войну 1812ого, 1813ого, 1814ого и 1815ого годов. СПб, 1912. С. 81.

⁴⁰ Во всяком случае, так выглядели башкиры и другие тюрки.

⁴¹ Ножны часто были деревянные, обтянутые кожей. См.: Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже. Указ. соч. С. 64.

⁴² Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Op. cit. P. 61–62.

⁴³ 1 апреля по григорианскому календарю.

⁴⁴ Художник Александр Осипович Орловский (1777–1836).

⁴⁵ Казачья бурка – плащ, покрытый козьей или овечьей шерстью.

⁴⁶ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. Указ. соч. С. 205.

⁴⁷ Эти песни никогда не пели при дамах, как сообщает русский офицер Липранди в своих воспоминаниях. См.: Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже. Указ. соч. С. 70.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Mémoires du chancelier Pasquier*. Op. cit. P. 280.

⁵⁰ Эпизод фигурирует в статье Микаберидзе: Mikaberidze, Alexander. The Russian Eagles over the Seine. Russian Occupation of Paris in 1814 // *Napoleonic Scholarship. The Journal of the International Napoleonic Society*. Novembre 2011. № 4.

⁵¹ Ковальский Н. П. Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // *Русский вестник*. 1871. № 91. С. 113. Цит. по: Mikaberidze, Alexander. The Russian Eagles over the Seine. Op. cit.

⁵² Underwood T. A Narrative of Memorable Events in Paris. Op. cit. P. 151–155.

⁵³ Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Op. cit. P. 58. P. 59.

⁵⁴ Полицейский бюллетень от 25–26 мая 1814 г. // *Archives du ministère français des Affaires étrangères. Mémoires et Documents*. Vol. 336. Avril-juin 1814. Bulletins sur l'état des esprits en France.

⁵⁵ Récits d'une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne. Op. cit. P. 301–302.

⁵⁶ Цит. по: Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. Op. cit. P. 226.

⁵⁷ Hugo A. Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie. Op. cit. P. 198.

⁵⁸ Казаков И. М. По неизданным запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова // *Русская старина*. 1908. № 5. С. 356–357.

⁵⁹ Цит. по: Mikaberidze A. The Russian Eagles over the Seine. Op. cit.

⁶⁰ Т. е. Лувра.

⁶¹ Муромцев М. М. Воспоминания // *Русский архив*. 1890. № 3. С. 381.

⁶² Uxkull В. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Op. cit. P. 127.

⁶³ Чертков А. Д. Дневник. Цит. по: Mikaberidze A. The Russian Eagles over the Seine. Op. cit.

⁶⁴ См. свидетельство Николая Броневского. Цит. по: Mikaberidze, Alexander. The Russian Eagles over the Seine. Op. cit.

⁶⁵ Uxkull В. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Op. cit. P. 128.

⁶⁶ Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже. Указ. соч. С. 94.

⁶⁷ Казаков И. М. По неизданным запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка. Указ. соч. С. 358–359.

⁶⁸ Uxkull В. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Op. cit. P. 124–125.

⁶⁹ Он станет главным врачом этой больницы в 1815 году.

⁷⁰ См.: Казаков И. М. По неизданным запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка. Указ. соч. С. 355.

⁷¹ Это название звучит в самом начале произведения Александра Краснокутского: Краснокутский А. Г. Взгляд русского офицера на Париж, во время вступления государя императора и союзных войск, в 1814 году. СПб.: в морской типографии, 1819.

⁷² Там же. См. главу, которую он посвящает «французскому Пантеону или новой базилике святой Женеьевы». Название главы – по-французски, а основной текст на русском.

⁷³ Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву. 1814–1815 гг. // *Каторга и ссылка*. 1933. № 2. С. 93–121. Письмо первое.

⁷⁴ Речь о Наполеоне. Курсив наш.

⁷⁵ Uxkull В. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Op. cit. P. 125.

⁷⁶ Он не участвовал в заговоре непосредственно, но был заочно осужден на пожизненную каторгу.

⁷⁷ Montclos В., de. Les Russes à Paris au XIXe siècle. Op. cit. P. 14.

⁷⁸ Первоначально он был приговорен к двадцати годам заключения, но впоследствии этот срок был снижен до пятнадцати, а затем и до десяти лет лишения свободы.

⁷⁹ Montclos В., de. Les Russes à Paris au XIXe siècle. Op. cit. P. 17.

⁸⁰ Отрывок из досье князя Сергея Григорьевича Волконского // Восстание декабристов. Т. X. 1953. С. 108. Цит. в диссертации Жюли Грандей, опубликованной в 2011 году под названием: Grandhaye J. Les Décembristes. Op. cit. P. 462.

⁸¹ Montclos В., de. Les Russes à Paris au XIXe siècle. Op. cit. P. 17.

⁸² Цит. по: Pavlioutchenko E. Les Fils de Voltaire en Russie. Les décembristes et la France. Moscou: Éditions du Progrès, 1988. P. 115.

⁸³ В одном из писем к жене в 1814 году граф Ростопчин рассказывал, что всего за одну ночь полк покинуло шестьдесят человек, забрав с собой оружие и багаж.

⁸⁴ По максимальным оценкам количество дезертиров в ходе двух оккупаций (1814 и 1815–1818 годы) составило до 40 тысяч.

Вместо эпилога. После июня 1814 года

¹ По словам госпожи Ливен, супруги посла Александра I в Лондоне. См.: Mémoires de la comtesse de Lieven. Op. cit. P. 226.

² Текст был переведен на французский язык аббатом де Лондом и опубликован в Петербурге на двух языках. Хвостов Д. И. Александр I в Париже апреля 16 дня 1814 года. Сочинение графа Дмитрия Хвостова. СПб.: в морской типографии, 1814.

³ Текст фигурирует во французских дипломатических архивах. Archives du ministère français des Affaires étrangères. Correspondance politique France–Russie, 1814. Vol. 155.

⁴ По Венскому конгрессу недавно вышел замечательный труд Тьерри Ленца: Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. Paris: Perrin, 2013.

⁵ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Op. cit. P. 191–193.

⁶ Archives du ministère français des Affaires étrangères. Correspondance politique France–Russie, 1814. Vol. № 155.

⁷ А именно (25 мая) 6 июня 1814 года.

⁸ Шарль Поццо ди Борго – Карлу Нессельроде. Париж, (25 мая) 6 июня 1814 г. // Correspondance diplomatique de Pozzo di Borgo. Op. cit. P. 2.

⁹ Ibid. P. 4.

¹⁰ Частное письмо Шарля Поццо ди Борго Карлу Нессельроде, (1) 13 июня 1814 г. // Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie, de 1814 à 1830. P. 19–20.

¹¹ «Все недовольны, без исключений, что всегда является тревожным знаком. Я сердцем и душой работаю ради спасения французов. От этого зависит

слава императора и благо Европы. Здесь находится краеугольный камень общественного мира. Если случится революция, никаких финансов ни на что не будет, потому что придется оставаться во всеоружии». Шарль Поццо ди Борго – Карлу Нессельроде, (10) 22 июня 1814 г. // *Correspondance diplomatique de Pozzo di Borgo*. Op. cit. P. 16.

¹² «Армия еще больше взволнована и беспокойна, хотя у нее нет никаких оснований жаловаться на короля. Все опубликованные указы, относящиеся к армии, доказывают, какие усилия прилагаются, чтобы удовлетворить ее, что 600 тысяч солдат, включая прибывающих сюда пленников, и высшие офицеры в количестве, превосходящем всякое понимание, не могут волшебным образом вернуться к порядку и стать мирными гражданами или подданными. Никто из тех, кто разумен и любит свою родину, не жалеет о Наполеоне; но многие личности, для которых беспорядок представляет единственную надежду на успех, желают такого командира, как он». Шарль Поццо ди Борго – Карлу Нессельроде, (25 июня) 6 июля 1814 г. // *Ibid*. P. 18.

¹³ «Два дня назад генеральный комиссар полиции опубликовал правила соблюдения воскресений и проведения шествий в честь праздника Тела Господня. Этот указ, сам по себе имевший лишь моральные и религиозные цели, был составлен так, что встретил всеобщее неодобрение. Его осуждали за чрезмерную суровость и стеснение привычек повседневной жизни бесчисленного множества людей, поскольку нарушителям он угрожал значительным денежным штрафом, что входит в прерогативу уголовного законодательства, решения по которому король не имеет права принимать без согласия Палат, и, наконец, поскольку шествие – внешний культ, запрещенный прежним законом, который пока не отменен». Шарль Поццо ди Борго – Карлу Нессельроде, (1) 13 июня 1814 г. // *Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie, de 1814 à 1830*. P. 16.

¹⁴ Об этом свидетельствует письмо Нессельроде Шарлю Поццо ди Борго, (10) 22 июня 1814 г.: «Мой генерал, Вы знаете чувства уважения и благожелательности его императорского величества к герцогу Виченцкому, а также интерес, который император выражал к недавним поручениям ходатайствовать за него перед его христианнейшим величеством. Таким образом, Вы можете легко убедиться, насколько император, должно быть, был удивлен тем малоудовлетворительным результатом, о котором мне пришлось ему сообщить. Действительно, мог ли он ждать, после всех услуг, которые он оказал королю, после того, как он сыграл главную роль в его восстановлении на троне, после того, как он неоднократно подвергал свою жизнь опасности ради его дела, которое он защищал с таким упорством, которое только и позволило преодолеть все колебания и достичь цели, наконец, после того, как он еще столь недавно, в ходе мирных переговоров, предоставил королю столь ценные доказательства своих чувств, мог ли он предположить, что столкнется с подобным отказом? Его величество был глубоко оскорблен этим, и поручил Вашему Сиятельству продемонстрировать это без стеснения. Его мнение о герцоге Виченцком ни в коей мере не было опровергнуто; храбрость, с которой он всегда сражался против перегибов Бонапарта и всех злодеяний его системы, важнейшая услуга, которую он недавно оказал, в частности, королю и своей родине, предупредив гражданскую войну всем тем, что он сделал,

чтобы добиться отречения, лишь увеличили уважение, которым мы ему обязаны...» Ibid. P. 23.

¹⁵ О попытке «русского брака» Наполеона см. Рэй М.-П. Александр I. Указ. соч. Глава 9.

¹⁶ Шарль Поццо ди Борго – Карлу Нессельроде, (9) 21 июля 1814 г. // *Correspondance diplomatique de Pozzo di Borgo*. Op. cit. P. 27.

¹⁷ Цит. по: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ В середине февраля его сменил Веллингтон.

¹⁹ См.: Zawadzki W. H. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. Op. cit. P. 238–239.

²⁰ Цит. по Waresquiel, E. de. Talleyrand, le prince immobile. Op. cit. P. 485.

²¹ ГАРФ. Ф 1. Письмо цитируется в: Martin M. Maria Feodorovna en son temps. Op. cit. P. 406–408.

²² Цит. в статье «Antonin Carême» // *La France pittoresque*. № 10, avril-mai-juin 2004. P. 22.

²³ Записка Александра I от 7 июля 1815 г. // Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов, заключенных Россией с иностранными державами. Указ. соч. Т. XI. С. 249.

²⁴ *Mémoires du comte Molé, publiés et préfacés par la marquise de Noailles*. Genève, 1944. Цит. по: Grunwald, C. de. *Trois siècles de la diplomatie russe*. Op. cit. P. 165.

²⁵ Ответ Александра I (дата неизвестна) на письмо королевы Гортензии от 25 марта 1815 г. // *La Revue de Paris*, 15 octobre 1907. P. 701.

²⁶ Российская империя сохранила за собой большую часть великого герцогства Варшавского, что ей позволило контролировать Варшаву и среднее течение Вислы; российский царь получил право использовать титул короля Польского, но был вынужден уступить Пруссии северо-западную часть герцогства (в том числе Познань и Калиш, приблизительно 810 тыс. жителей), а Австрии – Западную Галицию (т. е. район Тернополя, примерно 400 тыс. подданных). Краков стал вольным городом.

²⁷ Весьма характерно горькое письмо, которое граф Воронцов 14 декабря 1815 года написал своему сыну Михаилу: «Речь больше идет о выгодах для других, чем о благополучии нашей страны. Если бы хотя бы взамен на все эти жертвы мы получили бы хотя бы от Пруссии (которая невероятно увеличилась) город Мемель, чтобы иметь естественную границу по Неману. Но заботятся только о Польше, которая не связана с Россией, а только лично с Александром, против наследников которого она будет воевать каждый раз, когда мы будем вести другие тяжелые войны. Все это прискорбно». Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Указ. соч. Т. III. С. 394.

²⁸ Выражение принадлежит лорду Каслри.

²⁹ Цит. по: Renouvin P. *Histoire des relations internationales*. Op. cit. P. 370.

³⁰ Текст договора об учреждении Священного Союза, приводится в: *Внешняя политика России XIX и начала XX века. 1-я серия, 1801–1815. Том VIII. С. 502–504.*

³¹ О развитии этого образа см.: Breuillard J. *Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814–1818)*. Op. cit.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные источники

Французские архивы

Archives du ministère français des Affaires étrangères:

Correspondance diplomatique, Russie, dossiers n° 140–167. (Часть этой переписки, за период с 1808 по 1812 год, была издана великим князем Николаем Михайловичем.)

Mémoires et documents, année 1814. Volume 336: avril–juin 1814, Bulletins sur l'état des esprits en France.

Collections de la Bibliothèque historique de la ville de Paris:

Département des manuscrits: MS 1012: DÉFENSE DE PARIS, 1814.

Journal autographe d'Amélie de Bohm, 7 février 1814, cote 8 FG MS 000 13.

Российские архивы

РГАДА, Российский государственный архив древних актов:

Фонд № 1. Государственный архив Российской империи. Разряд I. Секретные пакеты сер. XVIII в. – 1830. Описание № 1.

В особенности: Семейная переписка Александра I, Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны, вел. кн. Константина Павловича, Александры Павловны, Екатерины Павловны, Елены Павловны, 1780–1825.

Фонд № 4. Переписка лиц императорской фамилии. Описание № 1.

РГВИА, Российский государственный военно-исторический архив:

Фонд № 846. Военно-ученый архив. Описание № 16.

Дела: №№ 3463, 3477–3478, 3495, 3525–3527, 3565–3566, 3569, 3573, 3586–3588, 3628, 3642, 3646, 3648, 3682, 3684, 3686, 3687, 3689, 3690, 3695–3698, 3773.

Опубликованные архивные источники

Французские архивные источники

Archives parlementaires. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises de 1800 à 1860.

Collections de la Bibliothèque du Sénat: Sénat conservateur. Documents divers. Procès verbal de séances. Messages. Vol. 3. 1809–1814.

Goldsmith L. Cours politique et diplomatique de Napoléon Bonaparte, ou Recueil des traités, actes, mémoires décrets, ordonnances, discours, proclamations, etc., depuis mai 1796 jusqu'à la seconde abdication de Bonaparte. London: J. Booth, 1816. T. VI.

Kerautret M. Les Grands Traités de l'Empire. La chute de l'Empire et la Restauration européenne, 1811–1815. Paris: Nouveau-Monde éditions/Fondation Napoléon, « La bibliothèque Napoléon », 2004.

Mavidal J., Laurent É. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises. Paris: Imprimerie administrative de Paul Dupont, 1869. T. XVII.

Российские архивные источники

Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. Ouvrage anonyme, Paris: Lemercier, 1815.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Серия первая – 1801–1815. М.: Издательство политической литературы, 1960–1967. Т. 6–7.

Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения между ими и армиями французскими последнего перемирия, т. е. с 5/17 августа 1813 года по 17 марта 1814 года. СПб: печатан в военно-походной типографии, при главной квартире состоящей, 1813–1814.

Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Альманах, 1996. Т. VII.

Русская старина, Русский архив, *passim*.

Сборник Императорского Русского исторического Общества. В особенности тт. 2, 6, 11, 54, 70, 77, 82, 89, 112, 119 и 127.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами с 1808 года. Составитель Ф. Ф. Мартенс. 15 томов. СПб., 1874–1909.

Газеты за 1814 год

Le Journal de Paris

Le Journal des Débats

Le Moniteur universel

*Переписка, личные дневники, мемуары,
иллюстрирующие французскую точку зрения*

Abrantès L. J., de. Mémoires de Mme la duchesse d'Abrantès. Bruxelles: Société belge de librairie, 1837 (2e édition). T. III.

Avrillon M.-J.-P., de. Mémoires de Mademoiselle Avrillon, première femme de chambre de l'Impératrice, sur la vie privée de Joséphine, sa famille et sa cour. Paris: Ladvocat, 1833. T. II.

Bausset L.-F.-J., de. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du Palais et sur quelques événements de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1er mai 1814 pour servir à l'histoire de Napoléon. Bruxelles: H. Tarlier, 1827. T. II.

Beauharnais H., de. Mémoires de la reine Hortense. Paris: Plon, 1927. T. II.

Beauharnais H., de. Correspondance avec l'empereur Alexandre Ier. // La Revue de Paris, octobre 1907.

Boigne, comtesse de. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Récits d'une tante. Edition présentée et annotée par Jean-Claude Berchet. Paris: Émile-Paul, 1921–1923. Tome I: Du règne de Louis XVI à 1820.

Bourrienne L. A. F., de. Mémoires de M. de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Paris: Ladvocat, 1829. T. X.

Caulaincourt A.-A.-L., de. Mémoires du général de Caulaincourt. Présentation et notes de Jean Hanoteau. Paris: Plon, 1933. 3 vol. Vol. I. Vol. III.

Chateaubriand F.-R., de. Mémoires d'outre-tombe. Paris: éd. Eugène et Victor Penaud frères, 1849. T. 6. Русский перевод: Шатобриан, Франсуа-Рене де. Замогильные записки. Пер. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995.

Chateaubriand M. A. F., de, comtesse de Marigny. Paris en 1814. Journal inédit de Madame de Marigny. Suivi du Journal de Thomas Richard Underwood (Journal d'un prisonnier anglais). Présentation et notes de Jacques Ladreit de Lacharrière. Paris: Émile-Paul, 1907.

Cohendet S.-H., la générale Durand. Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise, 1810–1814, par la générale Durand, première dame de l'impératrice Marie-Louise. Paris: Calmann-Lévy, 1886.

Ducrest G. Mémoires sur l'impératrice Joséphine. Ses contemporains, la cour de Navarre et de La Malmaison. Edition présentée et annotée par Christophe Pincemaille. Paris: Mercure de France, coll. « Le temps retrouvé », 2004.

Fain A. J. F., baron. Manuscrit de 1813, contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon par le baron Fain, Paris: Delaunay, 1825.

Fain Agathon Jean François, baron. Manuscrit de 1814, trouvé dans les voitures impériales prises à Waterloo contenant l'histoire des six derniers mois du règne de Napoléon. Paris: Bossange, 1823.

Fouché J. Mémoires de Joseph Fouché, édition de Louis Madelin. Paris: Flammarion, 1945.

Gain de Montagnac Jean-Romain de. Journal d'un Français depuis le 9 mars jusqu'au 3 avril 1814. Paris: Potey, 1817.

Girod de l'Ain F. Dix ans de souvenirs militaires de 1805 à 1815. Paris: Librairie des deux Empires, 2000.

Hugo A. Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie. Paris: Nelson éditeurs, 1863. T. I (1802–1818).

Joséphine Beauharnais, Impératrice. Correspondance, 1782–1814. Etablie et commentée par Bernard Chevallier, Maurice Catinat et Christophe Pinceaille. Paris: Payot, 1996.

Les Beauharnais et l'Empereur. Lettres de l'impératrice Joséphine et de la reine Hortense au prince Eugène, préface et notes de Jean Hanoteau. Paris: Plon, 1936.

Las Cases E., de. Mémorial de Sainte-Hélène. Edition de Marcel Dunan. Paris: Flammarion, 1951.

Lettres de Napoléon à Joséphine et de Joséphine à Napoléon. Edition établie par Jacques Haumont. Paris: Jean de Bonnot, 1985.

Macdonald É. J. J. A.. Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente. Paris: Plon, 1892.

Marbot J. B. A. M., de. Mémoires du général baron de Marbot, présentation et notes de Jacques Garnier. Paris: Mercure de France, 2001. T. II.

Marmont A.-F.-L.Viesse, de. Mémoires de 1792 à 1841 imprimé sur le manuscrit original de l'auteur. Paris: Perrotin, 1856. T. VI.

Montesquiou A., de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire, la Restauration et le règne de Louis-Philippe. Paris: Plon, 1961.

Napoléon Ier. Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Paris: Plon et Dumaine, 1869. T. XXVII.

Pasquier É.-D. Mémoires du chancelier Pasquier: histoire de mon temps. Publiés par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. T. II. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1893.

Rémusat C. É. J. G. de Vergennes de. Mémoires de Madame de Rémusat. Paris: Calmann-Lévy, 1876. T. III.

Récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857), Jacques Hantraye (éd.). Paris: CTHS, « Collection de documents inédits sur l'histoire de France ». Vol. 44, 2008.

Rovigo A. J. M. R. S., duc de. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris: A. Bossange, 1828. T. VI.

Ségur Ph. P., comte de. Mémoires du général comte de Ségur. T. III: Du Rhin à Fontainebleau, 1812–1815. Paris: Tallandier, « Texto », 2010.

Staël G., de. Correspondance avec l'empereur Alexandre Ier. // Revue de Paris, janvier 1897.

Talleyrand intime d'après sa correspondance inédite avec la duchesse de Courlande. La Restauration en 1814. Paris: E. Kolb, s.d. (1898).

Vitrolles E. F. d'Arnauld, baron de. Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles. Paris: Carpentier, 1884. T. I.

Underwood T. A Narrative of Memorable Events in Paris, Preceding the Capitulation, and During the Occupancy of that City by the Allied Armies, in the year 1814; Being Extracts from the Journal of the Déténu, who Continued

a Prisoner, on Parole, in the French Capital, from the Year 1803 to 1814. Also, Anecdotes of Buonaparte's Journey to Elba. London, 1828. P. 155–156.

*Переписка, личные дневники, мемуары,
иллюстрирующие точку зрения русских и их союзников*

Bennigsen L. A., von. Mémoires du général Bennigsen. Paris: Berger-Levrault, 1907–1908. 3 vol. Vol. III: Campagnes de 1812 et de 1813.

Choiseul-Gouffier, comtesse de, née Sophie de Tisenhaus. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie, publiés par Madame la Comtesse de Choiseul-Gouffier. Paris: Leroux, 1829.

Choiseul-Gouffier, comtesse de, née Sophie de Tisenhaus. Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon. Paris: Dentu, 1862.

Chouvalov P., comte. De Fontainebleau à Fréjus. // La Revue de Paris, 15 avril 1897. P. 809–823 (lettres à Nesselrode).

Clemens Metternich. Wilhelmine von Sagan. Ein Briefwechsel. 1813–1815, lettres présentées par Arthur Breyha-Vauthier. Gratz/Cologne: Hermann Böhlau, 1966.

Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de la Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Publiée par Jean-Charles Biaudet et Françoise Nicod. 3 vol. Neuchâtel: La Béconnière, 1978–1980.

Czartoryski A. Mémoires et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1887. Deux volumes.

Davydov Denis. In the service of the Tsar against Napoleon. The memoirs of Denis Davydov, 1806–1814, edited by Gregory Troubetsky. London: Greenhill Books, 2006.

Galitzin N.-D.-B. Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812–1814. Saint-Pétersbourg: Kray, 1844.

Jomini A.-H., baron de. Précis politique et militaire des campagnes de 1812 à 1814. Extrait des souvenirs inédits du général Jomini. Paris: Nouvelle revue, 1886; Paris: Slatkine-Megariotis Reprints, 1975.

Jomini A.-H., baron de. Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric par le baron Antoine Henri de Jomini. Paris: édition Anselin, 1827. T. IV.

Langeron L. A. A., comte de. Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagnes de 1812, 1813, 1814. Publiés pour la Société d'histoire contemporaine par LGF. Paris: Picard, 1902.

Löwenstern K., von. Mémoires du général-major russe, baron de Lowensstern, 1777–1858. Publiés d'après le manuscrit original et annotés par M.H. Weil. Paris: Albert Fontemoing éditeur, 1903. T. II.

Mémoires, documents et écrits divers du prince de Metternich publiés par son fils, le prince Richard de Metternich, classés et réunis par A. de Klinkowstroem. T. I–II, première partie: depuis la naissance de Metternich jusqu'au congrès de Vienne, 1773–1815. Paris: Plon et Nourrit, 1879. T. II.

Nesselrode Ch.-R., de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850, extraits de ses archives publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. Paris: Lahure, 1904–1912, 11 volumes.

Rochechouart L.-V.-L., de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration par le général comte de Rochechouart. Mémoires inédits publiés par son fils, Paris: Plon, 1892 (2e édition).

Uxkull B. Amours parisiennes et campagnes en Russie (1812–1819). Paris: Fayard, 1968.

Yermolov A. The Czar's General: The Memoirs of a Russian General in the Napoleonic Wars. London: Ravenhall Books, 2005.

1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М.: Терра, 1992.

Батюшков К. Н. Сочинения. Письма. М.: Художественная литература, 1989. Т. II.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М.: Типография С. Селивановского, 1815–1816. Ч. VII.

Давыдов Д. Военные записки. М.: Воениздат, 1982.

Дневник Павла Пуцина, 1812–1814. Л., Изд-во ЛГУ, 1987.

«Записки солдата Памфила Назарова» // Русская старина. СПб. № 8. 1878. С. 529–556.

«К чести России»: из частной переписки 1812 года. Изд. М. Бойцов. М.: Современник, 1988.

Казаков И. М. По неизданным запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова. // Русская старина. № 5. 1908.

Краснокутский А. Г. Взгляд русского офицера на Париж, во время вступления государя императора и союзных войск, в 1814 году. СПб.: в Морской типографии, 1819.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. СПб.: Российская национальная библиотека, коллекция Рукописные памятники. Вып. 6, 2001.

Муравьев Н. Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив, № 2, 1886.

Муромцев М. М. Воспоминания // Русский архив, № 3, 1890.

Переписка императора Александра I со сестрой великой княгиней Екатериной Павловной, принцессой Ольденбургской, королевой Вюртембергской, 1815–1818. Изд. Великим князем Николаем Михайловичем. СПб., 1910.

Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1835. Ч. III.

Хомутов С. Г. Дневник за период с марта по июнь 1814 г. Описание событий во время расположения русской армии в Париже и возвращение в Москву. // Русский архив. № 8, 1870.

Чичерин А. В. Дневник Александра Васильевича Чичерина. М.: Наука, 1966.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. Т. I.

Библиография

Эпистемологические проблемы, встающие при использовании в исторических исследованиях личных дневников, писем и мемуаров

Ménager B. Les Napoléon du peuple. Paris: Aubier, Collection historique, 1988.

Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire. Paris: Seuil, Points Histoire, 2004 (édition revue).

Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire. // Revue d'histoire du XIXe siècle, n° 30, 2005.

Tulard J. Nouvelle bibliographie critique des Mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français. Genève: Droz, Hautes études médiévales et modernes, 1991 (nouvelle édition revue et enrichie).

Zanone D. Écrire son temps. Les Mémoires en France de 1815 à 1848. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2006.

Образы, мифы, изображения

Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814–1818) // Slavica occitania. Toulouse, n° 8, 1999.

Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris: Fayard, L'Histoire sans frontières, 1967.

Corbet Ch. À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967.

Dupuy Aimé. Les Cosaques dans l'histoire et la littérature napoléoniennes. // Revue d'histoire moderne et contemporaine, juillet–septembre 1971.

Kabakova G. Mangeur de chandelles, l'image du Cosaque au XIXe siècle. // Dmitrieva Katia, Espagne, Michel (dir.). Philologiques IV: transferts culturels triangulaires, France-Allemagne-Russie. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 1996. P. 207–230.

Norris S. A War of Images. Russian popular prints. Wartime Culture and National Identity, 1812–1945. Dekalb: Northern Illinois Press, 2006.

Общие исследования, вблизи или издалека касающиеся вопроса франко-русских отношений

- Arjuzon A., d. Caulaincourt. *Le confident de Napoléon*. Paris: Perrin, 2012.
- Bartlett C. J. *Peace, War and the European Powers, 1811–1914*. London: Macmillan, 1996.
- Berelowitch W. *La France dans le “Grand Tour” des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle*. Cahiers du monde russe et soviétique, année 1993. Vol. 34, n° 1–2.
- Bournand F. *Russes et Français, souvenirs historiques et anecdotiques, 1051–1897*. Paris: Librairie Delagrave, 1898.
- Bridge F.R., Bullen R. *The Great Powers and the European States System, 1814–1914*, London/New York: Pearson Longman, 2005 (2nd edition).
- Grimsted P. K. *The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Foreign Diplomacy*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Kukiel M. *Czartoryski Sainte and European Unity: 1770–1861*. Princeton: Princeton University Press, 1955.
- Ley F. *Alexandre Ier et sa-Alliance: 1811–1825, avec des documents inédits*. Paris: Fischbacher, 1975.
- Lieven D. *Russia Against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814*. London/New York, Allen Lane, 2009. Русский перевод: Ливен Д. *Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814*. Пер. с англ. А. Ю. Петрова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Montclos B., de. *Les Russes à Paris au XIXe siècle, 1814–1896*. Paris: Musée Carnavalet, 1996.
- Niven A. C. *Napoleon and Alexander I: a Study in Franco-Russian Relations, 1807–1812*. Washington, D.C: University Press of America, 1978.
- Pavlioutchenko E. *Les Fils de Voltaire en Russie. Les décembristes et la France*. Moscou: Éditions du Progrès, 1988.
- Pingaud L. *Les Français en Russie et les Russes en France*. Paris: Perrin, 1886.
- Pirenne H. *La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale*. Neuchâtel: Éditions de la Baconnière, L'Évolution du monde et des idées, 1946.
- Ponfilly R., de. *Guide des Russes en France*. Paris: Guides Horay, 1992.
- Ratchinski A. *Napoléon et Alexandre Ier: la guerre des idées*. Paris: Bernard Giovanangeli éditeur, 2002.
- Rey M.-P. *Le Dilemme russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine*. Paris: Flammarion, 2002.
- Zamoyski A. *Rites of Peace: the Fall of Napoleon and the Congress of Vienna*. New York: Harper Collins, 2007.
- Очерки министерства иностранных дел России, 1860–1917. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. I.

Исследования по истории Французской империи и Реставрации, затрагивающие кампанию 1814 года

- Bercé Y.-M. *La Fin de l'Europe napoléonienne. 1814: la vacance du pouvoir.* Paris: Veyrier, 1990.
- Bertier de Sauvigny G., de. *La Restauration.* Paris: Flammarion, 1999.
- Boudon J.-O. *Histoire du Consulat et de l'Empire.* Paris: Perrin, 2000.
- Boudon J.-O. *La France et l'Europe de Napoléon.* Paris: Armand Colin, U, 2006.
- Chandler D. *The Campaigns of Napoleon.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1995.
- Dufraisse R., Kerautret M. *La France napoléonienne. Aspects extérieurs (1799–1815).* Paris: Seuil, Points Histoire, 1999.
- Imbert Saint-Amand A.-L., de. *Marie-Louise et l'invasion de 1814.* Paris: Dentre, 1885.
- Lachouque H. *Napoléon en 1814.* Paris: Haussmann, 1959.
- Lentz T. *Nouvelle Histoire du Premier Empire. T. II: L'Effondrement du système napoléonien, 1810–1814.* Paris: Fayard, 2004.
- Lentz T. *Les Vingt Jours de Fontainebleau. La première abdication de Napoléon, 31 mars–20 avril 1814.* Paris: Perrin, 2014.
- Madelin L. *Histoire du Consulat et de l'Empire.* Paris: Robert Laffont, Bouquins, 2003. T. IV.
- Patat J.-P. *1814. Trahisons et reniements.* Paris: Bernard Giovanangeli éditeur, 2011.
- Ponteil F. *La Chute de Napoléon Ier et la crise française de 1814–1815.* Paris: Aubier, 1943.
- Rapetti L.-N. *La Défection de Marmont en 1814.* Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1858.
- Schroeder P. W. *The Transformation of European Politics, 1763–1848.* Oxford: Oxford History of Modern Europe, 1994.
- Serval P. *Napoléon tombe en vingt jours.* Paris: Perrin, 1984.
- Simond Ch. (dir.). *La Vie parisienne à travers le XIXe siècle. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes et les mémoires du temps. T. I: 1800–1830, le Consulat, le Premier Empire, la Restauration.* Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1900.
- Sorel A. *L'Europe et la Révolution française.* Paris: Bibliothèque des In-
trouvables, 2003. T. VIII.
- Thiers A. *Histoire du Consulat et de l'Empire.* Paris: Paulin, 1859. T. XVII.
- Thiry J. *La Première Abdication de Napoléon Ier.* Paris: Berger-Levrault, 1948.
- Tulard J. *Napoléon ou le mythe du Sauveur.* Paris: Hachette, Pluriel, 2005 (2e édition).
- Waresquiel E., de. *Talleyrand, le prince immobile.* Paris: Fayard, 2003.
- Waresquiel E., de, Yvert B. *Histoire de la Restauration, 1814–1830. Naissance de la France moderne.* Paris: Perrin, 1996, rééd. coll. Tempus, 2002.

**Исследования по истории Российской империи,
затрагивающие кампанию 1814 года**

Goubina M. *La Perception réciproque des Français et des Russes dans la littérature, la presse et les archives (1812–1827)*. Диссертация, защищенная в университете Париж IV–Сорбонна в 2007 г., рукопись.

Grandhaye J. *Les Décembristes. Une génération républicaine en Russie autocratique*. Paris: Publications de la Sorbonne, Série internationale, 2011.

Grandhaye J. *Russie: la république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe–XXIe siècles)*, Seyssel, Champ Vallon, La chose publique, 2012.

Hartley J. *Russia and Napoleon: State, Society and the Nation* // Rowe M. (dir.). *Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe: State formation in an Age of Upheaval, c.1800–1815*. Basingstoke (UK): Palgrave Macmillan, 2003.

Heller M. *Histoire de la Russie et de son empire*. Paris: Plon, 1997.

Jenkins M. *Arakcheev, Grand Vizir of the Russian Empire*. London: Faber and Faber, 1969.

Josselson M., Josselson D. *Le Général Hiver. Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly*. Paris: éditions Gérard Lebovici, 1986.

Kappeler A. *La Russie, empire multiethnique*. Paris: Institut d'études slaves, 1994.

Ledonne J. P. *Absolutism and Ruling Class: the Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991.

Pipes R. *Russia under the Old Regime*. New York: Collier Books, 1992.

Raëff M. *Comprendre l'Ancien Régime russe. État et société en Russie impériale*. Paris: Seuil, 1982.

Ragsdale H. *The Russian Tragedy: the Burden of History*. New York: M.E. Sharpe, 1996.

Rey M.-P. *Alexandre Ier*. Paris: Flammarion, *Grandes Biographies*, 2009. Русский перевод: Рэй М.-П. *Александр I*. Пер. с фр. А. Ю. Петрова и А. Ю. Терещенко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2013.

Seton-Watson H. *The Russian Empire, 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 1967.

Strakhovsky L. *Alexander I of Russia: the Man who Defeated Napoleon*. New York: W.W. Norton & Company, 1947.

Wesling M. *Napoleon in Russian Cultural Mythology*. New York: Peter Lang, 2001.

Айрапетов О. Р. *Внешняя политика Российской империи, 1801–1914*. М.: Европа, 2006.

Бескровный Л. Г. *Русское военное искусство*. М.: Наука, 1974.

Николай Михайлович Романов, великий князь. Император Александр I: опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1913, 2 т.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Парсамов В. С. История России XVIII – начала XX века. М.: Академия, 2007.

Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: Высшая школа, 2003.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб.: издание А. С. Суворина, 1897–1904, 4 т.

Исследования по Великой армии, ее истории, ее организации

Branda P. Napoléon et ses hommes. La Maison de l'Empereur (1804–1815). Paris: Fayard, 2011.

Calvet S. Destins de braves. Les officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle. Paris: Les Indes savantes, Avignon, université d'Avignon, Rivages des Xantons, 2010.

Canon H. La Guerre napoléonienne. Précis des campagnes. Paris: Economica, 1999.

Chardigny L. Les Maréchaux de Napoléon. Paris: Flammarion, 1946.

Damamme J.-C. Les Soldats de la Grande Armée. Paris: Perrin, 1998.

Forrest A. Napoleon's Men, the Soldiers of the Revolution and Empire. London/New York: Hambledon, 2002.

Jourquin J. Dictionnaire des maréchaux du Premier Empire. Paris: Christian/Jas, 1999.

Lucas-Dubreton J. Soldats de Napoléon. Paris: Tallandier, Bibliothèque napoléonienne, 1977.

Pigeard A. L'Armée de Napoléon (1800–1815). Organisation et vie quotidienne. Paris: Tallandier, Bibliothèque napoléonienne, 2002 (nouvelle édition revue et corrigée).

Pigeard A. Dictionnaire de la Grande Armée. Paris: Tallandier, 2002.

Quenneva J.-C. Atlas de la Grande Armée. Napoléon et ses campagnes, 1803–1815. Paris: Sequoia, 1966.

Rothenberg G. Les Guerres napoléoniennes, 1796–1815. Paris: Autrement, 2000.

Исследования, посвященные русской армии

Hartley J. Russia, 1762–1825: Military Power, the State, and the People. Westport: Praeger, 2008.

Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985.

Lohr E., Poe M. (dir.). The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden: Boston (MA), Brill, 2002.

Wirtschaftler E. K. From Serf to Russian soldier. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Безотосный В. М. Наполеоновский войны. М.: Вече, 2010.

История русской армии, 1812–1864. СПб.: Полигон, 2003.

Исследования французской кампании 1814 года

Исследования, написанные в XIX веке

Anonyme. Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. Paris: imprimerie de Aubry, 1814.

Arnaud F., Caillot A. Précis historique de la campagne de 1814. Paris: Arnaud, 1814.

Beauchamp A., de. Histoire des campagnes de 1814 et 1815. Paris: Lenormant, 1816. 2 vol.

Combe M., colonel. Mémoires sur les campagnes de Russie (1812), de Saxe (1813), de France (1814 et 1815). Paris: Plon, 1896.

Fabry J.-B.-G. La Régence à Blois, ou Les Derniers Moments du gouvernement impérial. Paris: Lenormant et Fantin, 1815.

Giraud P.-F.-F.-J. Campagne de Paris en 1814, précédée d'un coup d'oeil sur celle de 1813. Paris: A. Eumery, 1814.

Houssaye H. 1814. Paris: Perrin, 1888.

Weil M., commandant. La Campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne. Paris: Librairie militaire de L. Baudouin, 1895. Vol. 4/4.

Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I по достоверным источникам. СПб: Тип. В. Спиридонова, 1865.

Деминский Я. С. Русские в Париже, или Описание происшествий, бывших во время вступления и пребывания в Париже российских войск с союзными, под предводительством его величества императора Александра I 1814 года. Собрано из разных сведений Яковом Деминским. СПб.: в Морской типографии, 1814.

Современные исследования

Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris: Belin, Histoire & société, 2005.

Jégo Y. La Campagne de France, 1814. Paris: Tallandier, 2013.

Leggiere M V. The Fall of Napoleon. The Allied Invasion of France, 1813–1814. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Madelin L. La Campagne de France. Paris: Hachette, 1951.

Mikaberidze A. «The Russian Eagles over the Seine», Russian Occupation of Paris in 1814. Napoleonic Scholarship // The Journal of the International Napoleonic Society. Novembre 2011. № 4.

Mir J.-P. La Bataille de Paris, 30 mars 1814. Paris: Archives et culture, 2004.

Thiébaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les Corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire. Paris: SPM, Kronos, 2011.

Thiry J. La Campagne de France de 1814. Paris: Berger-Levrault, 1946.

Tranié J., Carmigniani J.-C. Napoléon. La Campagne d'Espagne, 1807–1814. Paris: Flammarion, «Pygmalion», 1998.

Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже. М.: Изд-во Кучково Поле, 2007.

Могилевский Н. А. От Немана до Сены. Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М.: Кучково поле, 2012.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абердин Джордж Гамильтон-Гордон, граф 43, 68
Аврильон Мари-Жаннетта-Пьерретта д' 160, 162
Ангюлемская Мария-Тереза, герцогиня 138, 140, 142
Андервуд Томас Ричард 90, 170, 176, 213
Анна Павловна, великая княжна 188
Анстедт Жан-Проте, барон д' 39
Аракчеев Алексей Андреевич 8, 28, 49
Артуа граф д' (будущий Карл X) 9, 133–140, 144, 146, 160, 188
- Барбе-Марбуа Франсуа 134
Барклай де Толли Михаил Богданович 8, 14, 37, 41, 46, 49, 50, 72, 85–87, 103–105, 109, 209
Батюшков Константин Николаевич 19, 21, 56, 59, 172, 198, 202, 207, 223, 232
Беллегард Генрих Иоганн фон 48
Бельяр Огюстен Даниэль 107
Бенкендорф Александр Христофорович, фон 47
Беннигсен Леонтий Леонтьевич 47
Беранже Пьер-Жан де 166
Бернадот Жан-Батист, *см. также* Карл Юхан 35, 41, 45, 47, 80, 205
Беррийский Шарль-Фердинанд, герцог 140, 188
Бертье Луи-Александр, князь Невшательский и Валангенский, князь Ваграмский 111, 129, 138
Бестужев Николай Михайлович 198
- Блака д'О Пьер Луи Жан Казимир, герцог де 141, 181, 187
Блюхер Гебхард Леберехт фон 16, 36, 46, 48, 49, 53, 57, 60–63, 69–72, 79, 82–84, 86–88, 92, 104, 105, 108, 109, 118, 179, 191, 193, 208, 209
Богарне Гортензия де 131, 140, 159–163, 213, 221, 227
Богарне Евгений де 32, 35, 82, 131, 160, 162, 163
Богарне Жозефина де 97, 131, 158–163
Бом Амели де 91, 135, 141, 157
Бонапарт Жером 76, 131
Бонапарт Жозеф 60, 62, 93, 100–104, 106, 108, 109, 111, 112, 131, 158
Бонапарт Луи 131, 161, 162
Бонапарт Наполеон 8–12, 16, 17–21, 24–32, 34–43, 45–47, 51, 53, 54, 57, 59–62, 65–71, 76–88, 90, 93–97, 99–102, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 117, 119–123, 125–133, 135, 144, 146–148, 150, 152, 153, 156, 158–161, 171–173, 177, 178, 181, 188–194, 199, 202, 205, 216, 217, 219, 225–227
Бонапарт Наполеон-Луи 161
Бонапарт Шарль-Луи-Наполеон 161
Боссе Луи-Франсуа, барон де 158
Буайе де Ребеваль Жозеф, барон 107, 109
Буайе-Фонфред Франсуа-Бернар 135

- Буань Элеонора-Адель д'Осмонд, графиня де 98, 137, 145, 148, 177, 178, 220
- Бубна Фердинанд фон 36, 46
- Будберг Александр де 147
- Бурьен Луи Антуан Фовеле де 111
- Бюлов Фридрих Вильгельм фон 47, 72, 82–84, 209
- Вальдбург-Трухзесс Фридрих-Людвиг фон, граф 131**
- Вандамм Доминик-Жозеф, граф д'Унсбург 41
- Васильчиков Дмитрий Васильевич 47
- Веллингтон Артур Уэлсли, герцог 42, 45, 47, 53, 86, 189, 193, 227
- Виван Денон Доминик 71, 153
- Виктор Клод-Виктор Перрен 53, 55, 60, 71, 75
- Вильмен Абель-Франсуа 149
- Вильсон Роберт, сэр 28
- Винцингероде Фердинанд Федорович фон 32, 47, 82–84, 87, 88
- Витгенштейн Петр Христианович, граф, позднее князь 31, 34, 36, 46, 58, 70
- Витроль Эжен Франсуа Огюст д'Арно, барон де 98, 133, 134, 141, 212
- Волконский Петр Михайлович, князь 49, 82, 86, 87, 122
- Волконский Сергей Григорьевич, князь 181, 224, 225
- Вольтер Франсуа-Мари Аруэ 57, 59, 180
- Воронцов Михаил Семенович 84, 104, 105, 109, 193, 196, 207, 227, 232
- Вреде Карл Филипп Йозеф фон, граф, позднее князь 46, 88, 105, 122
- Вюртембергская София-Доротея, *см. также* Мария Федоровна 57
- Вюртембергский Евгений, принц 15, 71, 72, 76, 103, 104, 109
- Гарденберг Карл Август фон 37, 39, 67, 78, 79, 82, 136, 210, 217
- Гарриман Аверелл 7
- Глинка Федор Николаевич 5, 7, 59, 173, 198, 207, 223, 233
- Гнедич Николай Иванович 56
- Гнейзенау Август Вильгельм Антониус, граф Нейдхардт фон 57, 206
- Голицын Александр Николаевич, князь 33, 152
- Гольц Август фон дер, граф 206
- Грегуар Анри Жан-Батист, аббат 181
- Груши Эммануэль 70
- Грэм Томас, барон Линедох 47
- Гумбольдт Вильгельм фон, барон 39, 68
- Гюго Виктор 5, 178
- Дальберг Эммерих Жозеф, герцог де 98, 118–120, 212, 215
- Дама Роже де, барон 59
- Дарденн Пьер 64, 65, 73, 74, 75, 77, 165, 166, 198, 222
- Дарю Пьер Брюно 108
- Декре Дени 102, 108
- Дибич Иван Иванович 31, 50, 82, 86, 203
- Друо Антуан 129
- Дюкре Жоржетта 159
- Дюпонитрен Гийом 180
- Дюран Софи Коонсе 103, 106, 159
- Дюрок Жеро Кристоф Мишель, герцог Фриульский 37
- Екатерина II, императрица России 8, 9, 122, 218**
- Екатерина Павловна, великая княжна 28, 97, 133, 205, 207, 217
- Елизавета Алексеевна 165, 183, 221
- Елизавета Петровна, императрица России 8
- Жерар Франсуа Паскаль Симон, барон 155, 220**

- Жирарден д'Эрменонвиль Александр Луи Робер 111, 112
- Жиркевич Иван Степанович 114, 142, 214, 218
- Жомини Антуан Анри, барон 48, 50
- Икскюль Борис Борисович 171, 178, 180, 181, 223
- Йорк фон Вартенбург Иоганн Давид Людвиг, граф 31, 32, 47, 61, 63, 70, 76, 104, 105, 109
- Казаков Иван Михайлович 178–180, 224
- Камбасерес Жан-Жак Режи де, герцог Пармский 60, 62, 93, 101, 102, 211
- Канкрин Георгий Францевич, граф 50
- Каподистрия Иоанн, граф 97, 147, 183, 192
- Карамзин Николай Михайлович 198
- Карем Мари-Антуан (Антонен) 119, 191
- Карл Юхан, наследный принц Швеции. *См. также* Бернадот 140, 205
- Каслри Роберт Стюарт, лорд 41, 43, 66, 67, 78–80, 82, 118, 130, 131, 134–136, 189, 196, 204, 208, 210, 217, 227
- Кларк Анри-Жак-Гийом 102, 106, 108, 213
- Клейст Фридрих Генрих 37, 47, 63, 104, 109
- Клико Барб-Николь, урожденная Понсарден 74
- Клинтон Уильям Генри 45
- Кнезбек Карл Фридрих фон дем 50, 82
- Коленкур Арман Огюстен Луи, герцог Виченцкий, маркиз де 8, 20, 36, 37, 40, 56, 63, 66, 68, 79, 80, 81, 114, 115, 126–131, 137, 181, 188, 204, 205
- Коллер Франц фон 131–133
- Коллоредо Жозеф де Коллоредо-Вальдзее, граф 46
- Кольшан Жан-Виктор, граф 56
- Компан Жан-Доминик 104, 105, 109
- Конде Луи Жозеф, князь де Бурбон-Конде 139, 142, 161
- Констан Бенжамен 126, 145, 155, 181
- Константин Павлович, великий князь 16, 28, 46, 64, 88, 115, 152
- Корф Николай Иванович 88
- Костюшко Тадеуш 156, 220
- Кристиани Шарль-Жозеф, барон 108, 109
- Куаньи Анна-Франсуаза-Эме де Франкто де 96
- Кутузов Михаил Илларионович, князь 8, 27–29, 31, 34, 36, 203
- Кэмпбелл Нил 131, 190
- Кэткорт Уильям, граф 16, 40, 41, 50, 68, 204
- Кювье Жорж 155
- Кюстин Астольф Луи Леонор, маркиз де 8, 196
- Ла Мезонфор Антуан-Филипп дю Буа де Кур, маркиз де 141
- Лавалетт Антуан Мари Шаман, граф де 111, 112
- Лагарп Фредерик-Сезар де 44, 45, 58, 96, 147, 149, 151, 155, 156, 183, 205, 220
- Лажечников Иван Иванович 172, 174, 223
- Ламбрехтс Шарль Жозеф Матьё 125, 134
- Ланжерон Александр Луи Андро (Александр Федорович), граф де 8, 20, 47, 48, 83, 85, 87, 88, 104, 105, 108–110, 206, 210
- Ланской Сергей Николаевич 60, 61
- Лебрен Шарль-Франсуа 101, 103, 134
- Левенштерн Карл Федорович, барон 20, 84
- Ледрю дез Эссар Франсуа Рош 104

- Лене Жозеф-Анри-Жоакен, виконт 54
- Лефевр-Денуэт Шарль 129
- Ливерпул Роберт Бэнкс Дженкинсон, граф 66, 208
- Лихтенштейн, Людвиг, князь фон 46, 120
- Лихтенштейн Мориц, князь фон 46, 120
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь 29, 47
- Людовик XVI, король Франции 96, 133, 138, 151, 162
- Людовик XVIII, король Франции, *см. также* Прованский, граф 9, 78, 95, 133, 134, 136–140, 144, 148, 160, 161, 163, 170, 172, 188, 189, 191–193, 217, 219, 221
- Макдональд Этьен-Жак-Жозеф-Александр, герцог Тарентский 31, 36, 53, 60, 70, 71, 85, 129, 130, 206
- Мале Клод-Франсуа де 29
- Маре Юг Бернар, герцог де Бассано 129
- Мариньи Мари-Анн де, урожденная Шатобриан 91, 103, 157, 177
- Мария Федоровна, вдовствующая императрица, *см. также* Вюртембергская 28, 57, 155, 183
- Мария-Луиза, императрица Франции 27, 35, 46, 57, 60, 62, 69, 86, 93, 96, 102, 103, 106, 131, 158, 213
- Мармон Огюст-Фредерик-Луи Вьесс де, герцог Рагузский 53, 55, 60, 62, 70, 71, 84, 85, 87, 88, 100, 104, 107–114, 129, 130
- Матё Морис Жозеф Матё де Сен-Морис (Серюрье, Жан Матё Филибер Давид) 108
- Мериме Проспер 196
- Меттерних Клеменс Венцель Непомук Лотарь фон, князь 35, 38–40, 43, 45, 48, 52, 57, 67, 69, 78, 79, 82, 98, 118, 130, 131, 136, 195, 210, 217
- Милорадович Михаил Андреевич, граф 31, 32, 179
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович 17, 18, 56–58, 62, 72, 85, 106, 122, 145, 148, 199–202, 206–211, 213, 215, 218, 219, 220, 222
- Моле Матье 101, 192
- Монсе Бон-Адриан Жанно де 100, 104, 109, 129
- Монтескью Луиза Шарлотта Франсуаза Ле Телье де Куртанво, жена графа де Монтескье 60, 158, 215
- Моро Жан-Клод 50, 83, 84, 210
- Мортье Адольф Эдуар Казимир Жозеф, герцог Тревизский 53, 60, 61, 70, 71, 87, 88, 100, 104, 107–109
- Мюрат Иоахим, король Неаполитанский 42, 48
- Назаров Памфил Назарович, в иночестве Митрофан 173, 223
- Нансути Этьен Мари Антуан Шампньон де 53
- Нарышкина Мария Антоновна, урожденная Святополк-Четвертинская 162
- Нарышкина София Александровна 162
- Ней Мишель, герцог Эльхингенский, принц Москворецкий 53, 55, 60, 70, 101, 129, 130, 162
- Нессельроде Карл Васильевич фон 21, 26, 27, 36, 37, 39, 49, 58, 67, 68, 78, 82, 86, 94, 98, 101, 105, 110, 111, 113, 115, 117–122, 126, 130, 132, 136, 147–149, 163, 183, 185, 186, 204, 207–210, 212, 213, 215–217, 225–227
- Новосильцев Николай Николаевич, граф 125
- Ожеро Шарль Пьер Франсуа, герцог де Кастильоне 30, 53, 69, 86

- Олсуфьев Захар Дмитриевич 47, 61, 70
- Орлов Михаил Федорович 107, 109–114, 118, 181, 213–215
- Остен-Сакен Фабиан Готлиб фон, барон 47, 61, 70, 87, 88, 105, 122, 167
- Пажоль Пьер Клод** 71
- Пален Петр Петрович, граф 61, 87, 88
- Паскье Этьен Дени 15, 16, 48, 100, 101, 111, 114, 122, 130, 151, 161, 175
- Пейр Антуан-Мари 106, 108
- Перигор Доротея, княгиня Курляндская, графиня де 19
- Петр I, император России 8, 9, 35
- Писарев Александр Александрович 59
- Платов Матвей Иванович 8, 31, 46, 58, 64, 72, 75, 159, 165, 208, 221
- Поццо ди Борго Шарль-Андре, граф 16, 67, 94, 97, 99, 105, 120, 137, 140, 186–188, 192, 208, 212, 225–227
- Прадт Доминик Фредерик Дюфур де 118
- Прованский граф де, *см. также* Людовик XVIII 54, 79, 80, 95, 133, 139
- Радецкий Йозеф** 73, 82
- Раджицкий Иван 101, 198
- Раевский Николай Николаевич 15, 104, 107, 207, 232
- Разумовский Андрей Кириллович, граф, потом князь 67, 68
- Ремюза Шарль-Франсуа-Мари, граф де 112
- Ренье Жан-Луи-Эбенезер 31, 32, 62
- Римский Наполеон Франсуа Шарль Жозеф Бонапарт, король 57, 60, 96, 102, 129, 158
- Ростопчин Федор Васильевич 16, 26, 76, 225
- Рошешуар Луи Виктор Леон, граф де 122, 146, 167, 168
- Румянцев Николай Петрович 28
- Руссо Жан-Жак 57, 180
- Сегюр Филипп Поль, граф де 66, 128, 196
- Сен-При Гийом-Эммануэль Гиньяр, виконт де 8, 47, 83–85
- Сент-Эньян Никола Огюст Мари Руссо, барон де 43, 205
- Сийес Жозеф-Эммануэль 181
- Сикар Рош-Амбруаз-Кюкюррон, аббат 155
- Симанский Лука Александрович 174, 223
- Сталин Иосиф Виссарионович Джугашвили 7
- Сталь Анна-Луиза Жермена Некер, баронесса де 126, 145, 155, 181
- Стурдза Александр Скарлатович 195, 202
- Стюарт Чарльз 68
- Суам Жозеф 130
- Сульт Жан-де-Дьё 53, 82, 86
- Сюше Луи-Габриель, герцог д'Альбуфера 53
- Талейран-Перигор Шарль-Морис** де, князь Беневентский 21, 93–98, 101–103, 108, 112, 118–121, 123–127, 129, 130, 133, 134, 138, 139, 141, 144, 146, 153, 171, 174, 185, 186, 189, 191, 193, 196, 202, 215
- Теттенборн Фридрих Карл фон 47
- Тизенгаузен София де, графиня, *см. также* Шуазель-Гуфье 15, 16, 27, 201
- Толь Карл Федорович 49, 50, 85–87
- Траси Антуан Дестютт или де Стютт, маркиз де 135
- Тургенев Иван Сергеевич 196

- Тургенев Николай Иванович 181
- Удино Никола-Шарль, герцог Реджийский 60, 71, 85, 129
- Фен Агатон Жан Франсуа, барон 39, 204
- Ферронейс Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф де ла 80
- Фонтен Пьер-Франсуа-Леон 19, 153, 201
- Франц I, император Австрии 35, 40, 41, 194, 195
- Фриан Луи 70
- Фридрих II, король Пруссии 46
- Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии 14–16, 28, 30, 31, 32, 39, 41, 194, 195
- Фуше Жозеф 136
- Хвостов Дмитрий Иванович, граф 183, 225
- Чарторыйский Адам Ежи, князь 25
- Чернышев Александр Иванович 47, 50, 51, 139, 159, 162
- Чертков Александр Дмитриевич 59, 179, 207, 224
- Чичагов Павел Васильевич 31
- Шаброль Гаспар де 16, 111, 114, 146, 147
- Шаптал Жан-Антуан 155
- Шатобриан Франсуа-Рене, граф де 18, 91, 144, 145, 147–149, 157, 181, 201, 218, 220
- Шварценберг Карл Филипп фон, князь 14, 15, 31, 32, 42, 45, 46, 48–50, 53, 56, 58, 60, 61, 69–72, 77, 79, 81, 82, 85–88, 105, 108–110, 113, 115, 117, 120, 129, 206, 209
- Шишков Александр Семенович 28, 29, 42, 203, 205
- Штадион Иоганн Филипп Карл Йозеф, граф фон 36, 37, 67, 68
- Штейн Карл Генрих фон, барон 28, 32, 34, 57, 203, 208
- Шуазель-Гуфье Софи, графиня де, *см. также* Тизенгаузен 15, 27, 151, 201
- Шувалов Павел Андреевич, граф 37, 131–133, 158, 216, 217
- Щербатов Алексей Григорьевич, князь 61
- Щербатов Николай Григорьевич 47
- Юлен Пьер-Огюстен 108

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	6
Введение	7
Пролог. 31 марта 1814 года: В Париже!	14
I. ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ	23
1. Победить Наполеона	24
2. «Враг вступил на землю Вогезов, как на порог гостиной»	44
3. В Шампани	69
II. ПАРИЖ! ДВЕ НЕДЕЛИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ ФРАНЦИЮ	89
4. 30 марта 1814 года: битва под Парижем	90
5. Александр I, архитектор Реставрации	117
III. РУССКИЕ В ПАРИЖЕ	143
6. Новый Марк Аврелий	144
7. Париж в русский час	165
Вместо эпилога. После июня 1814 года	183
Благодарности	197
Примечания	198
Источники и библиография	228
Указатель имен	240

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА "Политическая энциклопедия"

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН
Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75 ст. м. «Марьиная Роща»

интернет-магазин
издательства
<http://www.rosspen.ru>

КИОСК 1
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
тел. +7 (499) 126-94-18 ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА
Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15
тел. +7 (495) 694-50-07 ст. м. «Пушкинская»,
«Смоленский район», «Театральная»

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Научное издание

Эпоха 1812 года

Рэй Мари-Пьер

1814. Царь в Париже

Перевод с французского языка
Алексея Юрьевича Терещенко

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*
Редактор *В. Т. Веденева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.10.2017.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 1274.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

Александр

ЭПОХА

